ДАГЕСТАН

№ 3 (6)

Здравствуй, лето!

У доктора технических наук, главного конструктора САПР Особого конструкторского бюро, руководителя Центра прикладных технологий при дагестанском правительстве Шамиля Алиева столько должностей и званий, что полный их перечень занял бы немало места. Недавно вышел в свет его очередной труд — трехтомник «Торпедное оружие», являющийся беспрецедентным изданием в такой области знаний. Но его научные интересы столь широки и разнообразны, что простираются от космонавтики и морских судов до литературоведения и школьной педагогики.

В июне нынешнего года замечательному дагестанскому ученому исполняется 60 лет. Поздравляем! Какая очередная, смелая и оригинальная, мысль посетит Шамиля Алиева, чтобы превратиться в гипотезу, а затем — в стройную теорию? Желаем новых успехов!

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3(6)

ДАГЕСТАН

май/ июнь 2003

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана
Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО
Магомед АТАБАЕВ_____память
Почерневшие страницы.....2
Миясат МУСЛИМОВА_____образование
Общество и школа: реформы или бег на месте?.....6
Зулейха МАГОМЕДОВА_____личность
«Не считаю прожитые годы, возраст – состояние души».....9
Абдурахман УМАХАНОВ_____культура
Дорога к храму.....12
Джамал РАБАДАНОВ_____психология
Познать себя.....14

ЛИТЕРАТУРА
Вадим КЕРАМОВ_____проза
Красный колокольчик.....17
Письмо Ахмеду.....19
Рашид РАШИДОВ_____поэзия
Волшебный ковер.....20
Наира АЛИЕВА_____проза
Миниатюры.....21
Мадина АМИРХАНОВА_____поэзия
Но мир чужой теперь тобой согрет.....25
Руслан ИСАЕВ_____мнение
У поэта нет биологического возраста.....26
Что такое перевод?.....27
Саид АЗИЗОВ_____отклик
Слово о Кулецме.....28
Алилгаджи АБДУЛЛАЕВ_____полемика
Перевод поэзии глазами языковеда.....29
Ибрагимхалил МАГОМЕДОВ_____зарисовка
День в благодати.....31
Динислам КАРДАШЕВ_____критика
«Почему так много сапожников-критиков».....32
Константин ЗАЧЕСОВ_____сатира и юмор
Литературные пародии.....33
Имьямин ЗАГИРОВ_____сатира и юмор
Истории Гаруна.....34
Тагират ГАСАНОВА, Ахмед ДЖАЧАЕВ_____сатира и юмор
Миниатюры.....36

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ_____здоровье
Бальзам.....37
Кроссворд.....40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

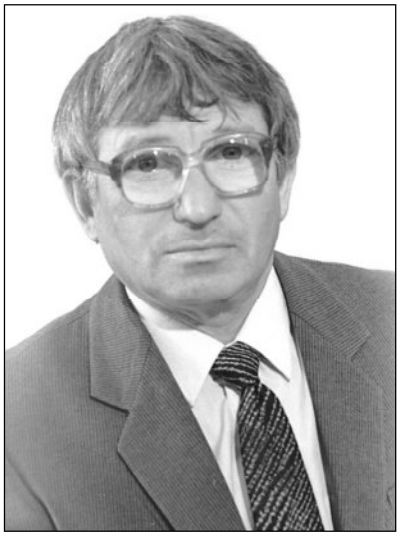
Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1500 экз.**
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 15 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПАМЯТЬ



Магомед АТАБАЕВ

Почерневшие страницы

Из неопубликованной книги «Высшая мера»

Предлагая вниманию читателя эти страницы из архива, почерневшие, словно от горя и стыда, мы знаем сегодня, что люди, которые вели «дело» Д. Апашева и подвели его под расстрел, были неразборчивы в вопросах морали и юриспруденции, они ничем не гнушались, так как по образу своего мышления не могли подняться до него, как не может подняться бесчестье до чести, тщеславие и корысть – до великодушия. По этим «делам», залежавшимся в архивах ФСБ, мы сегодня узнаем правду о трагических событиях нашей истории, а «дело № 3110», проливая свет на черные дни в жизни Д. Апашева, многое в ней проясняет нам.

Да, эти архивные страницы будто боятся, что мы, воспитанные на лжи и обмане, не сможем понять и оценить их. Кто для нас, живущих в другом времени, теперь эти люди, прибитые когда-то бурными волнами гражданской войны и репрессий к огромной Беде страны и утонувшие в ней? Они для многих ныне здравствующих молодых людей – Никто, живущие в Нигде. Вот к чему привели нас люди, которые писали нашу историю с брезгливым презреньем и ненавистью к нашим мужественным и честным предкам, названным ими врагами народа. Хотя врагами народа были они сами. Но ведь тогда все и вся было замешано на лжи.

Изучая материалы по делу Д. Апашева под бдительным оком молодого сотрудника органов безопасности, обаятельного и эрудированного парня, я вдруг подумал: «Почему бы ФСБ самой не издать эти «черные страницы», тем самым освободив себя и всех нас от тяжелого груза неизвестности и позора»… Наблюдая за тем, как я работаю, молодой сотрудник не выдержал и грустно произнес:

– Каких людей уничтожали! Даже не верится…

– А мне не верится, – ответил я ему, – что могу находиться у вас в гостях и спокойно работать, что теперь вы помогаете мне вытащить этих людей из забвения и небытия…

Даниял Апашев родился в селении Эрпели, что в нынешнем Буйнакском районе, в 1870 году. Свидетельство о его рождении выдано кадием села Шихаммат-кади Эрпелинским, автором многочисленных художественных произведений, переводов, первого романа в стихах в кумыкской литературе. В этом документе отмечается, что Даниял – родной сын эрпелинского жителя Апаша Мама оглы, который происходит из узденей, рожден в месяце Шаабан пятнадцатого дня тысяча двести восемьдесят седьмого года…

Даниял Апашев, как и все сельские мальчишки, учился в медресе у того же кадия, был очень способным муталибом. Потом он блестяще окончил военное учебное заведение, стал поручиком. Очень способного, энергичного офицера Апашева направили работать наибом Гумбетовского участка Андийского округа, потом – Нижне-Кайтагского участка Табасаранского округа, где он показал свои блестящие организаторские способности и пользовался огромным уважением населения.

В годы первой мировой войны Даниял Апашев работал комендантом первой столицы Дагестана – города Темир-Хан-Шура. Люди ценили его деловые качества и относились к нему с огромным уважением. Не случайно он был выбран председателем парламента Горской республики.

Даниял Апашев придавал исключительно важное значение решению аграрного вопроса. Как и все правоверные, честные люди, он считал захват чужих земель грабежом, греховным делом, так как частная собственность, освященная Кораном, одобряемая шариатом, должна принадлежать тем, кому отдана во владение богом. А те, кто старается силой отобрать земли, будут наказаны Аллахом. Вокруг земельного вопроса шли долгие споры. Даже и сейчас они все еще продолжаются. А тогда Даниял Апашев и его единомышленники стояли за решение вопроса по шариату, за то, чтобы учитывать новые обстоятельства, чтобы Дагестан находился в составе России. После свержения царизма центральная власть сильно ослабла, все тяжести новых проблем легли на плечи местных властей. Даниялу Апашеву и другим руководителям приходилось в новых обстоятельствах многое решать на ходу, в спешке, самим принимать важные решения. Когда в Дагестане резко возросло число уголовных и иных преступлений, Даниял Апашев проявил себя мужественным и дальновидным человеком. Националисты всех мастей, пользуясь тяжелой обстановкой, пытаясь нажиться на несчастьях других, нападали на простых жителей, предпочитая русских, армян, евреев, персов, представителей других недагестанских национальностей. Грабили магазины, дома, поджигали, убивали… Организованные банды под лозунгом «Дагестан для дагестанцев» совершали невиданные злодеяния, которые не одобрялись ни шариатом, ни официальными законами. Даниял Апашев мужественно выступал против националистических поползновений, грабежей, спас немало людей от гибели и разорения. Организованный им специально для этого отряд смельчаков успешно боролся против разбойников и грабителей, охранял дома, магазины, склады, имущество русскоязычного, как сказали бы сейчас, населения. В этой ожесточенной борьбе погибло немало честных дагестанцев. Под началом Даниала Апашева безвозмездно служили эрпелинцы, каранайаульцы, гимринцы и жители многих других аулов.

В те тяжелые дни Даниял Апашев обратился к ученым-арабистам, религиозным лидерам, чтоб они помогли пре-

сечь наглый и жестокий грабеж людей. По его настоятельной просьбе такие известные в народе люди, как Нажмутдин Гоцинский, Узун Гаджи, Сулейман Гаджи, Абдулбасир Гаджи и другие авторитетные алимы, звали народ к соблюдению норм шариата и законов, именем Аллаха и неминуемой карой пытались образумить разбойников.

Но беда, как известно, не приходит одна. Начались и межнациональные трения. Нашлось немало людей, которые, воспользовавшись безвластием, пытались, как и сейчас, на этом сделать карьеру, нажить богатство. Даниял Апашев, у которого были единомышленники среди всех народов Дагестана, звал всех мусульман и немусульман к миру. Многие алимы-арабисты и представители светской интеллигенции выступили с идеей создания общественно-политической организации, которая, объединив передовые умы, могла бы повлиять на ход событий с тем, чтоб Дагестан пошел по демократическому пути развития. С этой целью была создана на основе «Общества исламистов» общедагестанская организация «Милли комитет». Председателем комитета выбрали Д. Апашева. «Быстрота и натиск сделали свое дело, – напишет потом активный участник событий тех лет Алибек Тахо-Годи. – Рядом с выборным Исполкомом оказался некоронованный король с неменьшими функциями, чем Исполком. Разница разве была в том, что исполком должен был заниматься вопросами, которые до него доходили, а Национальный комитет занимался только теми, какие его интересовали. Или еще: Исполком не имел никакой реальной силы, а Национальный комитет опирался на силу национальной милиции».

«Милли комитет» Данияла Апашева сразу же приступил к созданию своих организаций на местах, которые постепенно захватили функции Дагестанского областного исполкома, поскольку люди со своими жалобами шли в Комитет, а не в Исполком, и выполнялись решения только Комитета. Он всячески пропагандировал идеи дружбы и солидарности народов Дагестана. В декабре 1917 года по инициативе Данияла Апашева состоялось заседание «Милли комитета», на котором было решено создать национальное войско для борьбы с насилием и несправедливостью, грабежами и разбоем для защиты интересов всех национальностей.

Заслуги Данияла Апашева и многих других людей, его соратников, единомышленников, по достоинству не оценены до сих пор. Более того: многие годы эти люди находились под грузом тяжких обвинений и клеветы. Но те, кому Даниял Апашев помогал, кого спасал, с кем делил трудности сложного времени – всегда хранили о нем светлую память; те же, кто был не в ладах с законом, его ненавидели. На него было совершено десять покушений. Это меньше, чем на Саида Амирова, мэра нашей нынешней столицы, но Даниял Апашев гордился и этим. Когда его спрашивали о заслугах, он, перечислив все свои звания и награды, добавлял: «И десять покушений». Их тоже он считал за награды…

В годы революции в Дагестане шла борьба за власть между двумя общественно-политическими силами – шариатистами во главе с Апашевым и социалистами во главе с Коркмасовым. Апашев стремился сохранить самостоятельность Дагестана. За подписью Данияла Апашева, председателя Союзного совета, в газете «Дагестан» от 1 марта 1919 года было опубликовано обращение к народам Дагестана с призывом подняться на борьбу против Добровольческой армии генерала Деникина. В трагические для Дагестана дни, когда армия Деникина заняла Порт-Петровск и Дербент, глава города Темир-Хан-Шура и председатель парламента Горской республики находился в гуще событий. Он спас от гибели немало раненых, организовывал госпитали, вдохновлял людей, желая не допустить, чтоб город стал местом сражений. 24 марта 1920 года он лично выехал встречать партизан. А 9 июня того же года Апашева арестовали. Так советская власть «наградила» его за высокие заслуги перед отечеством и народом.

Весть об аресте Апашева разнеслась по всему Дагестану. Люди разных национальностей выступили в его защиту, на своих сходах даргинцы, аварцы, кумыки, персы, евреи, жители многих селений на равнине и в горах требовали его освобождения. Но решения многих сельских и городских сходов остались гласом вопиющих в пустыне – их не захотели услышать. 21 сентября 1920 года коллегия Дагчека под председательством Квиринга приговорила Данияла Апашева к расстрелу с конфискацией имущества. Злодейское дело было совершено… Примечательно, что в этом же году той же коллегией был вынесен смертный приговор и прославленному дагестанскому борцу Али-Клычу.

Многие годы наша историческая наука делала все, чтобы мы не знали свою историю. Имена преданных сыновей народа, таких как Даниял Апашев, были преданы забвению, да еще их объявили врагами народа. Какая чудовищная несправедливость!

Ради восстановления справедливости, ради настоящего и будущего Дагестана давно настало время увековечить их имена, вернуть их потомкам такими, какими они были на самом деле. Давно настало время увековечить память первого коменданта первой столицы Дагестана, выдающегося общественно-политического деятеля, славного сына Дагестана. Давно пора воздать должное памяти таких людей, как Даниял Апашев. Это нужно не мертвым, это нужно нам. Живым. Нужно для очищения наших душ и покаяния перед их памятью, чтобы узнать самих себя и свою истинную историю. Это нужно нашим потомкам, чтобы защищать правду и справедливость, научится преданности высшим человеческим идеалам, стойкости и твердости духа…

Когда Даниялу Апашеву, находившемуся в заточении, предложили свободу в обмен на помощь в поимке Гоцинского, он ответил:

– Чему-чему, но этому нас не учили. Я честью не торгую, не предаю людей, тем более друзей.

– Выбирайте – свобода или…

– Или что?

– Смерть с вечным клеймом врага народа… Позор.

– Лучше смерть, – ответил Апашев. – А что касается позора – история рассудит нас.

И он оказался прав: правда и справедливость постепенно одерживают победу за победой. Всемогущее Время ставит все на свои места. А место Данияла Апашева там, откуда никакая сила не может вычеркнуть его имя и заслуги – в нашей истории и памяти, в статьях и книгах о нем, которые еще напишут, в улицах и площадях, которым дадут его имя. И в первой столице Дагестана, где выдающемуся сыну народа должны поставить великолепный памятник. Это тоже нужно не ему, а нам, живым, и нашим потомкам, которые тоже должны узнать себя, историю своих предков, ибо без этого нет и не может быть достойного человеческого существования. Без покаяния и очищения ложь и обман будут постоянными спутниками нашей жизни, извращая и развращая наши души.

Не могу не рассказать хотя бы вкратце о судьбе его сына Магомеда и всей его замечательной семьи. После злодейской расправы над Даниялом Апашевым репрессии обрушились на его родственников. Дом отняли, жену Умукусум и детей просто выбросили на улицу…

Сохранилось удостоверение, которое многое нам, сегодняшним, может удостоверить – до чего доходило глумление над личностью! «Настоящее Удостоверение дано Эрпелинским сельсоветом Магомеду Апашеву в том, что у него не имеется ни имущества, ни вообще никакого состояния. Сентябрь 1-го дня, 1923 год». Вот так. Отобрали все, выбросили мальчика с семьей на улицу. Удостоверили, что нет у него никакого состояния. Хотя дом Данияла Апашева до сих пор стоит в селении Эрпели!

Магомед распрощался с любимой собакой Аргут, с родными местами и вынужден был окунуться в великий океан жизни. Долго он мытарствовал в Дагестане, Азербайджане, Средней Азии. А когда вырос, окончил в Ташкенте институт машиностроения, переехал в Москву, поступил на работу. Он – первый дагестанец, ставший доктором технических наук. Женился. Его жена – Нина Владимировна – двоюродная сестра президента Академии наук СССР Несмеянова, впоследствии тоже делала крупные открытия в науке, приумножившие мощь и славу страны… Беглый сын Дагестана, став крупным ученым, когда о нем в родных местах все успели забыть (область его деятельности была засекречена), приехал в республику через пятьдесят лет. И вот что этому предшествовало.

Однажды Магомед Апашев позвонил домой и радостным голосом сообщил жене:

– К шести часам у нас будут гости.

– Кто?

– Мои земляки. Что-нибудь надо? Успеешь? – по голосу чувствовалось, как он возбужден.

– Успеем, конечно. Вот и Дая подойдет.

Дая – Дайганат Абдулзагировна Бексултанова – племянница Магомеда Апашева – только недавно поступила в аспирантуру. «Дая отлично готовит», – думала Нина Владимировна, надевая фартук. Ее всегда охватывало какое-то волнение, когда приезжали гости из Дагестана, особенно ей незнакомые.

Когда Магомед Даниялович, приехав, заглянул на кухню, жена спросила:

– А кто у нас будет, если не секрет?

– Знаю только одного… Известный историк. Помнишь, я говорил?

– Как?! – всплеснула она руками. – Неужели?

– Да, я решил пригласить его. Пусть познакомится ближе. Но смотрите, не подведите меня.

И Магомед Даниялович посмотрел на жену и племянницу таким умоляющим взглядом, что они сразу все поняли: он хотел, чтобы ни словом, ни жестом они не подали гостям малейшего намека на то, что знают об этой злополучной книге, которая стояла там, в шкафу, среди других книг. Он собирал книги о Дагестане и однажды после работы принес и эту книгу. В тот же вечер у себя в кабинете он начал ее читать. Но потом несколько дней ходил весь подавленный. «С чего бы это?» – встревожилась Нина Владимировна. У него вновь обострилась болезнь, которую с огромным трудом врачам удалось погасить. Он снова начал харкать кровью, капли крови падали и на эту книгу, которую время от времени брал в руки. И Нина Владимировна, почуяв неладное, тоже прочла ее и наткнулась на страшные слова, произнесенные незнакомой ей женщиной: «…Темирхановы, Апашевы, Гоцинские и тому подобная мерзопакость…». «Апашевы – мерзопакость?!» Словно удар в спину.

Не раз ей хотелось вырвать и выбросить эту грязную страницу, чтобы она больше не ранила любимого человека. Его и так всю жизнь сопровождали невзгоды, муки несправедливости и эта неизлечимая болезнь – туберкулез. Временами ей казалось, что у себя дома она держит страшное взрывное устройство, которое в любой момент может убить самого дорогого на свете человека. Она не раз видела, как Магомед

Даниял Апашев

после работы, словно заколдованный, подходил к шкафу, брал эту книгу и углублялся в чтение, будто хотел найти ответ на какой-то мучительный вопрос, хотя ему давно было ясно все, что связано с его отцом…

Вот почему он предупреждал взглядом: забудьте об этой книге при гостях. Не подавайте виду. Будьте радушны и дружелюбны.

Когда гости – мужчина в велюровой шляпе и женщина с букетом алых роз, представившаяся: «Тату Булач» – пришли, Магомед Даниялович повел кунаков в гостиную.

Благодаря способностям хозяина и радушной хозяйки застолье, набирая обороты, протекало на высоком уровне. Незаметно оно перешло в состояние, когда хозяева не хотят отпустить, а… гости и не думают откланяться. И тут пришла веселая и любознательная дочь Магомеда Данияловича – Людмила. И в непринужденном разговоре она, не вкладывая в свои слова какого-то особого смысла, обращаясь к профессору-историку, сказала:

– А у нас есть ваша книга… Вон там в шкафу.

– Да?! – растерянно улыбнулся профессор.

Все разом умолкли. А Тату Булач, сообразив, о какой книге идет речь, смутилась, но быстро взяла себя в руки:

– Видит Бог, не могу уйти из вашего дома, Магомед Даниялович, не сказав об этом. Простите меня, старую дуру, за такие слова, сказанные когда-то в адрес вашего отца… Данияла Апашева. Я знала его с малых лет. И он был совсем не таким. Я виновата…

– И совсем не таким, каким я обрисовал его в своей книге… – смущенно вымолвил профессор. – Простите и меня. Мы все виноваты.

Повисла напряженная тишина. Тяжкое чувство вины сковало всех. Каждый чувствовал виноватым себя по-своему: Тату Булач – что необдуманно высказала такую чудовищную нелепость; историк, автор книги – что вынужден был написать такое; Магомед Даниялович – что не смог отвести от гостей такую «пощечину»; его жена – что не могла в эту минуту выглядеть приветливой; племянница Дайганат – что ей пришлось присутствовать при всем этом. Одна лишь Людмила виноватой себя ни в чем не считала.

– Что же мы?! Все в порядке! – произнес Магомед Даниялович и встал с бокалом в руке. – За вас! За родной Дагестан! – и энергичным движением руки так чокнулся с историком, что высокий бокал, издав легкий прозрачный стук, сломался аккуратно посередине.

Все смутились. Магомед Даниялович продолжал стоять с растерянным видом. Первой нашлась племянница.

– Это к счастью! – сказала Дайганат, убирая со стола осколки…

А Магомеду Данияловичу вдруг стало жаль этих интеллигентных людей, которые пришли в его жилище. Может, чувство покаяния привело этих людей, которые ошибались ошибками своей эпохи.

– Эй, Магомеды, что вы приуныли? – засмеялась Нина Владимировна. – А Дая так старалась… Кстати, откуда в Дагестане столько Магомедов?

– Это после арабов, – сказал историк, обрадованный, что ему подали любимого «коня». – После принятия ислама стали нас называть Магомедами и Ахмедами… А до этого новорожденным давали совсем другие имена. К примеру, девочек называли такими красивыми именами: Гюлзар – Печальная Роза, Гюлбике – Княжна Роза, Айбике – Лунная княжна; а мальчикам давали имена: Байболат – Богатая сталь, Бекболат – Крепкая сталь. – Историк стал считать на пальцах. – Это уже когда научились обрабатывать железо… Бексултан – Крепкий Султан…

– У слов тоже, как и у людей, своя история, – сказала Нина Владимировна. – Как интересно.

Но, как ни старались хозяева, зас-

толье, как разбитый бокал, уже не клеилось. Ничто не могло склеить трещину, которая от войны дошла до потомков Данияла Апашева, расстрелянного в 1920 году. Одно лишь упоминание о книге, посвященной давно прошедшим дням, разбередило душевные раны и привело к тому, что гостям поскорее захотелось уйти, а хозяевам – проститься с ними.

– Нам пора, – смущенно сказала Тату Булач, вставая.

Гости заторопились. И когда они ушли, Нина Владимировна решительно подошла к шкафу.

– Где эта книга? Я ее все равно выброшу!

– Не трогай, пожалуйста, – сказал Магомед Даниялович, обняв жену за плечи. – Разве она одна? За эти годы таких книг выпущено миллионы. Так всегда бывает, когда историю побежденных пишут победители…

***

Прошли годы. Нет Магомеда Даниялович, нет и Нины Владимировны – его любимой жены и преданного друга. Их дочь – Людмила Магомедовна Апашева, доктор биологических наук – сегодня живет в Москве. Пришли другие времена, каких мы даже представить себе не могли, но ради которых жили, трудились, боролись ушедшие в мир иной поколения. И мы, живые свидетели и участники радостных и трагических событий, не должны забывать тех, кто в труде и в бою, в мужественной борьбе с несправедливостью творил историю своего Отечества, нашу историю, многие страницы которой еще не написаны. Я знаю: со временем о каждом из таких людей, проклятьем заклейменных, как Даниял Апашев, создадут книги и фильмы… Может, они, эти книги, будут лучше наших. Но пусть за это дело не берется тот, кто не любил и не страдал, кому не приходилось выть от боли и обиды – ничего у него не получится.

А честные книги о тяжелой судьбе этих мужественных людей, рыцарей совести тоже могут быть участниками демократических преобразований, могут бороться против лжи и обмана, несправедливости и произвола.

***

В заключение еще несколько строк.

Это было в дни, когда весь Дагестан готовился к пуску Чиркейской ГЭС. Позвонили из Москвы:

– К вам едет комиссия для проведения технического осмотра ГЭС. Возглавляет ее ваш земляк Магомед Даниялович Апашев. Встречайте.

Наш земляк? Кто это может быть, думали в обкоме партии. Никто не знал такого земляка.

Встречать поехал с товарищами ныне покойный Ш.И.Шихсаидов. Тогда он работал секретарем обкома партии. Кто это, думал он по дороге, Магомед Апашев? Он вроде слышал эту фамилию, но никакого Апашева не знал.

На перрон первым вышел человек выше среднего роста в коричневом костюме. Шляпу он держал в руке.

– Здравствуйте, – поздоровался Шихсаид Исаевич и крепко пожал ему руку. – Секретарь обкома. Как доехали?

– Нормально вроде, – улыбнулся Магомед Даниялович и начал знакомить с членами комиссии.

После встречи в обкоме поехали на ГЭС.

– Садитесь в мою машину, – пригласил гостя Шихсаид Исаевич. – Вдвоем будет веселее.

– Вы, наверное, кумык, – улыбнулся Апашев в машине.

– Откуда вы узнали?

– Догадался, – сказал Магомед и стал говорить на кумыкском. А потом спросил: – Ну, как, не разучился?

– Прекрасно говорите.

– То-то, не думайте, что москвичи ничего не умеют, – засмеялся гость.

Шихсаид Исаевич хотел было спросить, как он оказался в столице, но сдержался. Пусть сам расскажет, если захочет, подумал он.

После технического осмотра собрались ехать в Махачкалу, но тут Магомед отозвал Шихсаида в сторону:

– У меня к вам просьба: далеко ли отсюда до Эрпели? Хотел бы съездить…

– Да прямо отсюда и можно поехать, – ответил Шихсаид и подумал: наверное, там живут знакомые или родственники. – Недалеко совсем. Поехали?

– Поехали.

Остальных Шихсаид Исаевич отправил в Махачкалу, а сам с гостем поехал в Буйнакский район.

– Кто там, в Эрпели, родственники?

– Да, наверное, никого уже нет…

Приехали. Магомед внимательно все вокруг разглядывал. Он не узнавал свое родное село – так все изменилось.

– Куда? – спросил шофер.

Магомед молчал.

– Прямо в контору, там спросим…

– Остановите… Ничего не надо спрашивать…

Магомед вышел из машины и медленно пошел туда, где в просторном дворе стоял памятник. Шихсаид Исаевич пошел за ним. Магомед стоял, будто что-то обдумывая. Словно слепые котята, воспоминания ощупью узнавали этот двор, длинный дом, где он родился и жил, где отец рассказывал ему сказки о храбром Темир-Хаджи и его непослушных сыновьях. Вон там находилась наша конюшня, думал он, а там была наша кунацкая, где отец принимал гостей… А там, в комнате, спали мы, дети…

Увидев приезжих, стали подходить сельчане, председатель колхоза, парторг, которых Шихсаид хорошо знал, другие люди.

– Что же вы стоите на дворе под палящим солнцем? – спросил парторг. – Пойдемте ко мне…

– Спасибо, – ответил Магомед Даниялович. – Принесите, пожалуйста, попить, если можно.

– Да разве так годится, уже обед, – сказал председатель, – никуда я вас не пущу.

День был жаркий. Солнце стояло в зените.

– Спасибо, – сказал Магомед, залпом выпив кружку. – Надо ехать.

Председатель тащил Шихсаида Исаевича за руку: «Пойдемте к нам, поедете вечером, куда в такую жару!»

– Да оставьте меня, – смеялся Шихсаид Исаевич. – Секретарь обкома уже ничего не решает. Его тащите, он хозяин сейчас, наш гость.

Вдруг какой-то мальчуган на улице стал звать:

– Аргъут! Аргъут! Куда ты пропал?!

Магомед Даниялович вздрогнул. Он вспомнил свою раненую собаку, которая с жалобным визгом бежала за ним… В тот же миг услышал и голос матери, которая звала собаку. Комок застрял в горле. Но Магомед тут же взял себя в руки.

– Спасибо, – распрощался Магомед. – Надо ехать. Подышал, увидел…

Он сел в машину. А сельчане долго гадали, что же увидел тут этот гость. По дороге Шихсаид Исаевич повернул машину в Буглен – свое родное село.

– Поедем ко мне, пообедаем…

Только там, в узком кругу, Магомед Даниялович разговорился. Рассказал о своей судьбе, о своем отце. Как он мечтал все эти годы увидеть родные места, как его тянула сюда неодолимая тоска. Все эти годы он ходил с клеймом «сына врага народа». Многое рассказал он молча и печально слушавшим его людям. Только не смог сказать, что в родном селе, которое он мечтал увидеть хоть издали, он почувствовал себя совсем чужим!

– Надо же, – вздохнул он наконец, – пятьдесят лет стремиться сюда, чтоб пять минут постоять у порога своего дома…

– Не пять минут, а целых пятьдесят, – засмеялся Шихсаид Исаевич, чтоб развеселить Магомеда. – Я посмотрел на часы…

А сосед-старик – большой любитель пофилософствовать, случайно оказавшийся в доме и внимательно слушавший Магомеда, спросил:

– Немало тебя, сынок, помотало по свету. И к какому заключению, в конце концов, пришел?

– Скажу, отец, – помедлив, ответил Магомед. – Нет в мире таких богатств, ради которых можно обидеть человека… тем более – разлучить его с родиной.

Миясат МУСЛИМОВА,
доцент ДГУ

Общество и школа: реформы или бег на месте?

Выступление министра образования РФ В. Филиппова о реформах в системе образования, опубликованное в № 1 за этот год, вызвало разную реакцию. Вот еще одна точка зрения.

Сегодня школа вновь стала испытательным полигоном для приложения реформаторского зуда чиновников от просвещения. Оптимизм министра просвещения Филиппова очень контрастирует с пассивностью и безмолвием школы, привыкшей выживать, преодолевая валы реформ, заканчивающихся еще большей ее унификацией и подавлением.

Есть какой-то удивительный парадокс в том, что общество всегда недовольно своей системой образования, всегда подвергает ее резкой критике, но по большому счету все оставляет по-прежнему. Во все времена в качестве новых высказываются по существу одни и те же педагогические идеи: поддержка активности ребенка, его творческого потенциала, необходимость учета его особенностей, ориентированность на развитие личности. Всего 15 лет назад в «Учительской газете» был опубликован проект концепции общего среднего образования, разработанный временным научно-исследовательским коллективом «Базовая школа». Идеи гуманизации и гуманитаризации образования, развивающей и развивающейся школы, перестройки воспитания и многие другие идеи, провозглашенные в нем, окрыляли, увлекали, обещали ее новое рождение. Это была эпоха Возрождения в педагогике, сотворенная командой В. Матвеева, редактора «Учительской газеты», вызванная к жизни пробуждением общества. Благословенное время нравственного здоровья общества, когда оно рукоплескало Учителю.

За эти годы изменилось многое: созданы различные типы школ, учителю предоставлено право выбирать программы, учебники, деидеологизация образования раскрепостила школу, но свидетельствуют ли внешние перемены о глубинном преобразовании духа школы, ее роли в формировании Личности? Дух догматики из школ не изгнан, качество образования существенно не повысилось, несмотря на внешнюю мишуру, уровень воспитания не изменился в лучшую сторону. И все попытки нынешнего реформирования вряд ли могут сулить лучший результат. И причин тому много.

Во-первых, общество не осмыслило итогов и уроков предыдущих реформ, точнее их пробуксовки в главном: в качестве образования. Только в нашей республике функционирует огромное количество инновационных школ и классов, но общество не имеет представления об их реальных успехах и проблемах, а общий уровень образования падает пропорционально росту количества спецшкол и экстерната. Смена вывесок и переименований статусов школ налицо, а реальный вклад инновационных образовательных структур в повышение статуса образования и воспитания личности осмыслен ли?

Во-вторых, всеобщий дух коммерциализации глубоко проник в сферу образования и не мог не отразиться на состоянии школы. Нет у школы иммунитета от тех болезней, которыми болеет общество.

В-третьих, неизбежное следствие коммерциализации высшего образования и переоценки моральных ценностей в обществе привело к резкому снижению уровня профессионализма.

В-четвертых, обюрокрачивание педагогики и школы, раздробленность системы образования в целом, отсутствие реального сотрудничества между всеми структурами образовательного процесса, и, как следствие – устранение школы от диалоговых отношений с государством и обществом.

СТАНДАРТЫ: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР ИЛИ КОРОТКИЙ ПОВОДОК?

Нередко происходит так, что благой замысел, обжившись в чиновничьих кабинетах, преображается до неузнаваемости. Такой путь и проделали стандарты, которые по замыслу их автора Б.Н.Науменко должны были стать гарантом безопасности для работы творческих учителей, а стали удобным оружием в руках любого проверяющего. Тогда, в 1991 году – редкий случай – министерство предусматривало ограничение собственной власти, создавая стандарты как систему противовесов чиновничьему вмешательству. Сегодняшнее понимание стандартов как минимизации содержания образования и перечня требований к выпускнику ведет к возрождению планово-советской структуры управления школой. Школа воспроизводит завтрашний тип отношений граждан и государства. Сегодня таким типом становится бюрократическая диктатура. Стандарты должны выступать как общественный договор между гражданами и школой – и тогда мы на пути к правовому гражданскому обществу. Но реально такой договор строится как договор между ведомством и государством – и это профанация его идеи и путь в застой.

Если стандарт – это определенный уровень требований, долженствующих обеспечить качество продукции, то это понимание оборачивается фикцией по двум причинам.

Во-первых, стандартизируемы только формальные вещи, а закладывание в стандарты ценностных параметров (вплоть до гражданственности и патриотизма) может привести к абсурду саму идею, особенно когда речь идет в частности о таком предмете, как литература. В такой ситуации неизбежен формально-оценочный подход к деятельности учителя и ученика, что лишает содержание этой деятельности личностного смысла, а реформы пото-

му и нужны, чтобы преодолеть эту ситуацию. Вот вам и порочный круг. Либо следует вообще отказаться от стандартов (уже 10 лет школа живет без стандартов, обходится без них, хотя уверена, что они есть), либо они должны строиться совершенно иначе.

Во-вторых, пока проблема стандартов решается на уровне ведомства – государства и школы – принятие их мало что изменит. Уровень товара определяют его потребители, а роль государства сводится к защите их интересов и поощрению товаропроизводителей. Высшая школа – потребитель «товара» общеобразовательных учебных заведений, она реально диктует свои условия. А вот требования государства должны быть приняты всеми участниками процесса. Следовательно, создавать стандарты следует как договор между вузами и школами при участии государства как гаранта реализации права на образование.

В последнее время понятие о стандарте в мире изменилось. На Западе давно поняли, что предъявлять требования к товару как конечному продукту бессмысленно, потому что при равнодушии к процессу производства брак неизбежен. Только при соблюдении всей технологии высококвалифицированными специалистами товар (в нашем случае образовательный) всегда будет качественным. Таким образом, стандарт в образовании – это условия педагогического труда, организация учебного процесса, соблюдение которых гарантирует его качество. Квалификация кадров, педагогические технологии, оплата труда, школьная гигиена, расписание, обеспечение учебниками, материальное положение школ – вот что должно гарантироваться стандартами. Стандарт – это правовая норма, фиксирующая ответственность государства перед гражданином в области образования. Такое его понимание предполагало бы поворот к школе. Но законопроект о стандартах направлен на то, чтобы законодательно закрепить ответственность учителя, ученика и школы перед государством, обеспечить чиновникам от педагогики полноту их власти.

Десять лет идет процесс составления требований к школе. Разбазаривание средств будет идти и дальше, если, предъявляя требования ученикам, общество не задумается над тем, а соответствует ли оно само требованиям выпускников школы? Каков наш стандарт, который мы предъявляем вступающим в жизнь юношам? Впавшие в эйфорию от введения тестов, которыми удобно манипулировать, но сложней выявлять истинный уровень знаний, смогут ли сами вузы пройти тест на принципиальность и справедливость? Готовая мгновенно взять выпускника под ружье армия – соответствует ли она его ожиданиям? Соответствуют ли тотальная коррупция, незащищенность и бесправие, господствующие в обществе двойные стандарты стандарту «приверженности к гуманистическим и демократическим ценностям, гражданственности, социальной ответственности»?..

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

В рамках Министерства образования РФ создан временный научный коллектив «Образовательный стандарт». Им, в свою очередь, созданы предметные группы, включающие специалистов. В декабре 2002 года третий проект стандартов был предложен на рассмотрение Государственной Думе, и школа вновь осталась без них.

Противники стандартов считают, что содержание образования должно регулироваться программами, а стандарты должны зафиксировать лишь общие цели, принципы и задачи образования. Учительство обеспокоено тем, что единственным критерием его профессионализма будет исполнение им и учеником образовательного стандарта. Демократические школы настаивают на принципиальных поправках. Участники первого Всероссийского форума демократических школ обратились к депутатам Государственной Думы: «Мы убеждены, что принятие единого для всех учеников обязательного минимума образования, единого для всех набора учебных предметов неизбежно приведет к оттоку из школ многих детей, наиболее творческих учителей и к дальнейшему обюрокрачиванию школы. Согласно проекту закона государство устанавливает жесткий контроль за исполнением стандарта, но устраняется от гарантий по созданию в каждой школе материальных и финансовых условий существования».

По официальной статистике министерством образования получено 91 экспертное заключение на проект стандартов из 64 регионов, а также от вузов, отделений РАН, Московской патриархии и 150 отзывов от школ. В нашей республике проект стандарта по литературе педагогической общественностью не обсуждается, большинство учителей стандарта в глаза не видело и понимает, что от их мнения ничего не зависит. Что делается в этом направлении министерством образования и другими ответственными ведомствами – трудно судить. По словам сотрудника министерства, курирующего преподавание гуманитарных предметов, экспертное заключение от региона не было отправлено. Более того: сами сотрудники образовательных ведомств не знакомы со стандартами, не говоря уже о рядовых учителях. Пассивность и безынициативность сверху и снизу приводит к тому, что регионы отказываются от права влиять на образовательную политику. Право вершить ее монополизировано с нашего согласия, и по сути это ведомственная политика.

В республике проблемами образования занимается огромная армия специалистов! Однако в поисках ответа на вопрос, как координируется работа многочисленных структур для решения проблем, в частности, литературного образования школьников выявилась полная их разобщенность и отсутствие единой концепции деятельности.

Итак, реально наш регион не влияет на составление стандартов – отсутствует механизм такого влияния. При такой пассивности мы можем оказаться в ситуации, когда центр легко научится обходиться без нашего участия при составлении федерального компонента, так же, как Институт педагогики в ряде случаев научился обходиться без учета мнения педагогической общественности при составлении регионального компонента содержания образования. Важные решения в области образовательной политики могут приниматься кулуарно, спешно, без учета позиций заинтересованных сторон.

Как известно, национальная школа имеет свои программы. Наличие разных программ для национальной и русской школы связано со спецификой усвоения русской литературы нерусскими учащимися: неодинаковым уровнем языковой подготовки учащихся регионов, своеобразием социальных, этнографических, историко-культурных особенностей, национально-художественной спецификой родной для жителей данного региона литературы, своеобразием восприятия русской литературы нерусскими учащимися. Учет этих факторов находит отражение в отборе программных литературных произведений, в расширении межпредметных связей с дисциплинами гуманитарного цикла.

Поскольку предложенный в декабре проект стандартов не был принят, под эгидой министерства образования готовится новый. До недавнего времени над составлением стандартов по русской литературе для русских школ и соответственно по русской литературе для национальных школ работали две комиссии. На последнем этапе работы возникла идея объединить стандарты. По официальной логике принятие единого стандарта для старшей профильной школы оправдывается существованием единого образовательного пространства. Неофициальная же причина связана с тем, что проект стандартов для национальной школы оказался настолько более подготовленным и значимым, что первая комиссия вместо того, чтобы доработать стандарты для русской школы, решила просто использовать лучший проект, объединив их. Вот что порой может лежать в основе принятия исторических решений!

При всей привлекательности идеи единого образовательного пространства возникает много вопросов.

Допустимо ли принятие такого решения без учета позиции регионов? Какими достоверными и обоснованными доводами подтверждается целесообразность решения? Реальна ли цель единого образовательного пространства? Правомерно ли закрывать глаза на существующую разницу в уровне подготовки выпускника городской и сельской школы? Не станет ли в этом случае единый государственный экзамен (ЕГЭ) барьером для выпускников национальной школы на пути к высшему образованию? Не чревата ли такая ситуация социальным напряжением в регионах? Если стерта национальная школа в профильных классах, не следует ли ожидать столь же быстрого упразднения ее в обычных старших классах, а затем и в основной школе? Не противоречит ли это кулуарное решение статье 2 ч. 3 закона РФ «Об образовании» («О соответствии государственной политики в области образования принципу общедоступности образования, ее адаптивности к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся»). Какую позицию займет наше министерство образования, если узнает о предполагаемых изменениях?

Информация о планах комиссии просачивается в регионы, и министерства образования Татарии и Башкирии уже отреагировали: на имя министра образования РФ от 21.02.03 направлено письмо, в котором излагаются условия, не позволяющие сегодня обеспечить единый уровень владения русским языком и литературой учащимися разных типов школ.

Это лишь небольшая часть вопросов по проблемам образования, если их решение дается на откуп ведомствам, если широкая общественность устраняется от внимания к ним, если неразвит механизм вовлечения самой школы в управление образованием. У нас нет опыта формирования гражданского общества, а есть опыт понимания политики (в любой сфере) как искусства удерживать людей от участия в делах, которые их прямо касаются. Что мы сегодня и пожинаем.

«ОБРАЗОВАНЦЫ» ИЛИ ВОСХОЖДЕНИЕ К УЧИТЕЛЮ

Подлинное содержание нынешних реформ внятно не объяснено ни общественности, ни педагогической элите. Случайно ли, что в органах министерства образования – ни в центре, ни на местах – почти не встречаются яркие, самостоятельно мыслящие личности? Кто же тогда управляет народным образованием? Почему мы не видим и не слышим их ни в прессе, ни в самой школе, ни в каком бы то ни было публичном диалоге? Не видим ни в какой другой деятельности? Почему люди из числа творческих учителей не привлекаются к управлению образованием?

Предполагаю, потому, что ими трудно управлять. Вряд ли они согласятся на роль беспрекословных исполнителей приказа сверху. Чиновникам же от образования не требуется проявлять свои педагогические способности, демонстрировать свое знание и интерес к педагогическим технологиям, нет необходимости проходить все ступени роста от рядового учителя к руководителю определенной структуры. Само это прохождение не ставится в зависимость от творческих способностей личности.

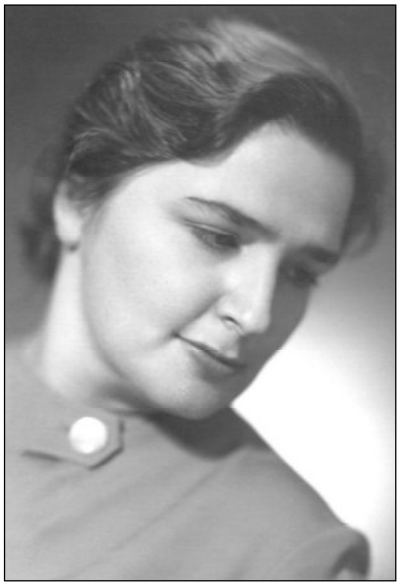
Беда управления образованием в нашей стране в том, что управленец очень редко способен к восхождению до истинного учителя, а учитель милостью божьей не верит в возможность своего творчества в чиновничьих кабинетах.

Потому и необходимо нынешним реформаторам единое образовательное пространство, что тотальная унификация упростит процесс управления школой, контроля и надзора за ней. Но неужели это так утопично – иметь среди управленцев талантливых педагогов, творчески и государственно мыслящих? Ведь не найти, сколько не пытайся, среди нынешних чиновников людей, обеспокоенных поиском истинного смысла образования. Зато все они умело берут под козырек, великолепно пользуются технократическим набором словотворчества реформаторов: ЕГЭ, «компетенция», «стандарт», «модули», ГИФО, «профили» и т. д.

Реформирование образования не имеет пока ни экономического, ни социального, ни научного обоснования. Трата денег на создание сомнительных центров стратегических исследований, на экспериментирование, переписывание стандартов, издание «новых» учебников при слабом бюджетном финансировании вместо концентрации средств для переоснащения школ, увеличения зарплаты педагогов, увеличения финансирования обучения отдельного ученика за счет снижения количества обучаемых, приходящихся на одного учителя, повышения уровня подготовки специалистов, расширения сети авторских школ и решения множества других нынешних проблем приведет к кризису образования. Практически все аргументы авторов концепции реформирования построены на спекулятивных и заведомо ложных посылках.

Так, в качестве одной из целей реформы приводится тезис о сохранении и обеспечении здоровья учащихся, страдающих от перегруженности школьных программ. Однако по данным академика Российской академии медицинских наук С.И.-Колесникова, ухудшение здоровья учащихся связано с неправильной организацией учебного процесса, его усредненностью, отсутствием индивидуального психофизиологического и анатомического подхода, плохим использованием мотивации в обучении и другими причинами. Реализация одного из тезисов минобразования о переходе на самообеспечение не только высшего, но постепенно и среднего образования ляжет бременем на самую необеспеченную часть населения.

Образование – процесс духовный. Поиски смысла образования вне опоры на Личность и Профессионализм разведут страну и школу в разные стороны. Сегодня от этого выиграет армия посредственностей. А завтра?



«Не считаю прожитые годы, возраст - состояние души»

При всей значимости и известности этой женщины в недалеком прошлом истинные масштабы этой личности в наши дни только начинают вырисовываться. Невозможно зафиксировать в одной статье все составляющие этого феномена, который неизмеримо сложнее всего, что написано о ней и ею самой. Беглые штрихи всего лишь обрисуют контуры, высветят отдельные черты.

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина – не с хладной красотой,
Но пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый,
просвещенный?
С кем можно быть не хладным,
не пустым?

Эти строки из Пушкина, прочитанные на память женщиной, приближающейся к своему восьмидесятилетию, но сохранившей молодой, зоркий интерес к поэзии, к природе, жизни, неожиданно точно совпали с впечатлением, которое она производит на всех без исключения собеседников. И вполне естественна тяга окружающих к этой умной, красивой личности с неординарной, почти легендарной судьбой. Понятен интерес к крупному государственному деятелю, чье место в истории Дагестана еще не до конца определено. Интерес, который стало возможно удовлетворить, хотя бы отчасти, только после публикаций ряда ее интервью в прессе, а главное – выхода в свет в 1999 году книги мемуаров «У людей разные звезды».

Каждый, кто лично соприкасается с Розой Басировной Эльдаровой, моментально попадает под обаяние ее интеллекта, внешности, манеры разговора. Владеющая в совершенстве даром дипломатического обхождения, в беседе она учтива, находчива, разнообразна, в делах – конкретна, мобильна и обязательна.

Сохранившая и в совершенные лета молодость, свежесть чувств и восприятий, она подолгу может цитировать обожаемых ею Пушкина, Лермонтова, Байрона, Блока и еще многих великих, составивших часть ее богатого внутреннего мира. «Книги мой рай, моя земля обетованная. Этот праздник всегда со мной, – пишет она, и добавляет: – Жить полноценной жизнью в немолодом уже возрасте – это искусство. И как каждому искусству, этому надо учиться».

От природы несуетная, она и теперь предпочитает лаконичную четкость уединения, обретая возможность уходить с головой в чтение, написание статей и еще каких-то личных воспоминаний, а может быть, просто размышлений о времени, о судьбах ушедшего и нынешнего поколений.

Роза Басировна часто приводит известные строки: «…времена не выбирают, в них живут и умирают…». В ее случае логично было бы продолжить, что есть люди, выбранные временем, вся жизнь которых обусловлена именно этим выбором.

Она не знала ни довоенного счастливого детства, ни беззаботной юности, выпавшей на годы Великой Отечественной войны. В пятнадцать лет начался ее нелегкий трудовой путь, приведший к немыслимым для женщины-дагестанки высотам государственной власти. Учительница русского языка для сельских ребят, комсомольский лидер, целиком отдающий свои силы и энергию общественной деятельности, помощь раненым, организация уже тогда небольших, но четких структур государственного порядка в условиях сельской местности. Ее активность была отмечена, и в 1949 году Роза Басировна Эльдарова была направлена на учебу в Высшую партийную школу в Москву. После возвращения в Дагестан она работала секретарем Махачкалинского окружкома партии, заместителем заведующего отделом по работе среди женщин обкома КПСС, секретарем горкома КПСС, секретарем горкома и первым секретарем Советского райкома, секретарем Дагестанского обкома.

В течение семи лет Роза Басировна была Председателем Президиума Верховного Совета республики – тогда эта должность соответствовала президентской.

Новым витком в уверенном восхождении по служебной лестнице стало назначение ее заведующей отделом постоянных комиссий обеих палат Верховного Совета СССР. Она была единственной женщиной – заведующей отделом на три больших аппарата – ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совмина СССР.

Среди множества ее наград – ордена Ленина, Октябрьской революции, два ордена Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медаль «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Многочисленные награды иностранных государств связаны с ее работой в Комитете советских женщин СССР и Союзе обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. В 1963 году состоялась ее успешная защита диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Даже беглое перечисление должностей, которые она занимала, и наград, которых была удостоена, весьма впечатляет, особенно тех людей из старшего поколения, которые знают им цену и значение.

Среди ее друзей были видные государственные деятели как на Родине, так и за рубежом. Теплыми дружескими узами была связана она с писателями и художниками, актерами и космонавтами, учеными и просто интересными людьми.

Она всегда делала то, что от нее требовала работа. Так получилось, что служение делу стало главным в ее судьбе. И чем больше достижений было у нее в общественной жизни, тем больше оказывалось проблем в личной. «Не может женщина, по большому счету, быть счастливой одной только работой или творчеством. Для полного счастья, кроме всего этого, нужна и полноцен-

ная семья. Друзья восполняют многое, но не все», – с легкой горечью напишет она много позже, касаясь общей для многих талантливых женщин темы. А тогда, приученная с детства надеяться только на себя, она продолжала трудиться с полной самоотдачей, решала вопросы, которые могла решить только она, и отвечала за последствия своих решений тоже она. При этом строго придерживалась партийной дисциплины и дисциплины внутренней, выработанной с юности.

Только однажды попыталась Роза Басировна воспротивиться своему переводу в Москву в аппарат Президиума Верховного Совета СССР. Прекрасно зная подоплеку и все перипетии этого назначения, будучи на пике своей столь удачно складывающейся карьеры в высших эшелонах власти республики, она все же вынуждена была согласиться на переезд в Москву вопреки собственным интересам и интересам своей семьи. Впрочем, в своей книге она пишет: «Работа в Москве дала мне очень много, и мир мой значительно обогатился».

В этой связи уместно привести выдержку из воспоминаний видного политического деятеля республики Ш.М. Шамхалова, где он, отдавая должное профессиональным и человеческим качествам Розы Басировны, пишет: «...она была не только талантливым организатором, но и очень настойчивым человеком. А ее личное обаяние притягивало к ней людей всех слоев – особенно интеллигенцию. И последнее не случайно. Большинство событий в культурной жизни Дагестана были связаны с именем Р.А. Эльдаровой». Многие люди, знавшие ее, соприкасавшиеся с ней по долгу службы, могут подписаться под этими словами, как и под тем, что «...Дагестан многое потерял с отъездом Розы Абдулбасировны в Москву... ей были по плечу любые посты на родине».

Типично для человеческой сущности Розы Басировны, что о чем бы она не писала и не говорила, личная и общественная темы развиваются у нее не параллельно, а в неразрывном единстве. Ее читатель или собеседник всегда имеет возможность увидеть ее богатую духовную жизнь и безоглядную преданность делу, которому она служила более полувека.

Ее перу принадлежат публикации, посвященные проблемам современности, немало места уделено в них и образам современников, людям культуры, литературы. И каждое ее высказывание привлекает внимание точностью формулировок, умело расставленными акцентами, ясным оценочным критерием, а главное – искренностью высказанных ею чувств.

Крепкими корнями связанная со своей республикой, со своей семьей и со своими друзьями, она с теплотой и благодарностью пишет о каждом из них. Особой любовью и признанием проникнуты строки, посвященные отцу, погибшему в конце войны. Неоднократно возвращается она к этой теме, считает отца своим идеалом, человеком, давшим ей тот жизненный импульс, которым она руководствуется в жизни. Его пример помог ей еще в ранние годы, может быть и неосознанно, выработать свой кодекс поведения, свои точки отсчета в системе нравственных координат, те качества, которые помогают ей и сейчас.

В смутные времена, когда размывается грань между добром и злом и большинство людей чаще ведет себя применительно к обстоятельствам, Роза Басировна, обращаясь к своим землякам, часто говорит в печати о том, что и теперь можно и должно жить достойно, ориентируясь на приоритеты духовные, на элементарную человеческую благопристойность.

Жизненный опыт, зафиксированный в памяти таких людей, как Эльдарова, занимает в шкале ценностей зачастую место несравненно более почетное, чем многочисленные мемуары разоблачительного характера, где безоглядно предается анафеме прошлое целой страны. И в книге своей и в статьях она сознательно и умело избегает поверхностной трактовки событий, явлений, соблюдает разумный баланс в оценках исторических личностей, с которыми ее сводила судьба. Она сочла необходимым сказать добрые слова о тех, с кем работала в Дагестане, не забыла и своих кремлевских сослуживцев, нашла в образе каждого из них конкретное и характерное. Желание воздать должное тем, кто этого заслуживает тем более ценно сейчас, когда ее оценка этих людей не общепринята. В одной из своих статей, посвященной политическим реалиям дня сегодняшнего, она с определенным смыслом приводит слова незабвенной Фаины Раневской: «Я так стара, что помню времена порядочных людей...».

Прозрачность и простота изложения в книге «У людей разные звезды» сочетаются с некоторой завуалированностью. Умение вложить дополнительный смысл в обычную информацию – свойство политиков и дипломатов. Роза Басировна отлично владеет этой техникой. Так же умело и профессионально владеет она литературным словом, обладает способностью мыслить образно, находить при случае интересное сравнение, важную цитату.

Выбор имен здесь чрезвычайно широк – от Платона и Сократа, Данте и Шекспира, Гете и Гюго до Байрона, Бальзака, Блока. Использованные к месту и ненавязчиво, высказывания великих облагораживают ее текст, делают его еще более убедительным. Для ее речи, письменной и устной, характерно соединение простоты и высокого стиля, когда порой будничное и бытовое органично сплетается с высоким и вечным. На первое место она всегда ставит нравственные приоритеты, умение делать добро: «Что-то приходит в жизнь, что-то уходит, а вечным остается только сделанное добро. В нем вижу смысл жизни и другим советую спешить, иначе можно опоздать».

Обращает на себя стиль некоторых высказываний Розы Басировны, изящный, тяготеющий к образцам начала XX века, исполненный благородной сдержанности. Вот небольшой отрывок из ее письма одному весьма достойному ученому: «Мой возраст освободил меня от необходимости льстить кому бы то ни было, хотя в отношениях между людьми, как говорил Л. Толстой, лесть и похвала необходимы. Но в моем характере никогда не было этих качеств, тем более бескорыстна я в свои годы, а громкой или слишком откровенной фразы стеснялась всегда». При чтении невольно приходишь к мысли о том, сколько еще граней этой богато одаренной натуры можно обнаружить в любом из ее текстов, и сколько еще надо написать о ней, чтобы как-то совместить то несовместимое, что проявляется часто и ярко в ее характере. Ведь многолетняя работа на партийно-государственном поприще такого уровня и такой интенсивности никак не располагает к склонности к изяществу слога, изысканному художественному самовыражению. Наверное, здесь действует старая истина: талантливый человек талантлив во всем. Что справедливо и в отношении восприимчивости высоких образцов культуры мысли, и в умении их интерпретировать сообразно обстоятельствам. При этом Розе Басировне присущ сугубо реалистичный взгляд на вещи, не позволяющий отвлекаться от заданной темы. На каждый возможный вопрос ею дается исчерпывающий ответ, зачастую и орнаментированный философскими сентенциями, цитатами, собственными очень точными наблюдениями. Образность и простота изложения привлекают читателя, дают обильную пищу для размышлений.

Казалось бы, в бурных событиях, захлестнувших страну, среди звучания громких слов о демократии и свободе слова, на фоне обильного

разнообразия мемуарной литературы любого толка, голос Розы Эльдаровой мог быть и не услышан, а ее книга могла оказаться вытесненной с поля зрения читателя политическими бестселлерами последних лет. Однако этого не произошло. Ее воспоминания и каждое новое выступление в прессе оказались притягательными не только для людей старшего поколения, но и для новых, круг которых значительно расширился. Видимо, следовало прожить в ту, ушедшую, эпоху достаточно долго и честно, чтобы столь просто и ясно, и без надрыва передать свои чувства в связи со всем тем, что произошло с нашей страной, нашей жизнью и нашей культурой. «Дом отцов приходит в разоренье» – приводит она в этой связи слова Байрона. А от себя добавляет: «Очень хочется, чтобы наш отчий дом не пришел в разорение, чтобы быстрее шло оздоровление общества, ибо когда поезд идет под откос, его уже нельзя остановить, а тем более вернуть на рельсы».

Эти и другие высказывания Розы Басировны об утерянной державе основаны на трезвом, логически выверенном анализе грамотного политика, свидетеля передвижения «королей» и «пешек» на кремлевской сцене. Совсем не случайно приводит она слова великого Микеланджело, который еще в XVI веке сказал: «Все в нас актерство – до последних поз! И только умирали мы всерьез». «С тех пор мало что изменилось», – добавляет Роза Басировна. Ей-то, конечно, лучше знать, что было правдой, а что актерством в той большой игре под названием «перестройка». Но есть вещи, которые она никогда и никому не раскроет, хотя период написания книги совпал с периодом разоблачительных сенсаций, причем хорошо оплачиваемых и в России, и в особенности, на Западе. Люди, имевшие доступ к святая святых недавно еще могущественной державы, соревновались в своем стремлении успеть продать первыми любую информацию. Особо ценным материалом были кремлевские тайны и вообще все, что связано с Кремлем. Розе Басировне с ее более чем 20-летним стажем работы в его аппарате было что рассказать. Но для нее этот вопрос никогда не вставал. Даже в книге, предназначенной дагестанскому читателю, изданной гораздо позже периода сенсаций, она приводит лишь ряд эпизодов внутрикремлевской жизни, дающих материал для реального и сдержанного комментария. И это вовсе не позиция упертого партократа, не желающего «поступаться принципами». Нет. Это – свидетельство достоинства и величия женщины, прошедшей свой жизненный путь так, как распорядилась судьба, и вместе со своим поколением разделившей со всей страной и боль утрат, и слабые проблески надежды на лучшее.

Работая в государственных органах столь высокого уровня, Роза Басировна, конечно же, как и другие, чувствовала глубинную сейсмичность процессов, происходивших в стране. Думается, она предвидела и последствия неоднозначной политики Горбачева, хотя его личность в противовес личности Ельцина оценивается ею довольно высоко. Она в целом приняла перестройку, поняла ее цели и необходимость обновления строя. Тем сильнее было ее разочарование, не заставившее себя долго ждать. Захват власти Ельциным, развал Союза, ослабление и ограбление России, циничная ложь, скрытая за словами о демократии и свободе, и как результат – миллионы обманутых россиян, растоптанных, ограбленных, потерявших веру во все святое, в саму жизнь.

Окончательно понятными ей стали истинные цели людей, спекулировавших идеями демократии и свободы, после штурма Белого дома в октябре 1993 года. Лучше всего скажет об этом сама Роза Басировна, непосредственный свидетель событий тех дней: «Запад в те трагические дни был даже солидарен с Ельциным, хотя штурм парламента плохо вписывался в представление о демократии. Выходит, прав тот, у кого власть. Опасная и преступная философия». В связи с этими и другими многочисленными событиями, проиллюстрировавшими, что беды и до того не слишком счастливой страны еще впереди, она пишет: «Нет покаяния ни у кого! Значит, быть новой беде, подумала я… И не ошиблась, как и многие другие».

Очень сдержанная в проявлении чувств, она становится резкой, категоричной лишь когда речь идет о судьбах страны, людей, потерявших ориентиры в смуте нового времени. «Человек рушится, и это страшно. Души и ценности разворочены. Пока мы идем к так называемой свободе и цивилизации, столько черной грязи выплыло наверх. Из лексикона ушли слова: честь, благородство, достоинство. А слово «нравственность», хотя и затаскано, но ею и не пахнет в стране. О душе забыли».

Никогда, пожалуй, личные проблемы, а их было немало, не заслоняли социальную направленность ее мысли. Озабоченность проблемами общественными выходит на первый план и сейчас, когда она отошла от дел. Можно было лишить ее каких-то полномочий, остановить работу столь глубокого интеллекта, каким наделена Р. Эльдарова, но погасить ее тягу к решению вопросов социальных и политических, лишить ее возможности быть всегда в эпицентре событий, важных для республики, невозможно. Она любит повторять стихотворение Андрея Дементьева, который с потрясающей пронзительностью говорит о поколении, к которому относится и Роза Басировна:

Наше время ушло…
Это мы задержались,
Потому что Россия без нас пропадет.
Мы свободой уже дополна надышались
И не раз заслоняли ее от невзгод.

И да будет счастливым
грядущее время!
Но когда нас не станет,
Не делайте вид,
Будто не было нас.
В землю брошено семя,
Собирать урожай вам еще предстоит.

Наше время ушло…
Мы чуть-чуть задержались,
Потому, что с себя не снимаем вину.
Как мое поколенье унизила жалость,
Как унизили бедностью нашу страну.

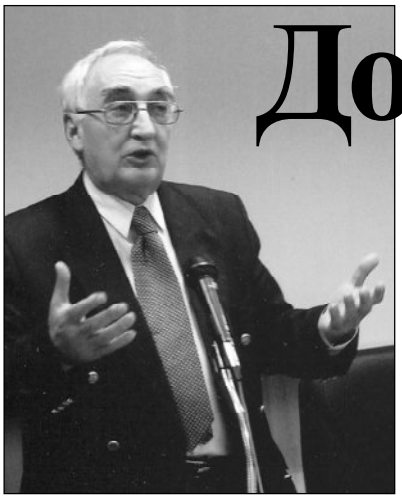
Она глубоко чувствует трагизм в жизни своего поколения, которое, едва справившись с одной бедой, принималось преодолевать другую. «Я считаю, что мое поколение героическое. Но судьба его оказалась трагической, ибо исторические цели революции не оправдались. Построив новое общество ценой огромных жертв, мое поколение стало свидетелем и его развала».

Каждому возрасту даны свои испытания. Вместе со всей некогда великой державой Роза Басировна завершила один из периодов жизни и открыла для себя новую, но уже в большей степени личную, индивидуальную главу своей жизни. В этой жизни есть место делам, которыми ей всегда не удавалось заняться. Теперь она может реализовать себя в том, к чему всегда душа лежала – чтению, размышлениям и, конечно же, литературным занятиям.

«Не считаю прожитые годы,
Возраст – состояние души»

– эти строки любимого поэта Розы Басировны Эльдаровой как нельзя лучше отвечают на вопросы любопытных об этой женщине, молодой душой и неизменно привлекающей внимание окружающих обаянием ума и внешности, цельностью и необычностью своей человеческой сущности.

Зулейха МАГОМЕДОВА,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ ДНЦ РАН



Дорога к храму

Как сказал пророк, час, затраченный на приобретение полезных знаний, Аллаху угодней, чем ночь, проведенная в молитве. Не потому ли почти каждая мечеть имела раньше свою библиотеку, пополнению которой способствовала мусульманская традиция – завещать книги мечетям. Причем книги в примечетских и частных библиотеках издавна были не только богословские, но и содержали знания по всем отраслям существовавших тогда наук. В средневековом Дагестане (уже в начале XI века) существовали отдельные книжные коллекции, служившие прообразом будущих публичных библиотек в нашем краю. С развитием цивилизации на смену религиозным центрам, являвшимся хранилищами знаний, пришли светские библиотеки. О становлении библиотечного дела в нашей республике рассказывает директор Национальной библиотеки Дагестана Таймыр АГАЕВ.

– Когда же в республике были открыты первые библиотеки?

– Первая в Дагестане городская светская публичная библиотека имени А.С. Пушкина с бесплатным читальным залом (за получение книг на дом взималась небольшая плата) была открыта в Порт-Петровске 9 мая 1909 года на средства, собранные за счет частных пожертвований. Сегодняшняя республиканская Национальная библиотека является ее правопреемницей. Но до 1909 года уже успешно функционировали библиотеки при учебных заведениях, клубах и даже – при войсковых частях. Среди них выделялись библиотека Темирханшуринского реального училища (до десяти тысяч томов) и открытая в 1899 году библиотека областного комитета по статистике из 2739 томов. В 1923 году библиотека имени А.С. Пушкина была преобразована в городскую Центральную библиотеку, а в 1939 году она получила статус Республиканской библиотеки имени А.С. Пушкина, и у входа в нее был установлен памятник великому поэту.

– К чему сводится сегодня деятельность библиотек помимо общеизвестных функций?

– Любая библиотека продолжает оставаться распространителем культурного наследия народа и всего человечества, интеллектуальной памятью нации. Содержание работы менялось в зависимости от поставленных задач: начиная от ликвидации всеобщей безграмотности населения до приобщения его к чтению. Колоссальные успехи в общем и профессиональном образовании едва ли могли быть столь впечатляющи без той роли, которую сыграли библиотеки в этой работе в качестве очагов культуры и проводников знаний. Сегодня трудно найти среди признанных деятелей науки, культуры, производства Дагестана тех, кто не прошел через читальные залы и книгохранилища нашей библиотеки.

– Насколько болезненны были для вас изменения в стране, происшедшие в последние 10-12 лет?

– Переход от служения целям прежних социальных стереотипов к работе в новых условиях не был и не мог быть безболезненным. Возникла необходимость формирования книжных фондов, соответствующих потребностям нового общества. Изменились формы библиотечного обслуживания, возникли новые информационные технологии на электронных носителях, появилась глобальная сеть Интернета. Все это потребовало не только колоссальных материальных затрат, но и срочного обучения персонала библиотеки работе в совершенно непривычных условиях, что при материальной базе, существовавшей в начале 90-х годов, было очень трудно. Строительство нового здания библиотеки с проектной мощностью в миллион томов было приостановлено, трудиться приходилось в немыслимых условиях. Это не замедлило сказаться на качестве работы: число посещений упало до 200 в день, книговыдач – до 500 единиц, произошел резкий отток читателей.

– Что же библиотеку спасло?

– Энергия и неустанная настойчивость ее работников, министра культуры республики Наиды Абдулгамидовой, которой в результате невероятных усилий удалось-таки добиться расконсервации строительства нового здания библиотеки в июне 1995 года.

– И что дальше?

– А дальше, в конце августа 1995 года, мне, директору тогда одной из махачкалинских средних общеобразовательных школ, было предложено возглавить строящийся объект и поставлена задача – получить от строителей новое здание, отвечающее современным условиям реализации государственной политики в развитии информационной базы Дагестана, вхождения в общее информационное поле России, а в последующем через глобальную сеть Интернета – и в мировое информационное пространство.

– И вы, просвещенец с большим стажем, согласились заняться делом, заметно отличающимся от того, которым занимались более трех десятилетий?

– Что ж, пришлось переучиваться и очень серьезно заняться самообразованием. Еще в ходе строительства пришлось детально знакомиться с деятельностью нескольких крупнейших библиотек России: исторической, иностранной, научной литературы и в Москве, и в Ростове-на-Дону; принимал участие в работе семинара для руководителей библиотек субъектов Федерации, проведенной на базе Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Все это плюс активная поддержка со стороны министерства культуры республики позволило мне сформировать четкое представление о современной библиотечно-информационной системе и воплотить в жизнь ее идеи. Сегодня есть веские основания утверждать, что превращение главной библиотеки республики и в современное учреждение культуры, и в архитектурную достопримечательность столицы состоялось.

– И все ваши ожидания оправда-

лись?

– При сдаче в эксплуатацию в ноябре 1997 года библиотека не была оснащена необходимым оборудованием, соответствующей техникой, надлежащим инвентарем. Но сегодня благодаря постоянному вниманию правительства и нашего министерства библиотека оснащена практически полностью, как говорится, по последнему слову техники. Она вполне отвечает требованиям государственной политики в реализации прав граждан на библиотечное обслуживание, всеобщей доступности информации через сохранение, развитие, модернизацию и внедрение новых информационных технологий.

– К чему сводится в вашей деятельности конкретное участие Фонда Сороса?

– При его поддержке у нас функционирует Интернет-зал на 15 рабочих станций и реализовано несколько программ. Например, мега-проект «Пушкинская библиотека» (комплектование книжных фондов), «Дагестанка» (составление библиографического справочника), «Редкая книга» (создание отдела редкой книги и постоянно действующей экспозиции). Только по мега-проекту (по шести каталогам) библиотеки республики получили на льготных условиях (за половину стоимости и без оплаты расходов за доставку) более 75 тысяч книг, а 20 из наиболее нуждающихся и пострадавших в результате военных действий получили литературу бесплатно. Общий же вклад фонда по всем программам составил только за два года более 43 тысяч долларов США,

Необходимо сказать, что сегодня в нашей библиотеке функционируют 26 отделов, появились такие новые структурные подразделения, как Интернет-зал, отделы автоматизации, иностранной литературы, редкой книги, копировально-множительный, правовой информации, консервации и сохранности фондов. В наших читальных залах могут работать одновременно более 600 читателей, а показатель ежедневного посещения уже достиг цифры в 1300 человек.

– Вы участвуете в пополнении книжных фондов сельских библиотек?

– Недавно национальная библиотека в рамках упомянутого мега-проекта получила по нашей заявке для районов, пострадавших в результате террористических актов и стихийных бедствий, более 13 тысяч книг на общую сумму свыше 770 тысяч рублей. Сейчас осуществляется проект «Сельская библиотека», предусматривающий оплату половины издательской стоимости книг.

– Можно ли сказать, что сегодня преимущественно читают люди?

– По тому, что люди читают, можно с большой долей вероятности определить, что происходит в обществе. И раньше не все поголовно зачитывались Белинским и Гоголем. Но сегодня какие-то сдвиги – не в лучшую сторону – в читательских пристрастиях все же заметны. Изобилует «легкое чтиво», что происходит из-за резкого падения покупательских и «подписных» возможностей граждан, девальвации настоящего образования, вызванной не в последнюю очередь возможностью легко купить вузовский диплом и ученую степень. Ведь не секрет, что люди, не умеющие внятно изложить собственную мысль или написать самостоятельно пару абзацев, становятся профессорами, докторами юридических и экономических наук (каков гибрид!), что не может не изменить читательских вкусов населения и его отношения к образованию…

В этих условиях библиотекам приходится учитывать возросший широкий разброс читательских вкусов и дороговизну книг, стремится предоставлять малоимущим возможность познакомиться с шедеврами мировой литературы.

– Существуют ли контакты с другими библиотеками региона и страны?

– Мы принимаем активное участие в традиционно проводимых в Крыму международных конференциях «Библиотеки и ассоциации в изменяющемся мире», «Новые технологии и новые формы сотрудничества»; в сессиях Российской библиотечной ассоциации, в работе Международной федерации библиотечных ассоциаций. Наша библиотека – участник совместной программы библиотеки Конгресса США и института «Открытое общество». По приглашению Центра чтения библиотеки Конгресса я прошел двухнедельную стажировку в публичных библиотеках США; выступил на проведенной в Санкт-Петербурге международной российско-американской научной конференции «Читающий мир и мир чтения».

– Нельзя не спросить об условиях работы…

– Работники нашей библиотеки – это настоящие профессионалы, подлинные энтузиасты и истинные подвижники культуры, несущие свой тяжкий крест, что называется, не за страх, а за совесть. Но получают они, увы, за свой труд очень низкую плату. Наш золотой фонд – это Салимат Багандова, Асват Алиева, Хадижат Харченко, Баху Меджидова, Земфира Шапиева, Владимир Супрун, Рашида Сукаева. И первый «Заслуженный работник культуры РФ» среди работников библиотеки, ныне – директор Республиканской детской библиотеки – Кубра Алиевна Султанова!

Вашингтон. Октябрь 2001 года. Слева направо: Т. Агаев - директор НБ РД, Д. Полозков - директор Ярославской научной библиотеки, Дж. Биллингтон - директор библиотеки Конгресса США.

– А как выглядит Национальная библиотека Дагестана на фоне других библиотек Российской Федерации?

– Отставание республики в социально-экономическом развитии не дает нам возможности преодолеть разрыв в информационном обеспечении от богатых регионов России, подняться хотя бы до уровня средних показателей в стране. Полагаю, что без серьезных решений на государственном уровне преодоление этого разрыва маловероятно. Ведь известно, что дорога к храму требует ухода, а сам храм – почитания и помощи!

Беседовал Абдурахман УМАХАНОВ

Познать себя

Во многих странах в годы смуты отчаявшиеся люди начинают верить в чудо и ждут его, а те, кто умело обещает им это чудо, имеют особенную популярность. Поэтому, когда гражданин теряет едва ли не самое важное в своей жизни – уверенность в завтрашнем дне, наступает час разного рода шарлатанов – лжепророков, нечистых на руку политиков, создателей «финансовых пирамид», целителей, экстрасенсов, ясновидящих и более скромных тружеников чужого счастья – рядовых гадалок. Они мастерски играют на струнах душ человеческих и говорят всегда то, что от них хотят услышать.

Отдельного разговора из всей этой армии последователей Остапа Бендера заслуживают предсказатели и целители. Они «месят» сознание обывателей, помогая им выйти из депрессии и заставляя поверить в себя. Они нагадают вам на кофейной гуще или колоде карт будущее самых радужных оттенков и внушат вам, что голова уже не болит. Диагноз «стресс» они заменят определениями «сглаз» или «порча», и охотно возьмутся «снимать» с вас эту напасть. За большие деньги, разумеется.

Но речь пойдет не он них, а о тех, чье законное место в обществе они занимают – о психологах. Удивительно, но это факт – вроде бы уже десяток лет мы пытаемся жить, как белые люди, но все так же потешаемся над сентиментальными американцами, которые то и дело бросаются друг другу в объятия и рыдают, откровенничают по поводу и без повода со своими психоаналитиками. Сами же в массе своей мы не способны отличить психолога от психиатра, и на того нормального и здорового человека, что посещает психолога, смотрим как на потенциального ненормального. Однако на фоне повальной психологической безграмотности у нас начали появляться настоящие квалифицированные специалисты.

Почему институт психологии только-только начал развиваться в Дагестане? Насколько у нас востребованы услуги психолога при все увеличивающемся количестве пресловутых гадалок, и есть ли перспективы для развития психотерапии в республике? С какими проблемами чаще всего приходится сталкиваться нашим психологам, с чем это связано и какие методики находят применение в дагестанском обществе? В конце концов, что значат слова «психология», «психотерапия» и «психоанализ»?

Эти и другие вопросы корреспондент журнала «Дагестан» Джамал РАБАДАНОВ задал известным в республике психологам.

Елена МКРТЧАН, частнопрактикующий психолог:

– Психотерапия в Дагестане начала развиваться сравнительно недавно, и пока еще находится в зачаточном состоянии. Хороших психологов у нас можно пересчитать по пальцам. Большей частью это теоретики, гораздо меньше психологов-практиков. И, несмотря на все это, я считаю, что перспектива для развития у нас есть.

Что касаемо культуры обращения к психологам… Люди все чаще прибегают к их услугам, хотя не до конца себе представляют, кто это такие. Психолог работает только со здоровыми людьми, которых могут выбить из колеи смерть близких, неудачи в личной жизни, болезни и прочее. Это так называемые «проблемные», но психически полноценные люди.

Настоящий психолог должен владеть диагностикой и соблюдать следующие правила. Прежде всего, никогда не давать советов. Психолог диагностирует проблему, «достает» подсознательные импульсы, которые могут выражаться в комплексах, мыслях, желаниях человека. Затем он раскрывает их перед клиентом, и они вместе решают проблему. Мобилизовать человека на решение и корректировать его поведение – вот задачи психолога. Но решать свои проблемы человек должен сам. Психика каждого сугубо индивидуальна. «Вытащить», «разгрузить», научить человека справляться с ситуациями, стать его проводником в собственное подсознание должен уметь профессиональный психолог.

Главное здесь – дать понять, что из любого, казалось бы, безвыходного положения есть выход. В зависимости от ситуации повысить самооценку или же объяснить, чем неудобна слишком завышенная самооценка. Психолог должен давать человеку информацию о нем. Этой информации иногда достаточно, чтобы помочь ему. Настоящий психолог не использует морализацию и критику. Его метод – эмпатия. Пережить, понять, поставить себя на его место – вот что необходимо. Не должно быть настроя на осуждение человека, но должен быть настрой на то, чтобы научить не совершать ничего плохого.

Какие проблемы чаще всего приходится решать? Одна из наиболее распространенных – нежелание матери «делить» сына с его женой. Особенно – младшего и единственного. Это заложено в нашей генетике. В Дагестане всегда существовала большая разница в воспитании мальчика и девочки. Сына всячески опекали, не давали работать до подросткового возраста, в то время как дочь с малых лет приучали к труду. Малым народам необходимо было выживать, а для этого нужно было как можно больше носителей рода. Как результат – дагестанские мужчины достаточно избалованы. Но, надо заметить, балованный ребенок – это не всегда минус: он нацелен на счастье.

Еще один важный момент – мать никогда не должна давать повода тому, чтобы ребенок почувствовал, что она принесла в жертву ему свою жизнь. Если мать неосознанно переориентирует ребенка таким образом, он будет стремиться отдать долг и у него не останется времени на свою жизнь. Возникнет чувство вины. Или же, если у матери не сложилась судьба, неблагополучная семья, она может неосознанно перекладывать свои комплексы на детей, решить, что они должны компенсировать ее неудачи.

Большое значение в жизни дагестанцев имеют родовые отношения. Это учитывает психогенетический метод, который я использую в ходе системной терапии. Методика, конечно, возникла не в Дагестане, но нам она подхо-

дит как нельзя более. Система – это род, семья. Мы наследуем страхи, обиды рода, много негатива. Психологи используют термин «невидимая лояльность» в том случае, если человек неосознанно повторяет судьбу своих старших родственников, далеко не всегда благополучную. Важно избавиться от такого «наследия», использовать аффирмации, смысл которых сводится к следующему: «Мне не обязательно повторять судьбу родных, чтобы любить их. Я беру только то, что хорошо, и этим улучшаю свой род».

Хороший результат дает метод анализа ранних детских воспоминаний по Альфреду Адлеру. Все мы, действительно, родом из детства, в раннем детстве формируется наш характер, наш стиль жизни. Ребенок лишен логического восприятия, он интуитивно познает жизнь, события, происходящие вокруг, они учат его жить, накладывают отпечаток на его последующую жизнь. Поэтому важно дать хорошее воспитание ребенку, ведь воспитание всегда имело большое значение.

Очень действенный метод – арт-терапия. Это рисование, лепка, музицирование, они хорошо выводят людей из стрессовых состояний.

Многих беспокоят кошмарные сны. Сон – это репетиция того, что вряд ли произойдет. Страшные сны нужны, они выполняют охранную функцию психики. Ты всегда просыпаешься в тот момент, когда вот-вот вроде бы умрешь. Но не умираешь же! В каждом плохом сне, да и вообще во всем плохом надо уметь найти плюс, это называется «позитивное мышление». А вот если такие сны повторяются все чаще и чаще, необходимо обратиться к психоаналитикам, которых у нас в Дагестане, увы, нет. Психоаналитик «вычитывает» сны, работает в подсознании человека соответственно культуре, менталитету, обычаям, которые действуют в данном социуме.

Вообще, я – психолог семейный, сторонник гендерной психологии, делающей упор на отношения между полами. Даже если человек не женат, я выясняю его отношение к противоположному полу, кстати, часто заложенное опять-таки генетически. Детьми отдельно, без родителей, не занимаюсь.

Сейчас все больше людей понимают, что заниматься собой – это признак умного, развитого человека. Чаще, конечно обращаются женщины. Но, как правило, они тянут за собой цепочку родных. Во многих еще сильны предрассудки: с неохотой делятся тем, что постороннему человеку, по их мнению, знать незачем. Проще говоря, не хотят выносить сор из избы. Но психолог – это не посторонний человек, не сосед, который пустит о тебе сплетни, он не будет осуждать тебя, и это не друг, который не способен объективно взглянуть на ситуацию. Его задача – помочь тебе, и тебе выбирать – примешь ты эту помощь или нет.

Мадина РАСУЛОВА, психолог Студенческой поликлиники:

– Молодым людям в наше время очень сложно взрослеть в стремительно меняющемся мире, когда все более размываются границы дозволенного. Даже «бунтующим» подросткам и юношам необходимы какие-то рамки, одновременно и провоцирующие и сдерживающие. Больше свободы – это больше ответственности и проблем. Преодолевать возникающие проблемы помогают друзья и близкие, но не всегда этого достаточно, поэтому обычным делом становится обращение к психологам.

Работая в Студенческой поликлинике, я провожу консультации и тренинги. Проблемы, с которыми приходят старшеклассники и студенты, – это стрессовые ситуации, возникающие в процессе учебы, одиночество, взаимоотношения с родителями, адаптация в городе, в новом коллективе и т. д. Если одни проблемы требуют индивидуальной консультации, то с другими эффективно справляться в группе. Так, например, проблемы в общении, боязнь публичных выступлений, желание что-то изменить в себе – все это повод для прохождения тренинга – цикла занятий, на которых с помощью специальных игр и упражнений есть возможность увидеть себя со стороны, приобрести и закрепить новый опыт.

В процессе работы приходится сталкиваться с отсутствием у молодежи элементарной психологической грамотности. Если с раннего детства принято обучать различным наукам, то до сих пор почему-то не учат владеть собой, справляться с негативными эмоциями, восстанавливать свои силы.

Сейчас вместе с коллегами из региональной общественной организации психологов мы работаем над проектом создания детской летней психологической службы «Каникулы». Летом у детей много свободного времени – вот и открывается возможность ликвидировать психологическую безграмотность, наработать полезные навыки преодоления трудностей. Подготовиться психологически к предстоящему учебному году, побороть страх перед контрольной, экзаменом, найти общий язык с ровесниками и родителями – это очень важно и реально для многих, если будет действовать бесплатная психологическая служба.

Вообще, в Махачкале не налажена психологическая служба – есть психологи школьные (1-2 человека на тысячу учеников), психологи социальные, психологи, работающие в поликлиниках, но этого недостаточно. Нет единого городского центра психологической помощи, куда любой махачкалинец мог бы обратиться и получить бесплатную помощь профессионала. Необходимость такой службы назрела давно, но какое ведомство будет этим заниматься?

Сергей ЧИПАШВИЛИ, преподаватель психологии ДГУ и ДГПУ:

– Основная проблема психотерапии в Дагестане, да и в России тоже, заключается в слабом взаимодействии психологов и психотерапевтов с психиатрами, сексологами и наркологами. Хороший специалист должен знать границы своей компетентности, а в случае необходимости контактировать со специалистами в других областях медицины. Кроме того, многие врачи недооценивают значение слова. А ведь оно способно и смертельно ранить и вылечить. Умение наладить отношения с пациентами – наука, которой не следует пренебрегать.

На Западе консультирование психолога длится не больше часа. В Дагестане, как правило, времени на это уходит больше. Это этнический момент. Когда мы заходим к соседу за

спичками, мы вначале осведомляемся о его здоровье, делах и прочем, и лишь потом объясняем цель своего визита. Так и здесь, полчаса уходит на то, чтобы установить контакт, на прощупывание. Дагестанцы, при всей кажущейся открытости, достаточно замкнуты. Говорить о своих проблемах, переживаниях они начинают только тогда, когда ситуация запущена, да и то только своим друзьям, близким. Но близкие люди эмоционально погружены в ситуацию, они не способны рассуждать объективно. Психолог же, во-первых, находится над ситуацией, во-вторых, он обладает необходимыми знаниями, в-третьих, это посторонний человек, и после того, как вы поработали над ситуацией, вы его больше не увидите.

Замечено, что чаще к услугам психологов обращаются женщины. И дело тут не только в их чувствительности, женщины вообще склонны к новаторству. Причем психологу удобнее, легче установить контакт с лицом противоположного пола. Может быть, здесь играет роль своего рода конкуренция между представителями одного пола.

Психология – это наукообразное искусство, опирающееся на знания и опыт. Профессия психолога становится все более востребованной, и вот почему. Жить людям стало труднее, чему способствует неуверенность в завтрашнем дне. К тому же ежедневно каждому человеку приходится пропускать через себя мощный поток информации, в том числе и негативной. Вопреки расхожему мнению проблемы возникают и у людей экономически благополучных. Вывод: не в деньгах счастье.

В мире существует много школ и направлений. Они конкурируют, противоречат друг другу. Проблема современной психологии – в отсутствии единой теории. Поэтому практикам необходимо работать комплексно, применяя различные методы. Тем более в Дагестане, где слаба теоретическая подготовка, нет психологических традиций. Здесь часто пытаются практиковать всякие проходимцы, люди, не имеющие должных навыков. В лучшем случае они самоутверждаются за счет мнимого всемогущества над клиентом, а ведь могут и нарушить главную заповедь: «Не навреди!».

Пример из практики. Ко мне както обратилась женщина, посещавшая в санатории психоаналитика. Он провел двенадцать сеансов, за которые успел снять защитные механизмы и «вытащил» кое-что из подсознания. Затем срок пребывания пациентки в санатории закончился, работа была прервана. Результат – депрессия и попытка самоубийства. Настоящий психоаналитик – врач, имеющий базовое представление о медицине – такого себе не позволил бы. Классический психоанализ может занимать время до нескольких лет. Это глубокое погружение в подсознание человека, требующее хорошей школы.

Многие люди не желают работать над собой. Настоящий психолог – это человек, который помогает решить проблему, совершить чудо он не может. А люди требуют чуда, для которого им не надо прилагать усилий, и разочаровываются, когда ожидаемого чуда не происходит. Психолог – как костыль, который поможет человеку встать на ноги только при стремлении к этому и сильной воле. Работа психолога заслуживает высокой оценки в том случае, если у человека возникает впечатление, что он все сделал сам, без помощи извне. Хотя на самом деле решение проблемы произошло в результате его работы с психологом.

Ирина РУДАКОВА и Хадижат КАНАЕВА, психологическая служба «Генезис», Кризисный центр для женщин:

– Помогая людям преодолевать то, что психологи обозначили аббревиатурой ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство), мы используем разные методы. Это, прежде всего, метод психогенетики, использующий генограммы. Ведь многие наши проблемы уходят корнями в предыдущие поколения. Очень действенна холодинамика, гиштальтерапия. Проводим групповые занятия, в которых участвует до 10 человек, семинары. Услуги наши, кстати, бесплатные. Используем системную семейную терапию Хелленгера, используем и индивидуальные консультации с соблюдением полной конфиденциальности. Проводим просветительскую деятельность в форме лекций, телепередач, по нашему приглашению сюда приезжала известный в России и за ее пределами психолог Марина Смоленская.

Наиболее уязвимы, конечно, женщины. Если обращаются мужчины – эффекта больше. Они извлекают из занятий максимум нового, склонны к логическому мышлению.

Вроде бы у каждого своя, не похожая на другие, проблема. Но на самом деле все проблемы, с которыми к нам обращаются люди, укладываются в 4-5 типов с разными интерпретациями. Это проблема страха смерти, одиночество и поиск спутника жизни, потеря близкого человека, финансовые неурядицы. Вносят свою лепту и военные конфликты. И все стремятся стать счастливыми, здоровыми и богатыми.

Основополагающий момент в работе психолога заключается в том, чтобы дать человеку почувствовать ответственность за свою жизнь. Трудности – это преграда, которую нужно преодолеть, а не биться о нее лбом. Проще винить в своих неудачах окружающих, пенять на жестокий мир, чем изменить свое отношение к жизни через переосмысление себя здесь и сейчас. В этом случае психологи говорят о возвращении целостности личности, о психологической зрелости.

Для нас психотерапия неотрывно связана с духовностью. С сожалением приходится констатировать, что чувствам и фантазии уделяется ничтожно мало внимания. Даже наши дети живут заботами. Когда мы проводили психологические тренинги в школах, и с ужасом и с радостью слышали, что на вопрос: «Что бы ты сделал, будь ты волшебником?» – дети отвечали, что прекратили бы войны, накормили всех голодных, вылечили всех больных. И только единицы хотели бы изобрести что-то новое, давали простор своей фантазии. С одной стороны – это хорошо, что детей заботят проблемы современного общества, но с другой – они ведь теряют часть детства, где есть место мечтам.

Всем важно понять, что любовь – это единственно правильная форма взаимоотношений с миром. Любите ближних своих, научитесь принимать их такими, какие они есть. И тогда все проблемы растворятся сами собой.

ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА

Вадим КЕРАМОВ

Красный колокольчик

…На перекрестке машина остановилась. Мимо прошествовал прозрачный троллейбус с зевающим водителем. Справа распахнулась незнакомая улица, обнажив выпирающие округлые витрины магазина. Еще не разбуженная, не причесанная дворником, она дразнила своей доступностью. Появился дед и равнодушно посмотрел в мою сторону. Старая лохматая метла прильнула к его телу, и они понеслись в привычном любовном танце, ритмично раскачиваясь под частые вздохи влажного тротуара…

Мягкий свет медленно расползался по помещению, поедая в углах останки умершей ночи. Проснулись, заскрипели пружинами кровати: разбредшиеся по полю сновидений солдаты возвращались в казарму. Дневальный по роте рядовой Нечипоренко, использовав спячку дежурного, кемарил всю смену и теперь в отличном настроении писал письмо родным в Оренбург, иногда поглядывая на настенные часы, чтобы в нужное время прокукарекать.

Я проснулся раньше обычного от странной тянущей боли в животе. Приняв все возможные, но бесполезные положения, я отбросил одеяло на мирно храпящего товарища по койке, надел тапочки и вышел в коридор. Дневальный, успев накрыть свое письмо дежурным журналом, вытянулся в струнку и смотрел прямо перед собой потухшими глазами.

Туалет, не знавший электрических лампочек с прошлого года, был погружен во мрак. Рассвет едва проникал сюда сквозь единственное окошко для вентиляции. Отрезанный от внешнего мира, по щиколотку в воде – опять забились умывальники – я миновал комнату Омовения и оказался в Чистилище Духов. Увидев меня, «дух» быстро ретировался вместе со шваброй. Сев, я осторожно выдохнул казарменный воздух – смесь двухсот стынущих портянок и открытой бочки гуталина. Когда втянул в себя умерший и зловонявший кислород, ошпаренный нос мой порозовел, и на глаза навернулись слезы. Тут была и солдатская перловка, и картофельное пюре из офицерской столовой, и даже – о, как мило – гов…яжьи котлеты начальника штаба. Что ж, какой стол – такой и стул.

Постепенно глаза привыкли к темноте, угадывая под рукой бестселлер армейских сортиров – труды вождя мирового пролетариата. Всю жизнь я безуспешно пытался войти в историю, так пусть хотя бы история войдет в меня! Книга лишилась восьми страниц. Впрочем, они не понадобились: тревога оказалась учебной, боль улетучилась, и, повеселев, я вышел на свет божий.

А через полчаса метался по кроватям казармы в поисках одной болеутоляющей, пока не появился всегда грустный фельдшер Иван. Осмотрев меня, он уже совсем печально произнес:

– Аппендицит.

…Наблюдая за работой старого дворника, я чувствовал себя превосходно, и недавний кошмар казался мне сном, который вот-вот прервется криком дневального, но улица вздрогнула и поползла, потянув за собой вереницу окон. Машина «скорой помощи» везла меня на закалывание.

Женщина впечатляющих форм в белом халате шла по унылым коридорам больницы, болтая без остановки. Выяснилось, что оперировать меня будет человек с именем, профессор, проработавший в органах больше двадцати лет и – женщина посмотрела на меня – тоже азербайджанец.

– Я не азербайджанец.

Почему-то обидевшись, в ответ она поведала историю о серийном убийце-студенте, практиковавшем у них в прошлом году. Я перестал ее слушать и переключил свое внимание на слоняющихся по коридору больных. Один, бледный как сама смерть, полз вдоль стены, цепляясь за нее руками и бормоча, очевидно, проклятия. Другой, тоже в больничной пижаме, упитанный и розовощекий, едва не сбил меня с ног, промчавшись вниз по лестнице.

Медсестра сделала мне знак остановиться: мимо на каталке провезли большой белый ком, который, поравнявшись со мной, зашевелился, застонал и страшно выругался уже за поворотом. Я последовал дальше за чернобыльским задом проводницы, осунувшись и постарев на семьдесят лет.

Палата 46, окрашенная в цвет детской непосредственности, имела большое окно, тумбочки, три пустых кровати и еще одну, занятую странным субъектом в огромных и круглых до омерзения очках. Распахнувшаяся дверь здорово напугала его: вскочив с кровати, выронив при этом книгу, он недоуменно глядел на меня и беспрерывно хлопал ресницами, словно решил таким образом почистить свои линзы.

– Профессор? – строго спросил я.

– Нет-нет, что вы….

Сумка с вещами полетела на кровать, а я сел на стул и уставился на голую стену, которая вскоре зашевелилась, обнажив контуры знакомого лица, перекошенного от дикой боли, но так и не издавшего ни звука до самого конца, когда рыдания близких и всхлипы раскаявшегося хирурга были уже ни к чему.

– Кто тут с аппендицитом?

Из дверей улыбалась счастливая рожа в белом колпаке. Очкарик с любопытством посмотрел на меня, я с на-

деждой – на него.

– На операцию.

Моему появлению обрадовались так, словно в операционную на каталке ввезли не меня, а огромный праздничный пирог. Именинников было трое: врачиха с гордо посаженной головой и взглядом, не терпящим возражений; молодая хорошенькая девушка, подающая надежды и инструменты, а также неприятный старичок с пухлыми ручонками и бегающими глазками. Все они излучали любезность.

– Откуда будешь, командир? – вежливо хихикнул профессор, наводя на меня прожектор.

– Как тебя звать? – осведомилась врачиха, привязывая мои руки к металлическим поручням. Девушка же ничего не спрашивала и с несколько виноватым лицом устанавливала на груди перегородку из простыни. Значит, меня не усыпят! Онемев от страха, я не отвечал и только следил за их приготовлениями. После обезболивающего укола про меня, казалось, забыли. Профессор с серьезным видом мыл руки под краном, девушка носила подносы с инструментами, а врачиха уже примеряла на лицо марлевую повязку. Прошло еще немного времени, прежде чем они окружили меня.

– Не бойся, – доверительно сказал хирург. – Это не больно.

В тоскливой тишине раздался треск разорвавшегося белья, и тонкая струйка щекотно закатилась за мою ягодицу. Операция началась. С восторгом и умилением я следил за тем, как врачи передавали друг другу ваточки в пинцетах, меняя алые на белые – это нисколечко не больно! Лицо хирурга выражало спокойствие сапожника, он даже мычал в марлевую повязку азербайджанскую мелодию. За окном ему бойко аккомпанировали воробьи, а на полу отплясывали солнечные зайчики.

Боль пришла позже. Она все усиливалась, как будто в животе моем вращался гвоздь, накручивая на себя кишки.

– Сейчас будет немножко больно, – перестав вдруг петь, совсем уже тепло произнес профессор.

«Немножко больно уже было», – хотел сказать я, но вместо слов из груди моей вырвался стон, я дернул крепко привязанными руками и замотал головой. Процедура повторилась еще и еще раз. В перерывах врачиха интересовалась моей биографией, и я, ухватившись за этот разговор, как утопающий за соломинку, был с ней до смешного откровенен. Узнав о моем холостом положении, профессор задумчиво произнес:

– До свадьбы доживет.

Девушка подала ему инструмент диковинной формы, и я стал видеть отряд пионеров, разводящих в моем животе свой пионерский огонь, а их вожатый без галстука с красным бельмом на глазу, подняв руку, читал клятву Гиппократа на азербайджанском языке.

Тем временем профессор, напрягшись, обводил языком губы и бормотал себе под нос:

– Что-то, командир, она у тебя не послушная… Сейчас мы ее…

Искры костра снова и снова сыпались из моих глаз…

Я не сразу понял, что операция закончилась. Врачи смотрели на меня и улыбались: мои стоны не могли их оставить равнодушными, они страдали вместе со мной и теперь, когда все закончилось, не скрывали своей радости.

Профессор поднял руку и потряс колокольчиком красный пузырь, подобный тем, которые я наблюдал в офицерской столовой при разделке рыб.

– Ну, что с ним делать?

Бледный и измученный, я глядел на свою родную плоть и, как всякая роженица в первые минуты, испытал к ней отвращение.

– Бросьте в суп.

Не помню, когда в последний раз ел утку – пожалуй, никогда.

«Валяйте», – сказал я медсестре, предложившей принести ее прямо в палату. Скоро она вернулась с пустым стеклянным сосудом причудливой формы. Подойдя к кровати, медсестра бесцеремонно сунула его мне под одеяло. Для чего – догадаться не трудно. От стыда на моих щеках попытался появиться румянец, но все краски ушли на полотно операционного стола. В детстве я отрывал мухам крылья, в студенческие годы жарил их на сковороде и сейчас со старой ненавистью разглядывал черную точку на потолке, пока, наглотавшись сполна, стеклянное чудище не удалилось вместе с медсестрой. Интересно, что они принесут, когда наступит время, и мне захочется страуса.

Лежать без дела – занятие весьма скучное. Сосед мой с головой ушел в книгу и, когда я попросил ее, только пожал плечами. Книга называлась «Операциональная синхронизация процессов головного мозга». Я тут же хотел вернуть ее, но вовремя заметил ироничную усмешку в линзах очкарика. Ничего не оставалось, как открыть книгу и приняться ее «читать», то есть время от времени с невозмутимым видом переворачивать страницы. Скука моя улетучилась, когда скоро я заметил, что сосед мой ходит по палате взад-вперед и всякий раз, когда он разворачивался ко мне лицом, глаза мои строчили по страницам печатной машинкой. Опустившись, наконец, на стул, он робко спросил:

– Интересная книга?

Вздрогнув посильнее, я рассеянно произнес:

– Что? Ах, да… Очень интересная. А главное как тонко, а! – и перевернул страницу.

Так в первые дни после операции книга эта, из которой я не усвоил ничего кроме названия, стала панацеей от тоски. Ночью я клал ее под подушку, а днем читал с таким прожорливым видом, что сосед не решался больше заговорить со мной. Он перестал выходить на прогулку и все время находился в палате, выжидая, как пес возле стола обедающего хозяина. А на третий день вообще повел себя странно: пропустил обед и пристроился к висевшему над моей головой настенному радио. Видимо, я стал листать непрочитанные им страницы. После каждого «прослушивания» на щеках его выступал румянец, глаза светились благодарностью, появлялся аппетит. Но скоро во мне открылась способность к быстрому чтению: не успевал «радиолюбитель» дойти до середины страницы, как я уже переворачивал следующую. Иногда мне удавалось читать несколько страниц одновременно, листая их все за раз. Наконец, утомившись, я перекатился на другой конец кровати и в упор посмотрел на очкарика. Застыв как изваяние, он отчаянно захлопал ресницами и позорно бежал из палаты. Книга, расхохотавшись, полетела на его кровать, а через день моего соседа выписали.

Выздоровление мое шло медленно. Каждое утро в палату приходил новый врач, просил походить – это у меня получалось плохо – и задумчиво качал головой. Правое бедро словно привязали к нижнему ребру, когда я сидел, и теперь после каждого шага связка натягивалась, как тетива, и звоном отдавалась в голове. На четвертый день мне удалось, наконец, доплестись по коридору до туалета. Из него я вышел практически здоровый, розовый от счастья и лишь немного прихрамывал.

На следующий день я самостоятельно спустился на первый этаж, чтобы сдать на анализ кровь. В кабинете за столом сидела молодая девушка-врач. Нижняя губа ее, набухнув желтым колечком простуды, напоминала дождевого червя. Веснушек на лице было так много, что некоторым не хватало места, и они болтались в воздухе, а лоб из-за складок походил на многоэтажный особняк.

Она вопросительно посмотрела на меня:

– Аллахвердиев?

Порывшись на столе, девушка вытянула маленький лист, кивнула головой на свободный стул и попросила закатать рукав. Перенесенные пытки не возымели действие: стальная игла в руках врача производила на меня такое же тягостное впечатление, что и раньше. Подавшись вперед, я произнес:

– Вы очень эффектны!

Девушка остолбенела, но через секунду губы ее разошлись в неуверенной улыбке, предпочитая почему-то правую сторону лица.

– Спасибо… А подруги говорят, что я слишком высокая.

– В каждом мужчине живет альпинист. И много у вас подружек? – спросил я с плохо скрытым интересом.

– Много. Как говорится, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

– Эта поговорка родилась в публичном доме.

Она не хихикнула, а скорее «хахакнула» и сказала:

– И со всеми вы такой коммуникабельный?

– К кому коммуникабельный, а к кому никак не коммуникабельный.

Я почувствовал, что она начинает есть меня глазами, и поспешно ретировался. Чтобы завоевать женщину, совсем не обязательно вводить в нее войска.

Ночь. Комаров столько, что их можно убивать моргая. За окном клубами черного дыма стелятся тучи, и мне становится грустно. Завтра за мной приедут, и я снова окажусь в родном батальоне. Скорее бы.

– Подъем!!

Рядовой Нечипоренко прерывал сон старослужащих всегда с удовольствием – где же еще так покричишь на них. Жалобный скрип кроватей, лепет полусонных солдат и подбадривающие крики дежурного не мешали ему вспоминать строки из написанного за ночь письма родным в Оренбург…

Письмо Ахмеду

Салам алейкум, Ахмед.

Оправдывать свое молчание, наверно, так же глупо, как студенту, явившемуся в конце лекции, извиняться за опоздание. Верю, что два года моей студенческой жизни в Москве не могли повлиять на наши отношения. Я часто вспоминал тебя и, вспоминая, порывался писать, но перспектива скорой поездки домой меня удерживала и, как видишь, напрасно — домой я так и не поехал…

Вспомнилась сцена прощания с домашними. Все собрались в прихожей и, пристыженные затянувшейся паузой, занимались черте чем: отец приглаживал пальцем оборванный лоскут обоев, сестра то и дело шмыгала на кухню и возвращалась обратно, боясь пропустить самое главное, мать, заломив руки, с тоской смотрела на раздутую, как шар, сумку с вещами. Стало вдруг тихо, и только дверь за спиной осторожно поскрипывала, словно телега с извозчиком.

Надо было кончать со всем этим.

– Мам, дай шесть рублей.

Удивленная, не сказав ни слова, она ушла в спальню и принесла десятку.

– Я пошел за хлебом.

И с того момента будто не я, а родные и все те, кого я знал, сели в один автобус и уехали в неизвестном направлении. Именно так, пять лет назад, пропал без вести весь наш батальон, с которым я и ты, два дембеля, прощались на плацу.

Пять лет!.. Как я провел это время? Скорее время провело меня. Словно на полигоне неопытным солдатом я легкомысленно, в один миг, расстрелял все патроны. Годы пролетели, не попав в цель…

Я сильно постарел, Ахмед. Стареть устаешь. Метаморфозы, происходящие в тебе — единственное развлечение, в остальном же старость — это повторяемость того, что тебя окружает. Повторяемость способствует изучению. Я стал лучше понимать женщин. Понимая их, пытаешься понять жизнь. Она требует терпеливого ухаживания, льстивых улыбок и коленопреклонения, сама же с неразборчивостью шлюхи дается каждому. Она продажна и удовлетворяет только толстосумов. К тому же глупа, глупа настолько, что понять ее невозможно. Однако ты ее любишь, и чувствуешь себя обманутым, когда замечаешь, как она проходит мимо.

Я постарел физически. В салоне троллейбуса, словно старушка, облизываюсь на свободное место — ноги не долгоноски.

Ахмед, иногда мне кажется, что вот прозвенит звонок, и я снова проснусь молодым: от прилива сил мне захочется подтянуться, от солнечных перспектив — зажмуриться. Звонок звенит. Студенты шуршат пакетами и высыпают на улицу. Все как один: веселые, беззаботные, оживленно говорят и жестикулируют. Закупоренный в самом себе, измотанный от постоянного брожения чувств и мыслей, я стою в стороне, смотрю на них с недоверием и симпатией. Вином долголетней выдержки я хочу смешаться с этим говорливым ручьем, потерять себя и обрести свободу. Я лишен того, что есть у них: перемены. Прозвенит звонок, и, отдохнувшие, они вернутся в аудиторию.

Попытки высвободиться из петли одиночества тщетны. Я уходил в добродетель, стремительно, самозабвенно – с таким отчаянием, спасаясь от реалий жизни, уходят в пьянство. Сердце мое разрослось в кинозал, оно кишело людьми.

Но я не мог утолить нестерпимую жажду друга, друга, перед которым никогда не будет стыдно.

…Однажды, в детстве, старший брат не взял меня на море, он ушел вместе с ребятами, оставив меня сидеть на камнях разрушенного барака и плакать от бессилия что-либо изменить. Скоро я почувствовал, что кто-то лижет мне лицо теплым языком. Это была Лайда, старая сука, жившая в нашем дворе. Мне казалось, я брошен всеми и никому на свете не нужен. Я гладил ее рукой, гладил долго, очень долго. У меня затекла рука — так долго я ее гладил…

Я сижу на развалинах безлюдного города и жду свою собаку…

Вчера, прогуливая занятия, я был в парке, что рядом с институтом. Октябрьский ветер собрал меня в ком, я сидел на скамейке и наблюдал за тем, как высокий дуб, ссутулясь, неспешно и неуклюже обкладывал песчаную аллею желтой плиткой.

— Керамов! — я обернулся. Преподаватель истории в распахнутом длинном пальто шел ко мне бодрым шагом. — Почему здесь?

Я посмотрел в его гротескно строгие, голодные до шутки глаза и тихо произнес:

– У меня нет пары.

Он постоял в нерешительности, запахнул пальто и осторожно, чтобы не просыпать свое хорошее настроение, удалился.

У меня нет пары. Я ношусь, словно корова с разбухшим выменем, и мычу от невостребованности. Не любить — это мучительно больно.

Я обратился бы к ней так: милая моя, сказал бы я ей, как мне хорошо, как легко с Вами. Милая, добрая, ласковая моя, Вы для меня все, Вы моя добродетель. Миленькая, хорошенькая, ласточка моя, песня. Иди ко мне, иди сюда. Садись. Умничка. Можно я положу голову тебе на колени? Можно? Теплая моя, хорошая, милая, теплая, ласковая моя, мамочка моя. Мама. Ма-а-а-ма…

Ахмед! Ты меня слышишь?!

Я болен.

Если сможешь, приезжай.

ПОЭЗИЯ

Рашид РАШИДОВ

Волшебный ковер

НА ОХОТЕ

Какое ружье мне отец подарил –
Я места от радости не находил.

Смотрю я в глазок – там немое кино,
На спуск нажимаю – стреляет оно.

Не слышу я грохота, пули не вижу –
Я выстрелом мухи и той не обижу.

С отцом на охоту под вечер идем,
И щёлкаем, щёлкаем фоторужьем!

Кружил над оврагом огромный орёл,
Вдруг крылья сложил: он добычу нашёл,

И камнем отвесно к земле полетел,
Я щёлкнуть успел, взяв его на прицел.

Идем мы по лесу, ружье я несу,
Стреляем в сороку, стреляем в лису.

К закату склоняется солнечный день,
И тут показался красавец-олень.

И только я щелкнул – умчался легко.
Рога, как кораллы, качались его.

Я завтра, ребята, вам всем покажу,
Как я помогал умываться ежу,

Как заяц стремительно несся у речки,
Смешно он подпрыгивал, делая свечки.

Нет, что есть приятней по лесу с ружьем?
Хотите, со мной на охоту пойдем!

КОВРОВЩИЦА

Маму мою ковровщицей зовут,
Маму мою награждают за труд.

Брату приятно, приятно и мне –
Славится мама у нас по стране.

Бабушка тоже у нас ковровщица –
Песня и солнце в узорах лучится.

Сколько в столице ковров выставляли –
С дедушкой даже считать мы устали.

Мама закончила новый ковер:
Речка течет у подножия гор,

Тур на вершине в рассветных лучах,
Каждый сосед удивляется: «Вах!»

Я завела, чтоб никто не скучал,
Так же, как в школе, домашний журнал.

Ставлю пятерку я маме счастливой,
Братику двойку за то, что ленивый.

Утром за солью и хлебом послали,
В полдень вернулся, а мы его ждали.

Мама вчера мне фломастер купила,
Чтоб рисовать я, как братик, любила.

Быстро в альбоме рисую узор,
Чтобы украсить им новый ковер.

Очень хочу, чтоб узор получился
Яркий, какой никому и не снился.

Вот посмотрел на рисунок отец:
«Дочка, да ты же у нас молодец!

Синего цвета добавь здесь немного,
Будет светлее простора морского».

«Ну а теперь, моя смелая дочь,
Перенеси на ковер все точь-в-точь:

Море и солнце, вершины и тучи,
Реки, что льются стремительно с кручи, –

Мать говорит, а сама за станком. –
Как подрастешь, на учебу пошлем».

Если бы гребень не был так тяжел,
Я бы соткала волшебный ковер.

КАСТРЮЛЯ С ОТКРЫТОЙ КРЫШКОЙ И БЕССОВЕСТНАЯ ЛОЖКА

Сразу забыта открытая книжка,
Мальчик сопит и влезает на стул.
«Хоть у кастрюли открытая крышка,
Совесть у ложки должна быть, Абдул!»

Я сомневаться тогда начинаю –
С ложкой давно и с кастрюлей знаком:
«Бабушка, я тебя не понимаю,
Ясным ты мне говори языком».

«Вот же какой недогадливый внучек?
То, что хитришь, вижу я по глазам,
Знаешь, Абдул, я люблю почемучек,
Но хорошенько подумай ты сам».

Строгая, умная наша бабуля,
С ней никогда я не буду скучать:
Ложка – я сам, ну а где же кастрюля? –
Вот вам загадка, а как отгадать?

Думаю быстро: решение, где ты?
Знаю – внимателен бабушкин глаз,
Кончились в нашем буфете конфеты –
Значит, заметила – вот тебе раз!..

Тут почему-то мне стало ознобно,
Уши горят, ведь все было давно –
Брал понемногу тайком из коробки,
Как было знать мне, что близкое дно?

«Больше не буду!» –
«Ну что ж, шалунишка, –
Бабушка рада, – и то не беда,
Хоть у кастрюли открытая крышка,
Совесть у ложки должна быть всегда!»

БУДУ СТРОИТЬ, КАК ОТЕЦ

Улыбнется отец, ненароком
Ус подкрутит, как дед в старину.
Он возводит мосты над потоком,
Чтоб связать две дороги в одну.

Сколько рек он связал «поясами»!
Сколько сблизил аулов и сел!
Он гордится своими мостами,
Всеми, что за полвека возвел.

Мост звенит и, как эхо, хохочет,
Если всадник промчится лихой.
А спешат «Жигули» – он грохочет,
И поток ему вторит седой.

По мосту небольшому шагаю,
Пять шагов – и мосточку конец.
Даже этот в три метра, я знаю,
Мост построил когда-то отец.

«Подрастешь,
кем ты станешь, скажи нам», –
Гости часто меня теребят.
«Буду путь открывать я машинам,
Что по разным дорогам спешат».

Я, как взрослый, держусь с ними гордо,
Хоть усы у них колки, густы.
Отвечаю я громко и твердо:
«Как отец, буду строить мосты!»

Перевел с даргинского
Виктор МЕХТИЕВ

ПРОЗА

Наира АЛИЕВА

Миниатюры

МЫ ВЫБИРАЕМ…

Нас всех срочно вызвала бабушка. Она приехала в город и, как самая старшая в роду, имела непререкаемый авторитет. На этот раз надо ей было решить важную проблему – женить непутевого племянника. Ему уже 30 лет, он живет в Москве и устал от многочисленных пассий. И вот решил, наконец, остепениться.

– Полностью, бабушка, полагаюсь на твой вкус, – шутил он. – Ты же у нас снайпер – не промахнешься.

Снайпером мы все называем ее так потому, что, когда нас родители впервые отправили к ней в село отдыхать и помочь по хозяйству, подучиться языку, она, в первый же вечер собрав нас, объявила:

– Видите эту двустволку? Снайперская. Еще вашего дедушки. Он был хорошим охотником. Так вот, если хотите пойти на охоту, вы должны беспрекословно мне подчиняться.

О, Аллах! Как мы старались! На огороде был идеальный порядок, мы мазали втроем земляные полы, таскали сено, носили воду с родника, и даже, надев бабушкин платок, доили корову. Сколько с этой коровой было мороки! Она никак не хотела подпускать нас к себе! Тогда Юсуп, как самый старший, надев бабушкин фартук и ее огромный черный платок, который она не снимала с тех пор, как пришла повестка о гибели на фронте мужа, стал ее доить. Корова перебирала ногами, косила огромным глазом, шумно вздыхала. А потом стала махать хвостом. Он больно бил Юсупа по лицу… Он терпел этот мерзкий хвост, но однажды взял ножницы и отрезал ей кисточку. Когда утром это обнаружила бабушка, она взяла огромную палку и погналась за Юсупом. Мы не ожидали, что она так быстро бегает. Она загнала его на старый огромный тутовник, и Юсуп от страха залез так высоко, что потом не мог слезть. Пришлось вызывать нашего соседа, который приставил огромную лестницу и достал Юсупа, как котенка. На следующее утро непреклонная бабушка посадила нас на утренний автобус и всех троих отправила в город.

И вот теперь надо было женить этого Юсупа.

Бабушка недаром когда-то работала в сельпо бухгалтером. Она составила список невест из уважаемых семей, в которых уже, как она говорила, томились дочки как хорошее созревшее вино. Мы, следовательно, должны были стать дегустаторами – ходить по домам, якобы в гости.

– Ба! Они сразу догадаются, почему мы толпой нагрянули.

– Пусть догадаются. Главное, чтобы это было внезапно, и они не смогли подготовиться, – сурово отрезал главный стратег.

– Проще, если Шамиль их на какой-нибудь свадьбе сфотографирует, – наивно предложила я. – Пусть потом Юсуп выбирает.

Бабушка посмотрела на меня так, будто я произнесла что-то кощунственное:

– О чем вы думаете? – повысила она голос. – Вы, что, топ-модель выбираете? Ему жена нужна, а не смазливая вертихвостка.

– Ну, хорошо, пойдем, посидим, посмотрим на нее, на родителей… – согласилась я. – И что?

– Ты не отдыхать идешь, а работать, – прервала бабушка. – Слушай меня. Это всех вас касается, – уже обратилась она ко всем. – На всю жизнь надо выбирать! У нас в роду разведенных не было, и не должно быть. Слушайте внимательно. Во-первых, все придете в грязной обуви…

– Бабушка, но это же город. И дождя давно не было. Где мы грязь найдем? – заныла Залихат, первая модница, которая в сумочке даже тряпку для обуви носила. – Это у вас в селе все в калошах ходят…

– Если надо – найдете… Зайдете и раскидайте всю обувь по коридору, и сумки свои как попало, расставьте.

– А зачем? – простонала уже старшая невестка.

– Затем! – отрезала бабушка. – Если, когда будете уходить, обувь вашу девочка не помоет, сумки не расставит, значит – неряха. И толку с нее нет.

– Ну, хорошо, это все? – торопила ее старшая невестка. Она опаздывала в косметологический салон к назначенному сроку и поэтому нервничала.

– Не суетись! Во-вторых, одна из вас должна пройти на кухню, якобы помочь, и посмотреть, какая она – чисто ли, блестят ли кастрюли, чистая ли печка, – бабушка обвела всех суровым взглядом. Но все молчали.

– Другая, – продолжала она, – должна пройти в спальню и посмотреть на ее постель – чистая ли, аккуратно ли застелена. Все блюда, которые она будет приносить, нужно попробовать, и одно, самое хорошее, нарочно обругать – посмотреть, каков характер ее матери: если она начнет возмущаться, хотя и справедливо, значит – невыдержанная, и дочка, значит, будет такой же языкастой. Как учится, тоже обязательно надо поинтересоваться – будущая мать должна быть толковой, а не курицей, – и бабушка напоследок еще раз строго посмотрела на каждую из нас.

– Честное слово, президента проще выбираем, – язвительно сказала старшая невестка.

– Мне не президент нужен, и стараетесь вы не для себя, – тут же парировала бабушка.

Получив инструктаж, мы тем же вечером пошли к первой по списку. После чего собрались, чтобы обсудить ее кандидатуру.

– Ну, рассказывайте, – сказала бабушка.

Рядом с ней сидела ее любимая внучка Сафинат, которой страшно было интересно обсуждение первой невесты.

– Все сделали, как ты сказала, – начала я. – Кухня идеально чистая, кастрюли блестели, еда просто райская. Девушка – картинка. Учится тоже на отлично, обувь нам помыли. Постель шелковая, нарядная. Специально обругали шикарные манты. Хозяйка так

извинялась, что нам неловко стало. Так что, бабушка, по твоей анкете – идеальная пара Юсупу.

Бабушка расцвела.

– Вот видите, как важно правильно подойти к делу. А то – фотографию посмотреть! Тоже мне молодежь! Учиться надо у старших, – и бабушка гордо оглядела нас.

– Бабушка, – молчавшая до сих пор Сафинат повернулась к ней, – а к кому они ходили?

– Теперь тебе можно знать. К Джамиле, дочке Магомеда и Зубайдат. Достойные родители и достойная дочка.

– А-а-а. И вы ее выбрали? Ну, вы даете! А почему меня не спросили? Я же ее, как облупленную, знаю.

– Много ты знаешь, сама только вылупилась, – сказала бабушка, но насторожилась. – А что ты знаешь?

– Чисто у нее, – иронически передразнила внучка мой отчет. – Да у них две служанки. Дома палец о палец она не ударит. И оценки ей папа покупает – она на занятия ходит, чтобы наряды демонстрировать. Разве по дореволюционным методикам что узнаешь? Надо элементарно в группу, где она учится пойти и поинтересоваться у ребят: лучше все выложат. А вы… обувь грязную раскидали, – насмешливо закончила она.

Все молчали, только бабушка стала красной. Наконец, она сказала:

– Молодец, Сафинат, вся в меня. Знает подходы к людям. Я, может, и отстала немного, но вот тебе и поручаю побегать с этим списком.

– Нет проблем…

Через месяц сыграли свадьбу. Юсуп был на седьмом небе от счастья:

– Бабушка, никто лучше тебя, – сказал счастливый жених, – не мог сделать такой выбор.

ГДЕ АД И ГДЕ РАЙ?

В воскресенье нас разбудил ранний звонок. Муж, поговорив, озабоченно сказал:

– Моя троюродная сестра Роза умерла. Собирайся. Надо идти.

Розу я видела всего несколько раз. Это была тихая скромная учительница начальных классов, которая только недавно вышла замуж. Неожиданно подцепив воспаление легких, она очень тяжело переболела, затем, по слухам, у нее обнаружили туберкулез, и вот печальный конец.

Когда мы подъезжали, муж сказал:

– Я зайду на вашу половину перед уходом, чтобы заодно выразить соболезнование сестре, ты там помогай. Особо не переживай, я тебя знаю – ты такая впечатлительная…

Он остался стоять во дворе, а я прошла наверх. Как тяжелы первые минуты… Я обняла плачущую мать Розы, говорила трафаретные слова соболезнования… Увидев ее беспредельное горе, невольно тоже расплакалась. Подходили все новые и новые женщины, а я с грустью думала о бренности нашей жизни.

Сидевшая рядом родственница из села мужа толкнула меня в бок и шепотом сказала:

– Выходи из комнаты. Новые пришли, а места нет. Ты уже посидела, поплакала. Давай им место освободим.

Я еле встала – ноги страшно отекли, и пришлось немного постоять, чтобы сделать первый шаг. Другая комната была битком набита родственницами. Они ринулись ко мне.

– Ты здесь? А мы не знали! Как хорошо, что тебя увидели! Садись сюда, – и мне мигом освободили место.

– Может, чем-то нужно помочь? – робко спросила я.

– Здесь помощников полно, – последовал ответ.

И вокруг меня образовался небольшой круг. Глаза у всех горели неуместным к случаю энтузиазмом. И началась самая настоящая пресс-конференция. На меня посыпался град вопросов: от состояния здоровья до уровня зарплаты членов семьи. Спрашивали с толком, деловито, быстро, не давая секунды на раздумья, впитывая каждый мой ответ, как губка, и поражая своей осведомленностью. Время от времени, при очередной появившейся соболезнующей, вся группа, громко рыдая, бросалась в объятья вновь пришедшей. Потом они быстро возвращались ко мне, чтобы продолжить допрос, причем совершенно не теряли нити разговора. Перемена настроения от совершенно натуральных рыданий к праздному допросу была такой явной, что я не выдержала:

– Как-то неудобно, когда здесь такое горе…

– Э-э-э, оставь, Роза сейчас в раю и радуется. Это мы, бедные, остались жить в аду… Аллаху не нравится, когда сильно убиваются. А тебя расспрашиваем, потому что где и когда еще увидимся. Вот в таких местах и узнаем новости. Так ты говоришь, что мужа пока не повышают? – снова начался допрос.

Когда эти пираньи узнали все обо мне за последние пять лет, они стали рассказывать о местных новостях.

– Ты знаешь Багаутдина?

– Нет, – ответила я.

– Как? Ты не знаешь Багаутдина?! Нашего директора школы?

Они были явно потрясены, что такого великого человека я не знаю.

– Ты знаешь, что с его четвертой дочкой случилось? – с нездоровым блеском в глазах спросила одна.

– Нет, – честно ответила я.

– Ее жених сбежал прямо со свадьбы, когда узнал, что будущий тесть не дает дочке коммерческий ларек!

– И что? – заинтересовалась я.

– Так тесть его поймал, избил, но дал ларек и пекарню.

Мне рассказали все сельские новости, поведали интриги и сплетни… Женщины были прекрасными рассказчицами, влюбленными в свое исполнительское мастерство. Несколько раз я, забывшись, даже рассмеялась, но меня прикрыли заботливые родственницы.

Четыре часа пролетело незаметно… И тут за мной зашел муж. Как разочарованы были мои собеседницы! Попрощавшись и снова выразив соболезнование, я, еле сдерживая улыбку, вышла во двор и села в машину.

– Что-то ты в настроении, – удивился муж, – и, по-моему, не очень торопилась уходить?

– Слушай, я так довольна, столько узнала, – оживленно начала я.

Лицо у мужа вытянулось.

– Ты знаешь Багаутдина? – спросила я.

– Нет, кто это? – удивился муж.

И тут я вывалила все подробности жизни села за последние 5 лет. Целый час мы сидели в машине, уже подъехав к своему дому, перед своим подъездом, и не могли выйти: муж хохотал до слез над моими рассказами. Наконец он сказал:

– Действительно, где еще люди видятся, как не на свадьбах и похоронах? Я там стоял, мерз, но тоже узнал много интересного. Пойдем, расскажу…

ПУТИ ГОСПОДНИ...

Две подружки тихо шушукались за кухонным столиком:

– Тебе кто понравился? – спрашивала яркая брюнетка Саида. – Мне понравился Шамиль. Сразу видно, он такой крутой, и денег много. Ты видела, какой на нем был костюм? Долларов на 700 – не меньше.

– А мне больше понравился его шофер: пусть и одет скромно, зато серьезный, не болтливый, – сказала задумчивая Камилла. – В нем какая-то сила.

– Что ты! Это же шофер! Во-первых, нищий, во-вторых…

– Это мое дело, – решительно ска-

зала Камилла, и на ее щеках проступил румянец. – Если он захочет со мной встречаться – я буду. Со мной такое впервые. Ты помнишь, какие стихи он мне прочитал?

– Это только стишки какие-то. Ты, что, с ума сошла? Подумай о родителях? Ты из такой известной семьи – и встречаться с шофером?

– С ним мне гораздо интереснее, чем с моими однокурсниками, – горячо возразила Камилла. – А деньги… Мой отец тоже с нуля начинал.

На следующий день Магомед и Шамиль встречали девушек у университета. У Шамиля был огромной и очень дорогой букет орхидей, а Магомед стоял со скромным букетиком ландышей. Саида радостно вспыхнула и победоносно огляделась, чтобы посмотреть на реакцию сокурсниц. А Камилла сияющими глазами смотрела только на Магомеда. Каждый вечер подружки теперь делились впечатлениями:

– Он меня прямо забросал подарками, – хвасталась счастливая Саида. – Денег не считает. А тебе что дарит?

– Мне? Ничего. Я ему запретила. Я же вижу, что у него нет возможностей. А ты знаешь, какой он начитанный и воспитанный… Я уже не могу без него прожить и дня, – грустно добавила она. – И еще… Он сказал, что придет ко мне свататься. А ведь я сказала, что моя мама – домохозяйка, а папа – слесарь, чтобы он не комплексовал. Теперь не знаю, что и делать. Я совсем запуталась. Специально так скромно одеваюсь, как с ним познакомилась. У моих родителей будет шок, когда они узнают, что он девятый сын бедных родителей, которые живут в селе, что Магомед – шофер. А он все время спрашивает мой адрес. Но я не говорю.

– Вот это да! – ахнула Саида. – А я ведь тоже наврала: сказала, что я из профессорской семьи, и мои родители очень богатые люди. Чтобы он не думал, что я какая-то Золушка, хотя он и говорит, что для него это не важно… Все-таки мой отец сейчас без работы, а мать – домохозяйка. Не то, что твои: мама – профессор, отец – банкир.

– Не говори так про своих родителей! – возразила Камилла. – Главное – они очень хорошие люди, а ты – красавица. Ведь Шамиль полюбил тебя не из-за родителей. Мне бы твою внешность…

– Да… заварили мы кашу, – сказала Саида. – Но я все равно своего богатенького Буратино на себе женю, – решительно добавила она.

– Что это вы, подружки, последний месяц все время шушукаетесь? – Это мать Камиллы зашла на кухню. – Знаешь, доченька, я разговаривала с папой – к нему приехал прекрасный парень из Москвы: толковый, при деле, образование за границей получил. В первый раз слышу, чтобы твой отец сказал: вот такого зятя хотел бы! Завтра он придет к нам на обед. Мы хотим, чтобы он обратил на тебя внимание.

– Мама, – горячо сказала Камилла, – вот от тебя не ожидала! Что за порядки вы вспомнили? Ты же сама за папу по любви выходила. Я тоже сама себе мужа выберу.

– Мы тебе зла не желаем, – обиделась мама. – Парень неглупый, имеет деловые связи. Папе это очень помогло бы. Красив, образован – просто находка. В общем, будь добра сразу после занятий быть дома. И ты, Саидочка, тоже приходи. Поможешь накрыть стол.

Как только мама вышла, Камилла расплакалась:

– Бедный Магомед! Он еще хочет свататься. А родители ищут достойную пару и меня спрашивать, похоже, не собираются.

Саида утешала ее, ей тоже было жаль подругу.

Камилла не спала всю ночь. Как робот, она ходила из кухни в столовую и обратно, не переоделась, а Саида была в нарядном платье и споро накрывала стол. Когда в половине второго раздался звонок, она вспорхнула открывать дверь… и увидела с папой подруги… Магомеда и Шамиля. И ахнула! На ее возглас выглянула Камилла и покраснела.

– Познакомься, Магомед, это моя дочь Камилла – студентка, – весело говорил отец. – А это – наша соседка и дальняя родственница – Саидочка. А это его компаньон и шофер – Шамиль.

Что это вы так странно смотрите друг на друга?

И тут Магомед заговорил:

– А мы знакомы, вот уже месяц. – И, обращаясь к Камилле, добавил: – Я все потом объясню.

– Может, объяснишь мне? – насторожился хозяин дома.

– Я давно хотел попросить руки вашей дочери, но она не позволяла. Ведь я ей специально представился шофером из бедной семьи, без образования, чтобы быть уверенным, что она любит меня, а не… А она, видно, беспокоилась…

Камилла и Саида выбежали из комнаты.

Через месяц Магомед и Камилла уехали в Москву. А Саида выходить замуж за Шамиля наотрез отказалась.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Постоянной присказкой и не только у меня, а у многих, практически, у всех является мысль: вот в будущей жизни… И, как правило, перечисляются какие-то блага, которые обязательно будут у меня потом, так как сейчас их у меня нет. Исходя из этого, в будущей жизни, когда буду бесконечно перевоплощаться, я одновременно буду топ-моделью, богатой, знаменитой, умной, талантливой и удачливой. Все это – потом…

А главная присказка состоит в том, что мой будущий муж будет… и далее – в зависимости от ситуации – владеть косметическим салоном или… Короче: у него, бедолаги, должно быть все – даже при полном отсутствии моих заветных женских достоинств на сегодняшний день. Впрочем, в книге афоризмов я нашла замечательную мысль, что богатый муж – это как красивая женщина. А говоря проще, это – переходящее красное знамя. Следовательно, опять придется остаться без идеально богатого мужа?

Тогда чего мне желать от мужа? В будущей жизни?

Я начала отсчет от нынешнего собственного мужа. Не пьет, не курит, не гуляет, любит только меня. Ангелоподобная личность. Интеллигентен, симпатичен, трудолюбив, прекрасный отец. Добродушен, не жаден, с юмором, прекрасно ладит с людьми, умен, классный специалист, не на последнем месте в социальной иерархии. Боже, выходит, я уже живу в будущей жизни, то есть, у меня уже сейчас идеальный муж. А я этого, глупая, и не замечала. А все суета, неспособность сосредоточиться, и дурацкий трафарет: идеальный муж – это богатый муж.

Боже мой, а если он богатый, но не такой, каким я сейчас его описала, то он мне абсолютно не нужен со всем своим богатством. Живу в раю и не знаю! Тогда, если подумать о своих будущих достоинствах, получается, что и мне не обязательно быть красивой, знаменитой, умной, талантливой, если меня любит такой замечательный мужчина. И я удачливая уже потому, что он меня выбрал, такую, как я есть, а не самую, самую… И тогда получается, что мне нужно сейчас наслаждаться райской жизнью…

А ведь все равно ждешь змея-искусителя. Видно, в этом женская психология – в ожидании перемен, хотя и ждать, вроде, нечего. Теперь я понимаю, почему согрешила Ева – вроде, идеальный у нее был мужчина (хотя бы потому уже, что ему не было равных), а все равно променяла рай на весьма сомнительную земную жизнь.

Но я поняла и другое: если меня

изгонят из рая вместе с моим мужем, то согрешить можно. Только вместе. Ведь рай в моей душе…

АМУР

Смотрела какой-то слащавый фильм про любовь и удивлялась: где они встречали такие чувства? Придумают же такое. Вечная жвачка. Обычная среднестатистическая семья, как мне кажется, и не подозревает о таких вулканических страстях, живет спокойно: вяло ругаются, вяло работают… Наверное, чтобы как-то их приободрить, придумываются такие слащавые сериалы. Вот, например, завтра у меня годовщина свадьбы, уверена: муж и не вспомнит об этой дате.

Я выглянула в окно.

На скамеечке сидел маленький пухленький мальчуган с золотистыми волосами. Болтая ногой, он иногда целился в редких прохожих из своего самодельного лука и пускал стрелы. Люди вздрагивали и продолжали, как ни в чем не бывало, идти дальше. А он заливался звонким смехом и снова пускал свои стрелы…

– Как тебе не стыдно! – сказала я. – Зачем ты это делаешь?

– А вы меня видите? – искренне удивился он. – Хотите, я и в вас пущу? – Тут он полистал какую-то книгу и добавил: – Правда, в вас я уже стрелу выпускал.

Меня озарило!

– Так это стрелы любви? Нет, пожалуй, мне это не нужно. И так хватает проблем.

Я спустилась вниз.

– Не устаешь? – с интересом спросила я. – Ведь нас так много.

– А я не во всех пускаю свои стрелы – у меня работа ювелирная.

– Что-то не похоже, – с иронией заметила я. – Сколько несчастных пар мучаются: не любящая и страстно влюбленный, или старик, влюбленный в девочку…

– Любовь не имеет возраста и не знает осуждения, – с недетской грустью ответил Амур. – Сама любовь – это награда.

– А страдания безответной любви? Овидия читал? – продолжала допытываться я.

– Это божественные муки и божественное пламя. Это – главное в жизни. А без этого огня – все пустое.

– Можно посмотреть? – я взяла осторожно лук и… нечаянно спустила стрелу.

Амур вскрикнул и схватился за сердце.

– Что вы наделали? Мне нельзя влюбляться! Я должен делать свою работу… Ах, как вы прекрасны!

Мне стало плохо.

– Ты что, теперь в меня влюбился? Этого еще не хватало.

– Я мечтал о такой прекрасной женщине все века. Я сделаю вас бессмертной…

Влюбленными глазами Амур смотрел на меня. Самое интересное, что он как-то вырос и стал очень похож на моего мужа.

Вдруг я услышала звон будильника… О! Что за ересь иногда приснится…

На столе лежала открытка с пухлым ангелочком и пронзенным сердцем. Я вздрогнула. Но тут в спальню зашел муж, который весело сказал:

– Ну, что, соня, проснулась наконец-то? Хоть день свадьбы не проспи!

– Это твоя открытка?

– А чья же? Амурчик, который пронзил тебя стрелой любви – это я. А ты – самая прекрасная женщина на свете! – патетически проговорил он. – А теперь вставай и приготовь все к чаю, – добавил он.

– Да, сон в руку, – вздохнула я и с неожиданной для себя нежностью добавила: – Встаю, любимый…

МАРАФОН ТЩЕСЛАВИЯ

Мой младший сын старательно читал «Сказку о рыбаке и рыбке». Я задумалась… Только сейчас, на склоне лет, я хорошо понимаю старуху. А нас ведь учили осуждать ее. Но я тоже хочу быть известной, быть наверху…

Начинала я свою карьеру учителем в лучшей школе города и республики. Как я старалась! Как мне хотелось, чтобы меня запомнили ученики, родители, чтобы обо мне, талантливой, любимой, заговорили все. Но вот пришла комиссия из Института усовершенствования учителей и авторитетно стала мне доказывать, что даже поздороваться с детьми можно методически неправильно. Я задумалась… И решила работать в Институте усовершенствования, чтобы учить учителей.

Вначале тоже был энтузиазм… Я с упоением готовила лекции для учителей, ведь эти «акулы» в своем деле, с многолетним стажем, хотя и покорно, приходили к нам повышаться. Как меня хвалили учителя, и как мне это было приятно! На время честолюбие мое было удовлетворено.

Но вот на мои занятия пришел озабоченный заведующий кафедрой, и тут посыпались некоторые замечания… Я задумалась: чем я отличаюсь от него? Статусом, который подтверждается одной бумажкой – кандидатской. Тогда я решила поступать в аспирантуру, в Москве. Прошло 3 года напряженного труда, и я, новоиспеченный кандидат, почувствовала себя на вершине славы. Приступив к работе в новом качестве, я уже не получала замечаний от заведующего.

Но вот пришел к нам читать лекции университетский преподаватель, который авторитетно стал указывать на возможные пути улучшения работы. Тогда я, проявив бешеную энергию, пошла работать в университет. И опять было покорение вершин: подготовка лекций, практических… Но вот проблема: новый заведующий кафедрой, посетив мои занятия, стал делать какие-то замечания. Я снова задумалась и… поступила в докторантуру.

Снова напряженный труд… И тут я вдруг поняла, что теперь я снова неизвестна, я – одна из огромной армии преподавателей. А Нобелевскую точно не получу. И колесо не изобрету… «Может, стать министром образования?» – подумала я. Но в разговоре с подругой – тоже преподавателем – я уяснила, что министров народ не знает: «Страшно далеки от народа». Я снова задумалась… Сизифов труд… Видно, нужно стать как минимум президентом нашей необъятной страны, чтоб тебя знали и цитировали. И с грустью поняла, что проиграла сражение с лернейской гидрой тщеславия.

Но вот уж в будущей жизни… Топ-моделью? Нет, великая горизонталь мне не подходит. Балерина? Короток у них век славы, как и у спортсменов. Тогда я обязательно буду мужчиной, русским, получу прекрасное юридическое образование, выучу немецкий, буду работать в ФСБ, и вот тогда стану президентом, и обо мне узнает вся страна. Вот она – слава!

Посмотрев выпуск новостей и увидев американского президента, который сверху вниз смотрел на нашего, я решила стать в будущей жизни американским президентом. А через некоторое время я прочла в журнале НЛО, что они, пришельцы, инопланетяне, нас «ведут». И вот тогда я поняла, что мне нужно для славы – буду инопланетянкой! А все земные президенты будут моими марионетками. Сладко рассуждая в этом направлении, я неожиданно увидела в этой космической вселенской славе огромную брешь: ведь меня никто из смертных не будет видеть, и знать об этом!

Все! Зашла в тупик. А, может, слава – это героическое, с юмором, выживание в нашей стране? Воспитание в этом аду детей, с верой в высочайшие идеалы? Что ж, будем воспитывать Дон-Кихотов! Когда-нибудь их количество, я верю, перейдет в качество. В этом, решила, моя высочайшая слава – слава матери…

Мадина АМИРХАНОВА

Но мир чужой теперь тобой согрет

* * *

Я во сне посетила твой дом.
Был он светел и солнцем согрет.
Наклонясь над рабочим столом,
Я на нем увидала портрет.

И до боли знакомый взгляд
Медным жалом пронзил вдруг меня.
Много дней и ночей назад
Я смотрела вот так на тебя.

И тогда б не поверилось мне,
Что одной нам дороги нет,
И что только в призрачном сне
В твоем доме найду свой портрет.

* * *

Играем взглядами, словами.
Здесь места искренности нет.
Судьба меж тем играет нами,
На счастье наложив запрет.

Кто я? Сестра твоя, подруга?
Кто ты? Любовь моя иль сон?
И почему мы друг без друга
С тобой и дня не проживем?

И вопрошать здесь неуместно,
Мой названный, но все же брат.
И в том, что мне не быть невестой
Твоей – никто не виноват.

Как жаль, что в ложное поверив,
Мы упустили тайный знак!
И мысли чистые робели
И замирали на устах.

* * *

Усну так крепко – не проснуться боле.
И ты потом не спрашивай у неба:
«Неужто причинил я столько боли?!» –
Ты в моей жизни просто не был.

* * *

Не знает сердце, отчего болит,
За что так тяжко мучается снова.
Зачем же ты, любви моей пиит,
Лишил меня рифмующего слова

И в лапы Зверя жуткого отдал,
Что «одиночеством»
среди земных зовется?
Глаза на миг закрыла – ты пропал,
А сердце, искалеченное, бьется,

Хотя уже не плачет, не смеется,
Лишь из груди моей в твою, родную, рвется.

* * *

А я еще не забыла
Блеск твоих глаз
И как это солнце светило
Только для нас.

Я верю, и ты тоже помнишь
Меня – нет родней.
И знаю, не думать не можешь
О нас – даже с ней.

* * *

О, без тебя миру настал конец:
Остыло солнце, и моря засохли,
И тысячи пылающих сердец
Потухли, и померкли в небе звезды.

Не знаю я, жива сама иль нет.
Не я это, а просто рот мой дышит,
Глаза все так же смотрят тебе вслед,
Еще твой голос тихий уши слышат.

Но мир чужой теперь тобой согрет.
Сентябрь шуршит опавшею листвой.
Ты знаешь, в нашем парке больше нет
Скамейки той зеленой угловой.

* * *

Отчего печален, милый друг?
Оттого ли, что слова мои так скупы?
Или оттого, что нежных рук
Не коснутся боле твои губы?

Или, может, злишься ты на мир,
Что для нас непоправимо тесен?
Оттого ль, что свадебный твой пир
Я не разделю, ты так невесел?

Не томи себя глухой тоской.
Я теперь бедна на состраданье,
И уже не связаны с тобой
Мои мысли и мои желанья.

* * *

Любовью это вряд ли назовут.
Я не тоскую, вглядываясь в звезды,
Не расточаю понапрасну слезы,
Сама себе в отчаянье не лгу.

И знаю я, что друг от друга мы
Так далеки, что дальше быть не можем!
На этом свете ты так много прожил
И без меня, конечно, счастлив был.

Но сердце глупое хранит твои признанья.
Пусть как хотят, так это назовут,
Но твоих светлых глаз и нежных рук
Мне не убить в себе воспоминанья.

* * *

И снова ночь. Тиха. Безлунна.
Как мы с тобою непохожи.
И в этот час пустых раздумий
Я вновь мертва, а ты лишь ожил.

Играет музыка все тише
Там где-то, очень далеко,
И мерно дождь стучит по крыше,
А ты глядишь в мое окно.

И я уже не понимаю
Давно ни слов, ни дел твоих,
Но отчего-то точно знаю:
Ты неспроста так нынче тих.

* * *

Если б ты любил меня немного,
То забыл бы обо всем на свете:
О земных бесчисленных дорогах,
По которым гонит тебя ветер,

О людской молве, пустой, злословной,
О заботах бренных, о делах, –
Ты б набрал мой номер телефонный
И сказал бы все мне в трех словах!

Руслан ИСАЕВ

У поэта нет биологического возраста

Сколько людей – столько и мнений. Довольно неожиданное развитие получила полемика, начавшаяся в предыдущих номерах журнала, в материале, предлагаемом ниже вниманию читателя. Но ведь чем больше мнений, тем ближе к истине…

Во-первых, хочу выразить благодарность редколлегии журнала «Дагестан» за то, что моя статья «Что есть что и кто есть кто» была опубликована в № 2 за 2003 год. Честно говоря, я не ожидал этого, так как, на первый взгляд, в ней много такого, что выходит за рамки интересов художественно-публицистического издания. Видимо, сыграло роль то, что доступ к эзотерическому знанию дает возможность говорить о любом предмете с необыденной точки зрения.

Проницательный читатель обратил, я думаю, внимание, что я и уважаемый Гаджикурбан работаем в разных системах отсчета – он написал о своем, а я о своем. «На вкус и цвет товарища нет» – это прописная истина. Единственное возражение, которое мне хотелось бы сделать, связано с тем, что население России «стареет», т.е. растет процент взрослых и пожилых людей, а потому поклонников В. Высоцкого, А. Пушкина, М. Лермонтова гораздо больше, чем «татушников». Просто они не ходят на концерты, не так заметны на улицах, так как носят свою любовь в сердцах, не афишируя свои пристрастия так, как это делают экзальтированные фанаты групп-однодневок. К сожалению (или к счастью), первоначальное название моей работы «Абсолютная Истина, или Несколько секретов поэзии» было изменено, и я вынужден сказать несколько слов о том, почему использовал понятие абсолютного, говоря об Универсальной Семиричности.

Как человек Пути, я не вправе строить замки из песка и быть рабом субъективного восприятия действительности. Так как разумный человек стремится проникнуть в сущность любого явления, то я попытаюсь изложить с самого начала расшифровку той системы, которая у Посвященных носит название Универсальной Семиричности.

Материальный мир построен из химических элементов таблицы Менделеева. Давайте проанализируем те «кирпичики», из которых состоит все, что нас окружает. Атомы состоят из ядра, вокруг которого вращаются электроны. Количество электронов на внешнем электронном слое (орбите) определяет валентность элемента, т. е. его химические свойства, «характер». Этих электронов может быть от 1 до 8 на внешнем слое. Когда внешний слой заполнен восемью электронами, мы имеем завершенный внешний слой, и элементы с заполненным слоем называются «благородными» газами – они совершенны структурно, а потому нейтральны, не нуждаясь ни в каком внешнем взаимодействии, т. е. самодостаточны. Таким образом, выходит, что все сущее состоит из «кирпичиков» всего семи разновидностей, которые в равновесном состоянии дают восьмой, совершенный вид, стоящий как бы особняком. По сути, Семь – это расщепленное Восемь.

Перейдя от строения Космоса к Солнечной системе, мы видим, что эта семиричность определяет семицветие Солнца – каждый «кирпичик» нашего светила имеет свой определенный цвет, воспринимаемый в совокупности с другими как белый, т.е. нейтральный. Это семилучевое «дыхание» Солнца носит – на санскрите – название «прана». Пришла пора добраться и до матушки-Земли. И она, и наши тела состоят из все тех же элементов таблицы Менделеева, разделенных на семь плюс один разновидностей. Вот вам Универсальная Семиричность на физическом плане бытия – все сущее семирично, в силу того, что построено из материи.

Теперь перейдем к плану психическому, на котором и создаются те самые произведения искусства, из-за которых и зашел весь сыр-бор. Нейрофизиологами доказано, что процессы в головном мозге, сопровождающие мышление и восприятие внешнего мира, имеют химическую природу. То есть элемент все той же многострадальной таблицы Менделеева – основной материальный компонент нашей мозговой деятельности. Эта «восьмиэтажность» всех и вся, в том числе и нашего «я», побудила мудрецов древности создать универсальный код передачи информации. Система носит название «восемь программ» («Ба Гуа»). Триграмма – это три черточки, нарисованные одна над другой. А универсальность Ба Гуа в том, что с помощью одного символа можно изобразить бесконечное множество однородных явлений: к примеру, триграмма «Цянь» («Небо») символизирует совершенство и может подразумевать: а) «благородные» газы, б) белый цвет (совокупность семи цветов радуги), в) октаву (совокупность семи нот), г) творчество (т.е. стремление к совершенству) и т.п. до бесконечности.

Эта же система Ба Гуа упоминается в Коране: «…и воздвиг Он семь небес рядами». Семь небес над Землей (которой соответствует триграмма «Кунь» – «Земля») это и есть восемь возможных состояний материи. У буддистов состояние, соответствующее триграмме «Цянь», носит название «Нирвана». Это такой уровень, при котором семь нестабильных состояний человека уравновешены, и он, подобно «благородному» газу, настолько самодостаточен, что уже не нуждается в мирском.

Совершенно естественно, что, живя в семиричном мире, под лучами семицветного светила, состоя из семиричного вещества и мысля семиричным органом мышления, мы и стихи творим в той же системе координат. Есть прекрасный Хадис: «…не осуждай то, что не понимаешь».

То, что какой-либо читатель не знает об Универсальной Семиричности, не отрицает ни таблицы Менделеева, ни семи цветов радуги, ни семи нот, ни семи ступеней трансформации Логоса в слово человеческое. Знание Ба Гуа дает возможность анализа любого явления (ведь Знание – сила). Хочу обратить внимание мыслящего читателя на то, что в приведенной мной схеме Универсальной Семиричности энергия является четвертым уровнем при отсчете и снизу и сверху, т.е. энергия – это стержневое в работе над Словом. Говоря языком физики: «космос есть вакуум (пустота), пронизанный бесчисленными волнами единой энергии». Эта единая энергия, разные степени «густоты» которой мы воспринимаем как разные состояния вещества, носит по-китайски название «Ци». Все есть Ци, и Ци – это то, посредством чего происходит взаимодействие в природе, т.е. свет, звук, тепло – различные проявления единой энергии, позволяющие нам воспринимать окружающий мир, в том числе и поэзию.

Раз поэзию мы оцениваем энергетически (энергия – это переносчик воздействия), то главное в творчестве – наполнить стихи вибрациями энергии, источник которой

врачи локализуют в сердце, а мистики называют душой. Все остальное – второстепенно. Когда поэт увлекается работой над периферийным, позабыв о главном, приходит на ум поговорка: «Дурная голова ногам покоя не дает» – слишком много возни со словом и образами, а результата нет. Побасенки типа «ни строчки без образа» ни одного поэта не вознесли на вершину мировой поэзии. Наоборот, как было показано на примере Лермонтова, гениальные стихи – действительно просты, это адекватное описание реальности, где слова и образы вторичны. Да возьмите хотя бы «Евгения Онегина»!

«Я вам пишу, чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать».

Где тут образы? И где работа со словом? Естественный, живой народный язык, которым современники пытались попрекать Пушкина. «Сказать – наказать» – глагольная рифма, что тут скажут господа критики? Очевидно, что гениальные стихи просты лексически, не изобилуют образами, в них обязательно присутствует эмоциональная окраска, т.е. энергия души. Все это говорит о том, что гении интуитивно знают об энергетической составляющей Поэзии. Эта врожденная энергетическая чувствительность делает их посредниками между Космосом и человечеством. Система Ба Гуа была представлена мной вашему вниманию потому, что «ортодоксальные» критики не имеют такого знания о Поэзии.

Если вернуться к символу совершенства, триграмме Цянь, мы можем увидеть, что совершенство – это равновесие всех семи космических принципов. Имея представление только о «нижних этажах» – о слове, образе и эмоции, легко ли развить все семь? Очень трудно. Чтобы ликвидировать этот перекос, существуют даосские энергетические практики: «Тайцзи-цюань», «Син-и-цюань» и «Ба-Гуа чжан», как раз дающие умение ощущать энергию воздействия и использовать это знание в любом творчестве.

Моя задача заключается в том, чтобы донести до начинающих поэтов (которых я назвал в своей первой статье «молодыми», ибо у поэта нет биологического возраста) недостающую информацию, которая позволит ясно понимать, на чем зиждется сила воздействия Поэзии, ибо энергия и сила – неразрывные понятия.

Что такое перевод?

Как человеку, зарабатывающему на жизнь переводом, тема, вынесенная в заглавие, мне далеко не безразлична. Хочется поделиться своим видением этого нелегкого дела.

Основная проблема поэтического перевода – невозможность полной идентичности текста оригинала его переложению на другой язык в структурном отношении: слова, рифмующиеся у автора, не рифмуются, как правило, на языке перевода. Если принять в расчет принцип Пушкина – «ставь в конец строки слово, которое хочешь выделить», то становится ясным, что переводчик в поиске рифмы нарушает расположение слов в предложении, тем самым уже искажая замысел автора.

То же самое можно сказать и об игре слов. Два слова, созвучные в одном языке, не обязательно созвучны в другом, а автор всенепременно требует от переводчика буквальности, дабы донести до читателя свою «находку»: первоначальную игру слов, сохранить «дух» оригинала. В результате на свет появляется произведение, в котором на самом деле нет ничего от первоначального текста, кроме общей идеи.

Можно ли назвать это стихотворение переводом оригинала? С очень большой натяжкой. Именно из-за того, что авторы не осознают нелепости своих требований к переводчикам, в нашей республике сложилась ситуация, что нет желающих профессионально заниматься переводом. Более того, автор-«заказчик» считает: труд переводчика настолько легок, что можно ему и не платить. А реальность такова, что поэт зачастую порхает в облаках, не подозревая о значимости переводческой работы, дающей ему возможность обрести тысячи и миллионы новых читателей. Если его произведение «блещет новизной» в среде стотысячного, к примеру, народа, в коей почти отсутствует поэтическая конкуренция, то при переводе на язык стомиллионного русского народа его вирши в большинстве случаев превращаются в полнейшую банальность. Переводчик, если он добросовестен, вынужден использовать образы, совершенно отсутствующие в оригиналах, обогащая лексику автора своими словами. Тут его ожидает очередная нелепость: автор, ввиду слабого владения русским языком, требует использовать только слова, знакомые лично ему, чтобы стихи были понятны его столь же несведущим в чужом языке соплеменникам…

Уважаемые авторы! Поверьте, в Дагестане исчезающе мало тех, кто с неподдельным интересом прочтет стихи автора не его национальности. А «ваш» человек предпочтет, разумеется, оригинал. Я же считаю, что не следует ориентироваться на одних лишь земляков. Переводы должны быть такими, чтобы их мог оценить и российский читатель. Неужели кто-то думает, что «покупное» образование в Дагестане дает возможность оценить все величие и богатство русского языка? «Дагестанский» диалект русского не намного богаче языка Эллочки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. У той – 30, у племени мумба-юмба – 300, у нас – 1000 слов. Разве это – русский язык?

А подстрочники? Человек, с трудом объясняющийся на русском языке, «переводит» себя. Используя для своей работы эту несуразицу, переводчик должен сделать из нее конфетку. Быть может, оригинал действительно хорош, но это же не значит, что так же хорош и «самопальный» подстрочник! И чаще всего переводчик, отчаявшись уразуметь, что же хочет сказать автор, берет и пишет новое стихотворение, в котором от оригинала остается процентов 10. И если он талантлив, то получается неплохая ЕГО вещь, которую автор горделиво цитирует, как свое произведение…

Не скрою, очень часто случается и обратное, когда слабый переводчик приземляет безусловно сильное произведение до уровня своей бесталанности, и читатель плюется, пытаясь переварить набор слов, предложенный его вниманию. Во избежание подобной неразберихи я предлагаю конкретизировать понятие поэтического перевода, выделив в нем два направления: «матричный» и «вольный». Что такое вольный перевод – знают все.

Что я называю матричным переводом? Наличие двух параллельных текстов: как бы типографской матрицы (оригинал) и оттиска с нее (дословный перевод). Слева печатается оригинал, но буквами, понятными для читателя (к примеру, мы не можем прочесть Ли Бо на китайском или Аль Араби на арабском), чтобы можно было составить ясное представление о том, как звучит это произведение, как оно рифмуется, и рифмуется ли вообще, какие слова являются

ключевыми. А справа – дословный перевод, чтобы было видно, какими методами автор акцентирует свою мысль, что он хочет сказать на самом деле. И тогда станет очевидным, что есть что.

Следует отметить, что буквальный перевод тоже должен делаться профессионалом, «перевод» самого автора обычно смехотворен. Вот с этого-то дословного перевода (профессионального – повторяю) уже несложно сделать перевод вольный, который является собственностью переводчика не в меньшей степени, чем автора, потому что это – новое стихотворение.

Надо отдать должное честности гениального Александра Сергеевича, назвавшего свои переводы стихов Корана Подражаниями – это его произведения.

Надеюсь, когда вещи будут называться своими именами, и когда нелегкий труд переводчика будет достойно оплачиваться – тогда у нас уйдут в прошлое нынешние проблемы с поэтическим переводом…

В заключение хочу заинтересованного читателя ознакомить с матричным и вольным переводами на примере стихотворения даргинского поэта Хизри Юсупова «Муза».

ОРИГИНАЛ	ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД	ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД
Нура адамра – шягIир ХIу рикIуд набзи – «Пякъир». КьабулхIеркуси хIечил АхIенрав, рахли, мехIур.	И я человек – поэт Ты говоришь мне – «Бедолага». Не соглашающийся с тобой Может быть я глупец?	У ног твоих, о Муза, преклонясь, Я взял перо и вывел первый стих. А мой сосед, язвительно смеясь, Мне тут же прозвище придумал: «Псих»!
Вачар чакарла адам Дигулри ветаахъес, Назмуртас ахIи арцлис Бирахъес набзи икрам.	Торгового человека Хочешь сделать из меня Чтобы не стихам, а деньгам Я поклонялся	Ведь ты желаешь сделать из меня Купца, трясущего увесистой мошной, И чтоб Пегаса, легкокрылого коня, Мне заменил его собрат земной.
Нура адамра – шягIир, Амма викIусра мукIур РухI-хIяя дарсдируси ХIуни варгадли тухтур.	И я человек – поэт, Но я с тобой соглашусь, Если душу и совесть меняющего Ты мне доктора найдешь	Да, я поэт, но тотчас соглашусь С тобою, коли ты найдёшь Специалиста по замене душ, И превращенью Правды в Ложь.
Варга – дила аргъала Назмуртази датахъес, Базригантала къурла Къагъти гIилму дагъахъес.	Найди – мое сознание Чтобы оставило стихи, Чтоб торгашеской компании Я странную науку постиг.	Найди, чтоб разом исцелить меня, Чтоб я заделался удачливым купцом. Мой лик аскета и поэта заменяя От сытости лоснящимся лицом.
Варга – дила уркIила Дигила цIа дишахъес, МицIир-вацIси къаралди Набзивад ветаахъес.	Найди – моего сердца Чтоб любви огонь погасить, В полуживого призрака Чтоб меня превратить	Найди, чтоб пламень сердца моего, Любовью дышащего, мигом погасить. Чтобы меня, бездушно – делово, В живого мертвеца преобразить…

ОТКЛИК

Слово о Кулецме

Книгу о Кулецме прочел с большим интересом. Написанная простым языком, без словесных выкрутас, она понятна и трогательна, хотя названа несколько претенциозно: «Моя Кулецма и ее светила». Но, может, именно потому, что ее автор Гаджи Магомедалиев поставил перед собой благую цель – рассказать о своем родном селе и своих земляках, она рождает такое теплое чувство. И сразу скажу, что он своей цели достиг.

Автор заявляет, что книга – не научный труд, что специалисты, возможно, найдут в ней какие-то огрехи, а он ставит перед собой другую задачу. И действительно, книга имеет большое воспитательное значение: каждая страница зовет читателя быть лучше, стать добрее, помогать ближним, ценить дружбу, не делать другому того, что не понравилось бы самому. Автор замечает: «В Кулецме не было дефицита в порядочных людях и в прошлом и в настоящем, но их имена ныне забываются. Вернуть их потомкам – задача моей книги».

Гаджи Магомедалиев знакомит нас с событиями, легендами и преданиями с древнейших времен до наших дней. Особенно удались страницы, где кулецминцы показаны в разных лагерях во время революции. В книге много справочного материала не только по Кулецме, но и по всему Дагестану. Очень трогательны строки о женщинах-труженицах тыла в военные годы. В главе «Кулецминцы за рубежом» даны острые характеристики двум кулецминским туркам: Ахмеду Узавару, который в 76-летнем возрасте искал себе подругу и… не нашел – уехал обиженным. А другой, Мухаммад Гюльхан, став министром обороны Турции, на поздравления земляков почему-то даже не ответил. Что ж, другая страна, другое воспитание.

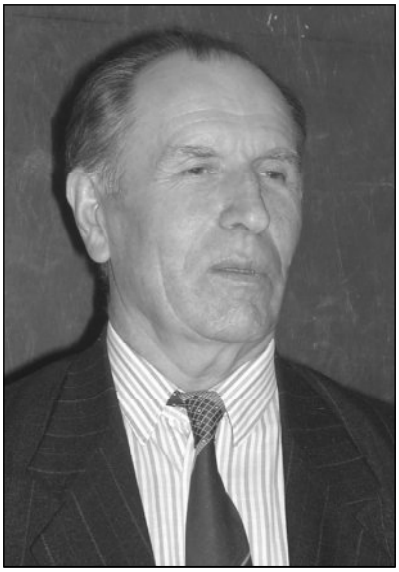
Автор – учитель с большим стажем, и он с любовью говорит о коллегах. Называет известных врачей. Есть в Кулецме и люди искусства. А в разделе «Шутники» много поучительных и веселых сценок, заставляющих читателя улыбнуться. Есть в книге и раздел о спортсменах.

Любая книга, как бы она ни была хороша, оставляет после прочтения в нас что-то неопределенное: мол, не хватает чего-то, написано что-то не так, как хотелось бы… Хочу поделиться и этим. Сегодня многие думают, что исламизация спасет мир, поможет людям жить в мире и дружбе. Но тот ислам, о котором мечтаем мы, давно не существует. Нынешний «ислам» имеет много сект и течений, которые все время борются между собой, а исламизация – затея утопическая. Даже религиозные деятели в маленьком Дагестане не всегда согласны друг с другом, часто выступают с противоположных позиций, нередко втягивают людей в дебри схоластики. Религия же опирается на науки, в какой бы стадии развития те не находились, но и отождествлять религию с наукой – тоже большой грех. Коммунистический режим пытался сокрушить ислам и исламскую культуру (хорошо, что у него ничего не вышло). Однако этот режим принес нам, дагестанцам, передовую русскую науку, культуру, искусство.

Уверен, что книга будет полезна, особенно – для молодежи.

Саид АЗИЗОВ,
учитель, ветеран труда
с. Нижний Чугли
Левашинского района

ПОЛЕМИКА



Алилгаджи АБДУЛЛАЕВ,
доктор филологических наук

Перевод поэзии глазами языковеда

В наши дни, когда не издаются выходившие раньше регулярно «Тетради переводчика», ежегодник «Мастерство перевода», книги и статьи, посвященные проблемам художественного перевода, и почти прекратилась практика перевода, эта развернувшаяся как бы стихийно дискуссия о переводе поэзии вселяет надежду на возрождение в обозримом будущем былого социально-культурного престижа переводческого дела в Дагестане. Потому что художественный перевод в нашей многонациональной республике имеет то особенное значение, которое предопределено его ролью как средства межкультурной коммуникации.

Обеспокоенные удручающим состоянием перевода художественных произведений, авторы статей М. Ахмедова-Колюбакина («О бедном переводчике замолвите слово…» – журнал «Дагестан», № 3 за 2002 год; «Переводить надо не слова, а поэзию» – газета «Дагестанская правда» от 21 марта 2003 года) и Магомед-Расул («О словесном кураже переводчиков» – журнал «Дагестан», № 4 за 2002 год) искренне сожалеют о том, что деятельность переводчиков в последнее время заглохла. Они сходятся во мнении о необходимости её возрождения, также считают целесообразным издавать, наряду с переводами стихов дагестанских поэтов на русский язык, оригиналы и их подстрочники.

Но у них не совпадают взгляды на то, что считать главным в переводе поэзии. По мнению Магомед-Расула, цель перевода – создание переводчиком равнозначного оригиналу текста на другом языке. Но он не отрицает и роли индивидуального видения переводчика при условии сохранения им художественной сути оригинала. Он против трактовки переводчиками понятия «свобода» как своеволия, ведущего к подмене оригинала.

Для М. Ахмедовой-Колюбакиной необходимое условие полноценного перевода – талант поэта-переводчика с высочайшим уровнем профессиональной подготовки. Она не согласна с тем, чтобы переводчик слепо следовал букве оригинала или подстрочника, который она уподобляет мертвому слепку подлинника.

Споры по поводу того, следовать во всем лишь оригиналу, буквально воспроизводя его во всех деталях, или всецело полагаться на талант и интуицию переводящего, ведутся с древних времен и, по-видимому, будут продолжаться, пока будет существовать художественный перевод как особый вид творчества. И спор между упомянутыми оппонентами является закономерным следствием того, что переводы поэзии несовершенны и малоразработаны теоретические вопросы перевода.

Слабое знакомство с оригинальным поэтическим творчеством и переводческим опытом Марины Ахмедовой-Колюбакиной не позволяет мне сказать что-либо определенное об уровне её языковой компетентности или оценить её профессионализм как поэта-переводчика. Однако не вызывает одобрения предпринятая ею попытка одной газетной статьей подвести черту под извечным спором о переводе, обрушившись на оппонента обличительной речью, которая не сообразуется с этикетом общения участников литературной полемики.

Нельзя сказать, что она не имела никаких оснований для этого, что её выступление ничем не спровоцировано. Дело в том, что Магомед-Расул в вышеупомянутой статье, негативно отзываясь о переводе стихотворения Расула Гамзатова «Как много парней на этом свете…», допустил некоторую резкость в выражениях и категоричность в обобщениях. Он с металлом в голосе упрекает в резонерском тоне М. Ахмедову-Колюбакину и начинающих переводчиков за отход от подстрочника. Но при этом он не выходит за рамки темы. То, что статья завершается напутствием «Дерзайте, друзья!», свидетельствует о доброжелательности её автора.

В ответной статье М. Ахмедовой-Колюбакиной говорится о профессиональной несостоятельности Магомед-Расула как критика перевода поэзии. Так это в самом деле или нет, но можно и должно было избежать таких обобщающих негативных оценок: «не имеет ни малейшего понятия о технике стихосложения», «не имеет ни малейшего опыта», «знатоки» художественного перевода», «взахлеб расхваливает», «дикий восторг», «льстивые дифирамбы» и т. д. Вместо всего этого желательно было бы в спокойном тоне опровергнуть конкретные доводы оппонента, если же у него их нет, то сказать об этом.

Сам подстрочник «Как много парней на этом свете…» производит не самое благоприятное впечатление. Я лично не в восторге от него: в нем больше туманной условности, чем воспринимаемой образности, не говоря уже о низком уровне речевого исполнения.

Всегда были, есть и будут разные подстрочники и переводы и неодинаковые мнения о них. Переводческой литературе известно немало случаев, когда вполне удобочитаемый перевод далек от оригинала, а не очень изящный полноценно передает его. В книге «Высокое искусство» Корней Чуковский главу «Стиль» предваряет эпиграфом – словами Гейне: «Перевод что женщина: если она красива, она неверна, если верна – некрасива».

Как же добиться того, чтобы перевод был и верным и красивым? Переведенное стихотворение не то же самое, что и оригинал, изложенный на другом языке, а одно из возможных прочтений его переводчиком. При этом неизбежны и отступления от оригинала, и потери, обусловливаемые разнообразными причинами. Это, в основном, несходство русского и национального языков и неодинаковые способы и средства иносказательности, характерные для их носителей, разные мировоззренческие критерии мировосприятия.

Связующим звеном между оригиналом и переводом служит подстрочник. Но его неоднозначно расценивают участники дискуссии: Магомед-Расул как бы приравнивает его к оригиналу, тогда как М. Ахмедова-Колюбакина считает мертвым слепком оригинала. Как бы то ни было, задача переводчика стихов дагестанских поэтов в том, что нужно создать текст, который бы вписывался в той или иной степени в стихию русской поэзии, но в то же время сохранял национальный дух оригинала. А это – и специфика мироощущения горца, и образный потенциал национально маркированных «ключевых» реалий, и эталонные

модели метафорического своеобразия горской афористики, и традиционные морально-этические оценочные критерии и формулы речевого этикета. Переведенное поэтическое произведение должно быть доступно и интересно читателю-носителю и национального языка, на котором написан оригинал, и носителю русского языка как родного. Другими словами, сложность процесса художественного перевода заключается в том, что переводчик встречает неимоверные трудности, преодолевая которые он пытается достигнуть в переводимом тексте гармонии верности и красоты.

Поэты-переводчики считают, что одним из основных средств выразительности переведенного на русский язык стихотворения является конечная рифма. Однако в переводном стихотворении её может и не быть, но оттого оно не станет менее выразительным. В своих превосходных переводах стихов дагестанских поэтов и горского фольклора Эффенди Капиев, как правило, не создавал её, зато обеспечивал такие атрибуты национального стихосложения, как созвучие согласных звуков (аллитерация), гармония гласных звуков (ассонанс), ритмическая пауза внутри строки (цезура). А в стихотворениях, написанных им на русском языке, рифма непременно присутствует как святая святых русского стихосложения.

Об этом говорю, чтобы акцентировать внимание на том, что поэты, переводящие национальные стихи на русский язык, жертвуют чем угодно, лишь бы строфе обеспечить рифму.

Кто может компетентно и квалифицированно анализировать перевод поэзии? Это зависит от того, с какой стороны подойти к нему. Например, социолингвистическое переводоведение предполагает анализ перевода с точки зрения полноты отражения в нем затекстовой, не выраженной словесно страноведческой информации и языковой правильности. Для этого знание языка оригинала желательно, но не всегда обязательно. И поскольку художественный перевод является результатом взаимовлияния, взаимодействия двух культур и служит их взаимообогащению, он может быть объектом интереса разных наук и предметом исследования разными учеными.

Выяснение того, что переводить – слова или поэзию, нельзя считать конструктивным. Переводить надо, конечно же, поэзию, но и слова, особенно слова-реалии. Как же переводить поэзию при безразличном отношении к словам оригинала? Ведь поэзия воплощена в словах и их сочетаниях, несущих художественно-эстетическую функцию. Нельзя воспринимать буквально заголовок газетной статьи М. Ахмедовой-Колюбакиной «Переводить надо не слова, а поэзию». Тем не менее, в нем скрыта недооценка значения и эстетически заряженного созначения слова национального языка. Обыкновенно в ответ на такие замечания поэты-переводчики начинают возражать, мол, в поэзии не может быть такого же соответствия слова и его значения, как в других стилях. Может быть, они отчасти и правы, но абсурд поэзию не породит. Всякая метафора, всякое сравнение приобретет образный смысл, если они основаны на здравой логике, а не на ложных посылках, и не извращают очевидную реальность.

В статье Ахмедовой-Колюбакиной дважды упоминается о замене слова **джигиты** в стихотворении Расула Гамзатова «Журавли». Она пишет: «Вспомните хотя бы культовые гамзатовские «журавли» (Можно было бы ожидать либо «гамзатовское «Журавли» либо «гамзатовских «Журавлей»), где слово **джигиты** было заменено переводчиком на слово **солдаты**. Далее: «А у Наума Гребнева гамзатовские **джигиты** превратились в **солдат**».

В принципе не столь уж важно, кому принадлежит заслуга этой вящей замены, но в контексте суждений о переводе дагестанской поэзии на русский язык необходимо внести ясность в затронутый вопрос. Чуждое дагестанским языкам ходульное словечко **джигиты** было введено в текст «Журавлей» на русском языке не кем иным, как именно Н. Гребневым, то есть переводчиком. Нельзя приписывать Расулу Гамзатову **джигитов**, потому что в оригинале нет никаких джигитов, в нем **васал** – **«парни»**. **Парни**, а не **джигиты** и в текстах на языках других народов Дагестана, вернее, национальные соответствия слова **парни**, хотя и переведены они с русского текста, в котором фигурирует **джигиты**.

Своей феноменальной судьбой песня «Журавли» обязана интуиции народного артиста СССР Марка Бернеса, первого исполнителя «Журавлей», для которого она оказалась «лебединой песней». Об этом сам Расул Гамзатов писал: «Один частный, но, мне кажется, показательный пример. В свое время я написал «Журавли» – о парнях, которые после смерти на поле брани превратились в белых журавлей. В переводе на русский язык, видимо, из уважения к «национальному колориту» – **парни** оказались **джигитами**. Когда писалась музыка, мне позвонил покойный ныне певец Марк Бернес и сказал: «Ты не против, если вместо **джигиты** я спою **солдаты**? Я согласился. Одно слово, а сколько выиграло все стихотворение, вся песня!» *(Гражданственность художественного творчества / Литература Дагестана и жизнь. Махачкала. 1978. С. 14)*.

Данное уточнение потребовалось не чтобы упрекнуть автора статьи (не всякое лыко в строку), а с целью обратить внимание на то, что многие переводчики следуют сомнительной тенденции к нарочито экзотизированному изображению быта и нравов дагестанских горцев. По-видимому, не случайно Расул Гамзатов в процитированной выше статье словосочетание «национальный колорит» заключил в кавычки. Справедливо обвинил Магомед-Расул Ф. Джаферова, который превратил «парней» в «джигитов».

Перевод поэтического произведения – это не только многотрудное творчество, но и разноаспектная исследовательская проблема, более чем деликатный предмет, чтобы пытаться подойти к решению какого-то её аспекта с помощью обличительных речей с нападками личного характера. Что, на мой взгляд, относится к обеим полемизирующим сторонам. Нужны научно взвешенное обсуждение, конструктивный обмен мнениями и опытом, теоретически обоснованный анализ и терпимость к чужому мнению.

Относительно того, как достичь наибольшей равнозначности перевода стихотворения подлиннику, могут быть разные мнения, порою и взаимоисключающие. Однако верным ориентиром для переводчика служит оригинал. А чтобы постигнуть органику оригинала, необходимо знать язык его автора, его творчество и лингвострановедческий фон его поэзии. Язык же, на который переводится стихотворение, надо знать в совершенстве. Совершенству же нет предела, и высочайший уровень профессиональной подготовки, который Ахмедовой-Колюбакиной кажется минимальным условием, позволяющим судить о переводе, может представляться как некий идеал, к которому должны стремиться.

Кажется праздным и бесплодным сегодня спорить о том, букве или духу оригинала должен следовать переводчик: никто не станет отстаивать предпочтительность буквального перевода. Тем не менее, есть основания, чтобы считать актуальным вопрос о том, во всех ли случаях поэт-переводчик может исходить из собственного видения, каким бы высочайшим уровнем профессиональной подготовки и каким бы великим талантом от Бога он не обладал. Поэты-переводчики убеждены в своей правоте, пытаясь обосновать решающую роль своего индивидуального субъективного восприятия и осмысления всякого художественного произведения. Поэтому очень часто до читателя доходит не автор, а переводчик.

Начатый диалог на тему художественного перевода следует продолжить, направив его в конструктивное русло. Для этого желательно подготовить и провести научно-практическую конференцию по широкому кругу проблем перевода. Также было бы целесообразно создать при правлении Союза писателей Дагестана какую-нибудь структуру / комиссию, группу, семинар/ , которая объединит специалистов по теории перевода и переводчиков, языковедов и литературоведов, имеющих отношение к художественному переводу.

ЗАРИСОВКА

Ибрагимхалил МАГОМЕДОВ

День в благодати

От райцентра Хив извилистая, накатанная до черного блеска, дорога спиралью поднимается на крутой перевал Нитар. Подъем по головокружительной крутизне, потом спуск – с одной стороны неприступные, словно топором стесанные скалы, на вершине которых вечно шумят сосны да ели, а с другой – глубокая холодная пропасть, одно неверное движение шофера, малейший недосмотр и сорвется машина так, что и винтика от нее не найдешь.

Ездят по таким дорогам на самых малых скоростях. А тяжело груженые автомашины даже останавливаются посреди пути, чтобы остудить мотор. В любой момент можно натолкнуться и на встречную машину, а разминуться не так-то просто. Встречная машина должна встать впритирку к скале и ждать, пока ее объедут.

Вот с такой-то скоростью наша машина, пазик, добралась в село Межгюль, расположенное на хребте Ергик. Позади осталась равнина, где под палящим июльским солнцем выгорела скудная растительность, глинистая земля потрескалась от зноя, а раскаленный песок дышал жаром. Здесь, в горах, совершенно иная картина: буйная зелень, ароматная прохлада. Крутая каменистая тропка ведет от села, прихотливо извивается среди откосов, затем мы карабкаемся на кручу, хватаемся за выступы скал, за колкий можжевельник, держидерево… На вершине горы Вурчал окрестности открылись перед нами как на ладони. На окрестных склонах паслись овцы, их так много, что создавалось впечатление, будто склоны покрыты крупными пестрыми оспинами. А дома, далеко внизу отсюда, с полянки на макушке горы, напоминали пчелиные ульи.

Где-то близко слышен меланхоличный голос ручейка, рядом купы деревьев ольхи и ясеня. Все дышит прелестью нетронутой природы: деревья растут так густо, что прохлада под их кронами словно произведена тысячью кондиционеров. Мы чувствуем себя так, будто попали в поистине живительную среду. Позади нас орешник, густо покрывающий пригорок, а тропа уводит нас все ниже в долину. Соответственно меняется и пейзаж. Под лучами солнца, пробивающимися между ветвями, белый пар, словно туман, поднимается над влажной от росы лесной поляной. Кажется, земля, дышащая полной грудью, выдыхает тепло. Тропа, избитая скотом, становится более широкой и более открытой. Вот десяток разбросанных друг от друга домиков, окруженных плодовыми деревьями; ручей, через который переброшены тоненькие три бревна, заменяющие мост.

Так начинается река, ее – где прозрачные, где пенистые – воды бегут то по глинистому ложу, то по усыпанному щебнем, то по сланцевым плитам, прыгая с валуна на валун. Они рассеянно ласкают по берегам заросли дикой груши, яблонь, алычи, барбариса, боярышника, кизила, облепихи, ореха… Их добро летом и осенью осыпается, им лакомятся мыши-полевки, куницы, барсуки, кабаны да медведи. Небольшая горная речка вьется, ползет змеей, с высоты крутого холма видно, как она течет, образуя запруды среди мельниц, огородов, окруженных ракитником и густыми садами.

На склоне лежит большая каменная плита, отломавшаяся, вероятно, когда-то от скалы. На ней, теплой, нагретой солнечными лучами, можно загорать. В двухстах метрах от нее, справа, вздымается скала похожая на каменное чудовище. Тень от него будто не замечает крошечных букашек внизу, двуногих и четвероногих. Голова чудовища сильно изъедена временем, ливнями и ветром, словно ее в стародавние времена вытесала рука искусного мастера.

Идем дальше. Невдалеке обнаруживаем небольшой грот, вроде пещеры, и в глубине его возвышается тоже каменная плита похожая на кровать. Природа щедра: то предлагает на склоне горы плиту для загара, то в пещере – каменную кровать, чтобы отдохнуть от летней жары. У природы все предусмотрено для наблюдательного человека. Под отвесной скалой – неглубокая теснина, заваленная огромными камнями, видно, когда-то часть скалы обрушилась, и все здесь с тех пор заросло деревьями да кустарниками. А в укромном уголке этого ущелья среди непроходимых зарослей возвышалась кряжистая береза.

На пути между горой Вурчал и селом Куг находится местечко под названием Шимиг. Здесь есть минеральная грязь с сероводородной водой, здесь люди лечат ревматизм и другие недуги. Это делали наши деды и прадеды, это же делают местные жители и сейчас.

Подходит время обеда, и на берегу небольшой, но шумной горной речки под названием Нацар, мы разводим костер, собрав сухие сучья и сложив хворост пирамидкой. Я выстрогал палочку из березового прутика – вроде шампура, наколол кусочки мяса из припаса и стал поджаривать. Мясо сочно скворчало, брызгало жиром, от чего дрова вспыхивали синими искрами. Дым от костра тянулся вверх дрожащими нитями, легкий, набегавший порывами ветер рвал их, но они тут же соединялись вновь. С невероятным аппетитом мы ели хлеб с поджаренным мясом, запивая еду холодной водою из родника, чистой, как слеза.

За ивами, растущими на противоположном берегу, слышался шум водяной мельницы. Чтобы попасть на нее, надо перейти речку по узкому мостику. Мы шли по зеленой дорожке, столь узкой, что цеплялись за ветки росших по сторонам деревьев. На тучной почве пышно разросся естественный природный сад: ежевика, розы, дикие фруктовые деревья – груши, алыча, яблони – росли здесь вперемешку. Стволы поваленных деревьев затрудняли ходьбу, ноги утопали в мягком ковре из опавшей листвы. Сидя на старом пне, интересно было наблюдать, как с листьев деревьев падали на серую землю прозрачные капли. Казалось, деревья плачут. Клен, украшение наших лесов, запоминается раскидистой кроной, его осанка напоминает солдата, несущего караул. Липа – символ романтической любви, а ива – грусти. Когда же потянет ветер, густым баритоном заводит береза свою монотонную песнь.

Мелодии в этом лесу, на берегу реки, звучат призывом к жизни. Человек, сливаясь с природой, воскресает душой. Природа – великий оптимист – указывает человеку на счастье, хотя он, словно не видя ее примера, измышляет порой какое-то иное, которое сам не может постичь. Нет слов, я, по крайней мере, не могу их найти, чтобы выразить всю прелесть извилистых стежек, капризно вьющихся под сплошным покровом листвы, где с каждым поворотом перед путником открывается новая, еще более таинственная глубь. Тени густо, одна на другую, ложатся от разлапистых крон. А цикады, чем сильнее жара, тем веселей и громче трещат. Радостное трещание их прямо уши закладывает, но при нашем приближении они замолкли, как будто набежали на них прохладный ветерок и тень, чего они не любят. А то перепел призывает в любовной истоме подружку, а на старой березе продолжает свою работу лесной дровосек – дятел. Это «музыка» леса, здесь никогда не бывает тихо…

В этот удивительный день, если мы попадали на открытую лесную полянку, где солнце, уже высоко стоящее в небе, припе-

кало довольно сильно, а мириады насекомых жужжали в его лучах, мы мастерили и надевали на головы шляпы из лопуховых листьев. Когда же незаметно наступили сумерки, окутавшие горы, заиграл теплый ветерок, неизвестно откуда налетевший. Над землей висело теплое, набухающее свежей синью, небо, обещающее короткую, но спокойную ночь. И мы, уставшие от созерцания природных красот, присели на обочине дороги, ведущей в село Яргиль, и стали смотреть на бегущие по небу облака, слушать, как поют вечерние птицы, любоваться, как одна за другой зажигаются звезды.

Расслабленность и тишина. Ощущаешь, как ноги гудят от непривычного для горожанина путешествия. Но сколько энергии прибавляется от таких прогулок, от общения с родной природой. Как мы не замечаем эти сказочные пещеры, эти тропинки, которые протоптали наши деды, эти искрящиеся под солнечными лучами утренние капли росы, рассыпанные, как бусинки, на траве и листьях, не слышим музыку леса?! Все это, что привычно окружает нас, ничем не заменишь.

Луна еще не поднялась, только всходила и силилась пробиться сквозь кроны деревьев. Дорога, по которой мы шли, была погребена под густым ковром листвы. Изредка между листьями и травой вспыхивали движущиеся огоньки, это светлячки… Шуршала в кустарнике вспугнутая ящерица, да вилась сумеречная бабочка. В шелесте трав слышались чьи-то жалобы, похожие на обрывки человеческой речи. Вдруг тихий стон раздался невдалеке, куст зашевелился, мне почудилось, что вылетел крапивник, вспугнутый нами. Крик этой птицы, мне показалось, был удивительно похож на крик новорожденного.

Весь день, оторвавшись от пресловутой цивилизации, мы не встречали проявлений ни хамства, ни грубости, ни даже просто косого взгляда. Какой-то совершенно удивительный покой снизошел на нас. И вспомнилось полузабытое, но такое уместное слово – благодать…

КРИТИКА

Динислам КАРДАШЕВ

«Почему так много сапожников-критиков...»

Начнем с давнего удивленного возгласа тогда еще молодого Расула Гамзатова:

Я знаю наизусть всего Махмуда,
И все ж не понимаю одного –
Откуда о любви моей, откуда
Узнал он до рожденья моего?

И еще один, сравнительно небольшой экскурс теперь уже в относительно далекое прошлое. В июле 1928 года в газете «Комсомольская правда» было опубликовано довольно большое стихотворение Владимира Маяковского «Соберитесь и поговорите-ка», в котором среди прочих, не всегда чисто литературных, проблем ставилась одна, на мой взгляд, актуальная и сегодня, вынесенная в заголовок:

Соберитесь и поговорите-ка
Вровень с критикой
писателя и художника,
Почему так много
сапожников-критиков
И нет совершенно
критики на сапожников?

А, в самом деле, почему? Как удалось великому пролетарскому поэту с абсолютной точностью предугадать ситуацию, сложившуюся в сегодняшней литературной жизни Дагестана?

Может быть, дело в том, что и Махмуд (точно так же, как и сам Расул Гамзатов), и Владимир Маяковский – поэты истинно великие, а не однодневки, поточным методом выдающие «на–гора» агитки на злобу дня. И их творения – непреходящи, адресованы читателям всех времен.

Теперь опустимся на грешную нашу землю, и снова, в который уже раз, зададимся вопросом-заголовком. Уверен, когда знающие молчат (или, когда им закрывают рты), берут слово невежды, вперед выходят графоманы и аллилуйщики, то есть те самые доморощенные «сапожники-критики»; и тогда все становится вверх дном.

Кто, к примеру, писал доносы, обсуждал и «осуждал», давил и выдавливал, добившись–таки отъезда из Дагестана самого молодого, яркого и талантливого, бескомпромиссного писателя, поэта–переводчика, блестящего публициста и настоящего патриота, незабвенного Эффенди Капиева, который в лицо и публично говорил своему окружению то, что он о нем думает? Не те ли, кто писал агитки о борьбе с пережитками старины и прелестях новой жизни? Разве только Исмаилу Аурбиеву и «сталинским чисткам» обязаны мы тем, что уехал из республики великолепный писатель–новеллист, равного которому не было в Дагестане тогда, и нет сегодня?

А что же нам оставили в наследство эти гонители, писавшие потом слезливые, душещипательные воспоминания об Эффенди Капиеве? Об этом их наследстве читайте у Казбека Султанова в его небольшой книжечке «Поэзии неугасимый свет», если, конечно, сможете ее найти. Последователи этих гонителей, воинствующие «патриоты» стали автора шельмовать, называя клеветником Казбека Султанова, и опять добились своего – из республики литературовед–профессионал, который называл вещи своими именами, уехал.

Не всегда, правда, те, кто покусился на священных коров, отделывались от «сапожников–критиков» простым отъездом. Иногда тем, кто высказывал сермяжную правду, попросту пересчитывали ребра, да так доходчиво, что навсегда отбивали интерес к качеству творений бездарных собратьев по перу.

У меня создается впечатление, что тем, кто гнал из республики правдолюбцев, ни разу даже в голову не пришло возразить правде на страницах прессы. Им гораздо проще было лихорадочно, высунув язык, бегать в поисках подписей друзей и собутыльников под воззванием, гласящим, что обсуждаемый автор вовсе и не олух царя небесного, не графоман, а очень даже хороший парень. Но есть ли в литературном прейскуранте такая штатная должность – «хороший парень»?

Изгнание из Отечества, доведение до потери пульса (технология эта отработана до мелочей) и вульгарный мордобой – аргументы, безусловно, веские, но безоговорочно свидетельствующие о правоте «крамольников», тех, кто не желает быть участниками всеобщего конкурса лжецов и не приемлет правил благопристойной лжи, удобного во всех отношениях взаимовыгодного ханжества и неприкрытого лицемерия…

Что же мы имеем в остатке? И где наши нынешние правдолюбцы? Известно, что сон разума (молчание умных) порождает чудовищ – малограмотных, услужливых, бездарных и безотказных. И мы имеем то, что имеем. И всем (кроме литературы) хорошо – тишь да гладь, да Божья благодать. Нехватка золота компенсируется позолотой, отсутствие (или нехватка?) критиков – избытком критиков суррогатных, тех самых «критиков–сапожников», коим в такой атмосфере хорошо и вольготно…

И напоследок: никак не могу уразуметь, почему почти всегда при спорах и схватках профессионалов с невеждами, честных с лицемерами первые неизменно бывают биты. В чем секрет этого феномена? Может, в тысячекратном численном перевесе вторых над первыми? Или в умении вторых мгновенно скооперироваться и обрушить на головы извечных своих врагов огонь из всех видов оружия, пока те долго и тщетно пытаются разобраться, кто же из них самый умный?

Или мудрая матушка–природа позаботилась о самой многочисленной части своих созданий, наградив ее толстенной, как у носорога, кожей, и такой же, как у него, силой и сообразительностью?

Кто знает…

Литературные пародии

Константина Зачесова, кандидата философских наук, читатели нашего журнала знают как политолога, выступающего на его страницах по самым разным проблемам общественной жизни. Но, оказывается, нашего автора не обошла и поэтическая муза. Особенно привлекает его жанр литературной пародии. А пародируемые им авторы тоже могут быть довольны: ведь наличие пародии (как «попадание» в кроссворд или в анекдот) – признак популярности. Вспомните знаменитые эпиграммы В. Гафта на популярных артистов и литераторов. Впрочем, судите сами…

Рисует ночь петроглифы созвездий
Меняется субстанция терпенья.
Блуждает дух по краю контраверзы...

Джамаль

ПЕТРОГЛИФЫ В КОНТРАВЕРЗЕ

Кончается субстанция терпенья!
Давно сижу у контраверз в середке!
Петроглифы болтаются в смятеньи…
А хочется мне – водки и селедки!

Блуждает дух мой на краю каком-то,
Во что-то бестолковое он лезет.
Терпенье кончилось!
Да ну их всех в болото!
Петроглифы, субстанции, созвездья…

Терпенье треснуло.
Ну, как орешек грецкий.
Меня всерьез вы приняли с чего-то.
А я – хохмач! И я – мужик простецкий.
Прикалываюсь – просто так, для «понту».

Поэтому не ждите, чтоб средь ночи
Я с моего все объяснял вам краю…
Но вот стихи свои люблю я очень!
И очень сам я их не понимаю!

* * *

Вам другом стал б Хаджи-Мурад,
Он дерзок был и смел.
А с вами стал б мудрей сократ,
Перечить не посмел б!

Р. Касумова

НЕ ХВАТАЛО ВАС ХАДЖИ-МУРАДУ!

Хаджи-Мурад б вам б другом б стал б!
И, может быть б, мудрей б!
И, может быть б, на пьедестал б
Взвели б его б скорей б!

И, может быть б, в лихих б боях б
Быстрей б стал б знаменит б,
Когда б об вас б в моих б стихах б
Прочел бы б тот б джигит б!

Вам написать могу еще
Стихов хоть целый вал!
Хаджи-Мураду хорошо…
Ведь он их не читал!

* * *

Качнул я головой, и в лоб вогнал я гвоздь
И стал я дураком – любимцем у богов.
И стал валять я дурака и понял:
Что свет и тьма – они валяют дурака
И я люблю их как дурак.

К. Муртузалиев

СРЕДСТВО ОТ ДУРОСТИ

Давно меня вопрос
один, друзья, тревожит:
С чего все время я
валяю дурака?
Как будто, внешне я
на умного похожий,
А вот ума-то нет!
Как минимум – пока.
Ну, свет и тьма – плевать!
Ведь с ними все понятно:
Откуда у них ум?
У них мозгов-то нет!
Но у меня-то есть
мозги – ей-ей! – ребята,
А я вот не умней,
чем эти тьма и свет.
За что-то их люблю.
За что – и сам не знаю.
Наверное, за то,
что тоже дураки.
Всех, кто дурак, давно,
как Бог, я принимаю,
Все, кто дурак, давно
мне милы и близки.
Но, будучи всегда
отчаянным мужчиной,
Таким горячим, что
хоть оторви да брось!
Я, чтобы устранить
той дурости причину,
Взял, да и в лоб себе
вогнал здоровый гвоздь!
И – малость поумнел!
представьте себе, братцы!
Стихи вот стал писать.
Покуда – «как-нибудь»,
Но – выше на Парнас
желаю я взобраться…
Еще, что ль, гвоздь себе
вогнать куда-нибудь?

* * *

Горами скажешь
Слово…
…Пещерами укутаешь тень.

М. Хамзаев

ЧЕМ ГОВОРИТЬ?

Горами скажешь слово.
А, может, и пещерой.
А, может, чем еще
сказать сумеешь ты?
Троллейбусом скажи.
Иль камнем обомшелым.
Иль местом, где растут
интимные кусты.
Удобно говорить
солидным учрежденьем.
И лестницей, и дверью
удобно говорить.
И газовой плитой.
И чаем. И вареньем.
И ниткой, если есть
какая-нибудь нить.
Стаканом говорил
когда-то мой приятель:
Он с тем стаканом был
достаточно знаком…
Всем можно говорить!
Но все ж, поэты-братья,
Желательно –
простым и ясным языком!

* * *

Во мне в какой-то тайный миг,
Когда еще не вызрел крик,
Но родилось уже сомненье –
А на кой черт мое рожденье?

Н. Гилядов

СОМНИТЕЛЬНОЕ СОМНЕНЬЕ

– Все подвергай сомнению
От самого рождения! –
Внушал какой-то древний грек
И этим вверг меня во грех.

– На кой мне черт мое рожденье? –
Спросил себя я весь в сомненье. –
Зачем мне лезть туда, наружу?
Там, может статься, будет хуже!

На кой мне юности томленье?
На кой в крови любви кипенье?
На кой мне верная подруга –
Жена иль, может быть, супруга?

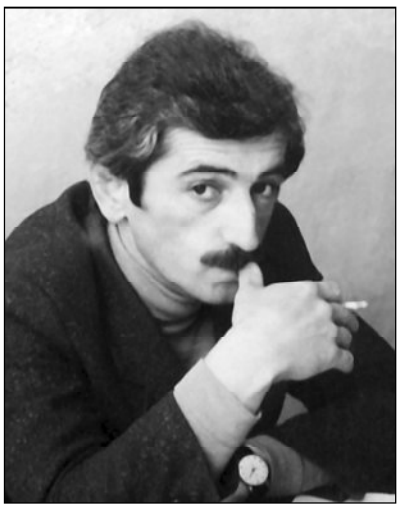
На кой мне в этом бренном свете
Нужны сопливейшие дети?
На кой мне, за какие муки
Нужны сопливейшие внуки?

На кой мне всякое волненье?
На кой гастрит мне и давленье?
На кой мне под конец, как многим,
Почить под камнем у дороги?

С сомнением я долго бился.
Все сомневался. И… родился!

Имьямин ЗАГИРОВ

Истории Гаруна



Есть люди, с которыми чаще, чем с остальными, происходят разные забавные истории. Один из них – мой друг Гарун. История, которая с ним приключилась, сегодня кажется вымыслом. Но, поверьте, это чистая правда.

ПОЛИТБЮРО

Гаруну долго не везло с женами. Первая подруга жизни была у него и красивая, и любимая, да только вот неверной оказалась, коварная. На второй он женился по настоянию родителей, но очень скоро понял, их взгляды на жизнь расходятся в отношении к материальному благосостоянию. Напрасно благоверная что ни день твердила ему: «Арцу дула!» Арцу дула!» (**«Денег дай!» – перев. с лакск.**). А Гарун в то время порхал по жизни, подобно мотыльку, и решительно не желал обращать свой взор к презренным дензнакам.

Неизбежный кризис привел к тому, что в один прекрасный день корыстолюбивая супруга ушла, громко хлопнув дверью, а Гарун остался совсем один в доме, звенящем пустотой.

Хоть и предвидел мой друг такой финал, тем не менее ему стало очень грустно. Сел он посреди гулкой комнаты и пригорюнился. Но стук, вскоре раздавшийся в дверь, напомнил ему, что женщины приходят и уходят, а друзья остаются.

Лакцы, числом пять человек, представители уважаемых профессий – зубной техник, фотограф и три сапожника – пришли к Гаруну, прослышав, что его семейная лодка бесславно разбилась о быт. Скупая мужская слеза навернулась на глаза Гаруна, когда он увидел в руках друзей пакеты, плотно набитые всем, что так хорошо помогает в стрессовых ситуациях. Ввиду отсутствия стола щедрые дары сочувствующих в виде винно-водочно-коньячных изделий выстроились на полу. А верные друзья в приличествующем случаю молчании уселись вокруг, по-турецки скрестив ноги.

Пропустили по маленькой, заботливо подкладывая Гаруну лучшую закуску. Потом еще. И еще…

– Ты, брат, не очень-то горюй, – сказал наконец фотограф, сочувственно глядя на уныло обвисшие кончики усов Гаруна. – Тебе ли не знать этих баб?!

Тут вразнобой вступили остальные, у каждого нашлось веское слово по женскому вопросу. Гарун приободрился. Слова друзей приятно грели душу, а выпитое еще и желудок. В это время раздался стук в дверь.

– У меня теперь всегда открыто, красть уже нечего. Заходи, дорогой, – крикнул Гарун появившемуся на пороге соседу. – Вот, познакомься с моими друзьями. Видишь, не бросили в беде.

– Киров, – протянул руку зубной техник.

– Фрунзе, – привстал фотограф.

Когда же первый и второй сапожники соответственно представились Сталиным и Калининым, сосед не выдержал. Думая, что его разыгрывают, он широко улыбнулся:

– О, я смотрю у вас здесь почти все политбюро собралось. Раз так, то я – Ворошилов.

– Ворошилов – я! – возмутился третий сапожник. – Меня так отец назвал к твоему сведению. А ты тут смеяться над нами вздумал? Ворошилов нашелся!

Изрядно подогретая винно-водочными парами обида разом вскипела и в остальных участниках трапезы. Гарун как человек миролюбивый пытался было погасить назревающий конфликт в зародыше, но у него ничего не вышло. Перебранка моментально превратилась в потасовку. Сопротивление самозванца было недолгим. Рухнув пятой точкой на пол, внезапно трансформировавшийся из восточного столика в поле брани, лже-Ворошилов лишь испуганно озирался и прикрывал руками голову. Насилу удалось Гаруну вырвать злополучного соседа из рук разгневанных «членов политбюро». И то сказать: кому понравится, когда твое настоящее имя, честь по чести подтверждаемое метрическим свидетельством, принимают за банальное прозвище?

* * *

А эта история произошла с моим другом Гаруном тогда, когда он был еще не сапожником, а врачом. Согласитесь, что такая резкая смена профессионального статуса тоже характеризует моего героя.

УПАВШИЙ ГЛАЗ

Приступив к обязанностям врача скорой помощи при Акушинской районной больнице, Гарун уже знал, в каких случаях он имеет право вызывать санавиацию. Среди других в этом перечне значились и тяжелые травмы глаз. Первое дежурство прошло спокойно. Рассчитывая на такую же перспективу, заступил Гарун и на второе дежурство. Но человек полагает, а Бог располагает.

Вечером, когда Гарун благодушествовал в обществе симпатичной медсестры, попивая чай, раздался телефонный звонок из села Балхар, которое тоже обслуживала Акушинская райбольница. Гарун поднял трубку и услышал родную лакскую речь. Встревоженный женский голос повторял: «Я багьунни! Я багьунни!» (**«Глаз упал!» – перев. с лакск.**). Из дальнейшего разговора, частично заглушаемого помехами на линии, Гарун уяснил лишь то, что сказанное относится к грудному ребенку.

Он всполошился: тяжелая травма глаза, да еще у ребенка. Надо срочно вызывать авиацию. В Махачкале на его сообщение отреагировали оперативно.

– Ждите, вылетаем, – услышал он с облегчением.

Вышел встречать, смоля от волнения сигарету за сигаретой. Еще бы – впервые в жизни доведется увидеть, как примчится на помощь в далекое горное село вертолет с коллегами. Во всей этой ситуации ему виделось нечто возвышенное и романтическое: наступающая ночь, первые робкие звездочки на небосклоне, пики гор, в проеме которых наконец показался вертолет. С мерным стрекотанием он приближался к селу, неся с собой надежду и избавление страждущим.

До Балхара врачебная бригада из столицы в сопровождении Гаруна добиралась уже на машине скорой помощи. В Балхаре их встретила секретарь сельсовета, которая и звонила в скорую.

– Как состояние ребенка? – спросили первым долгом у нее. – В сознании он?

– В сознании, – ответила девушка, – только температура высокая.

Гарун почувствовал что-то неладное. Вошли в дом. Оба глаза у ребенка были на месте и даже невредимы, а у постели, где он лежал, что-то нашептывала, при этом истово плюясь, местная старушка-знахарка.

Последовавшее за этим напоминало финальную сцену гоголевского ревизора.

– Ну, где упавший глаз? – мрачно вперив взор в Гаруна, спросил старший бригады скорой помощи.

Гарун что-то залепетал о лингвистических особенностях балхарского диалекта лакского языка и плохой телефонной связи.

– Сглаз мы снимать не учились, – с убийственной для Гаруна иронией сказал старшой, – но ребенку помочь можем. По всему, простудили вы его здорово. Сейчас сделаем укольчик, и температура спадет, ребенок уснет спокойно. А утром, пожалуйста, отвезите его в больницу.

Знахарка незаметно ретировалась, а ободренная мать долго благодарила Гаруна за помощь. Она бы благодарила его еще горячее, если б знала, что на следующий день, на пятиминутке, главврач объявит ему строгий выговор и отдаст приказ бухгалтерии удержать из его зарплаты полную стоимость вызова вертолета скорой помощи.

С тех пор прошло много лет, но до сих пор, когда Гарун слышит, что кого-то сглазили, он морщится как от зубной боли.

* * *

Вот какую историю рассказал Гарун, которая случилась с ним после того, как он сменил профессию врача на сапожника.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

…У моего отца я – единственный сын. Остальные дочери. Это я к тому, что папа меня очень любит. На все мои недостатки глаза закрывает. Но у меня самого-то совесть есть. Не люблю огорчать старика.

Получилось так, что потратил я доверенные им мне деньги. Добро бы на дело, а так – прокутил с друзьями. Возвращаюсь домой, а жена встречает на пороге и шепчет: «Папа приехал. Тебя уже давно ждет». Ну как бы я ему на глаза показался? Выпивший, да еще без рубля в кармане. Сказал жене, чтобы потихоньку вынесла мой сапожный инструмент. Мысль появилась продать его, чтобы хоть частично возместить истраченное. Взял инструмент под мышку и пошел. Прямиком к приятелю-коллеге, у которого сапожная будка на оживленном пятачке. Заглянул, а у него как назло какие-то бездельники сидят, языками треплют. Как я при них свою проблему излагать буду? Пришлось ждать, пока уйдут. Дождался: только вечером соизволили покинуть помещение, перед самым закрытием.

– Купи струмент, – говорю Сергею. – Спасай товарища!

– Да я сам на мели, – отвечает. – Какая сейчас работа, разве не знаешь?! Жена всю плешь проела.

Пока так беседовали, знакомый подошел. Выпить любит, конечно, а так нормальный парень. Услышал, о чем мы, и вызвался помочь.

– Я продам, не боись.

И продал ведь. Долго ходили, правда. И выручили всего-то половину того, на что я рассчитывал. Но я и этому был рад. «Удачную» сделку, как водится, решили слегка вспрыснуть. Сначала нас было двое. Потом почему-то стало четверо, шестеро… Пили в разных местах, преимущественно на свежем воздухе. К двум часам ночи разошлись кто куда. Я остался один. Снова навеселе и снова без денег. Но весело мне не было, потому что я впервые в жизни понял, что испытывают бомжи. Везде ярко горящие окна, манящие теплом и уютом дома, а ты, неприкаянный и одинокий, стоишь на улице. Двоих моих друзей, у которых я мог бы переночевать, не оказалось дома. А ночи уже становились по-осеннему свежи…

Ноги сами понесли меня на родную улицу. Крадучись подошел к воротам. Заперто, конечно. Ворота высоки, не перелезть. Вот разве на соседский навес взобраться, а оттуда в свой двор спрыгнуть.

Откуда и прыть взялась? Одним махом взлетел. Как кошка. Ползу, значит, по навесу чуть ли не по-пластунски, а в лицо мне со шпалер тяжелые влажные виноградины, как собака носом, тычутся. Сосед мой, змей, позже всех свой виноград снимает. А виноград у него что надо. Ягоды крупные, фиолетовые и будто дымкой подернутые, как очи красавицы с поволокой. Не выдержал, каюсь, сорвал гроздья с лозы и аккуратно за пазуху себе положил. Внушительная выпуклость получилась…

В маленькую комнатку, где жена обычно спит, когда меня дома нет, залез через окно. Вдруг, думаю, отец некрепко спит и услышит на веранде шаги. Вошел. Смотрю – моя голуба в крепких объятиях Морфея пребывает. Тихонько так по имени зову – не слышит. Легонько за плечо потряс – никакой реакции. Тут я по одной грозди из-за пазухи достаю и ей на грудь кладу. Одну, другую… а на пятой она томно так глаза открыла и только потянуться хотела, как я шестую к остальным положил. Ахнула моя женушка и так улыбнулась призывно, как никогда раньше за десять лет совместной жизни не улыбалась. Ничего не спросила, даже для вида ворчать не стала. Такой нежной и ласковой была, что я на седьмом небе оказался от счастья.

Но счастье, как известно, быстротечно. Забрезжил рассвет, а вместе с ним вернулась печальная явь: ни копейки в кармане и папа, ждущий моего возвращения.

Оставалось только одно: ждать, пока он устанет ждать и уедет к себе.

Говорю жене: «Никуда не пойду, а то опять в какую-нибудь историю влипну. В старом шифоньере спрячусь. Ты мне только кушать не забывай давать. Ну и детский горшок поднесешь, когда надо будет».

Так и просидел весь день, до позднего вечера…

САТИРА И ЮМОР

Тагират ГАСАНОВА

* * *

Воздержанье в месяц Рамазан
Нипочем для нас, для мусульман.
За него «святоша» каждый наш
Целый год потом берет реванш.

* * *

Так рьяно встречает народ Новый год,
Как будто без этого он не придет.

* * *

Тем, у кого семь пятниц на неделе –
Не страшен и тяжелый понедельник.

* * *

Так часто за здоровье пил,
Что чуть его не загубил.

* * *

Изящна и стройна, как лань,
А на поверку – та же дрянь.

* * *

Могу ли я еще – не знаю,
Но знаю, что еще хочу.

* * *

Серафимович. «Железный поток».
Не дочитал, потому что промок.

НЕ ДУРАК

Развод не очень занимателен…
Женюсь со сроком испытательным.

* * *

Причудлив нрав мой – до нон-стопа:
Была – Кармен, а стала – Пенелопа.

МЕТАМОРФОЗА

«Мне джину! Даме – молока!» –
Кричал я в баре свысока.
Теперь шепчу, ссутулив спину:
«Мне – молока, а даме – джину».

* * *

«Нет, бедность, все-таки, порок» –
Так философствовал бродяга,
Срезая бритвой кошелек…

* * *

Задрав штаны бежал с другими вместе
За комсомолом. Это всем известно.
Я б и сейчас бежал без лишних слов,
Да только вот остался без штанов.

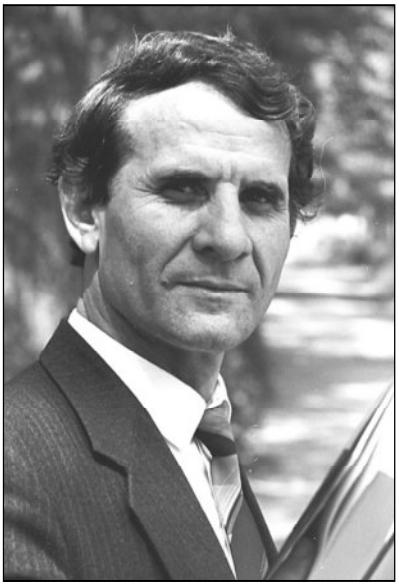
* * *

Увы, ты можешь быть умна,
Стройна, красива и богата.
Но если ты ничья жена,
То в это ты не виновата.

* * *

То ль любовь, то ли это адюльтер –
И ответа по-прежнему нет.
Двое в комнате – я и компьютер,
Я опять ухожу в Интернет.

Ахмед ДЖАЧАЕВ



МЕТАМОРФОЗА

Была кротка и бессловесна
Невеста. Робко в дом вошла.
Но минул срок нам всем известный –
Она ребенка родила.

Потом прошло еще два года.
И каждый год по одному.
Свое опять взяла природа…
Где ж кротость? Что-то не пойму.

Арбу семейную волочит
Мужик, как вол или ишак.
Она ж над ним еще хохочет:
«Ты думаешь родить – пустяк?»

Но этого ей, видно, мало.
Она смелеет на глазах:
Ее язык теперь, как жало.
А вот он и четвертый… Ах!

Вот вскоре появился пятый.
Пять разных пальцев на руке.
А где же папа столь богатый?
Да вот он, в крепком кулаке.

РЕДАКТОРУ-ДРОВОСЕКУ

Редактору принес свои стихи.
Себя я тешил мыслью: неплохи.
Как дерево, с любовью их взрастил.
Редактор же мне с ходу «обрубил»:

– Вот эта ветка выросла кривой, –
Сказал, строку отрезав как пилой. –
– И эта тоже выросла не так,
Я выброшу ее – такой пустяк.

И лишь прямой увидев голый ствол,
Он рукопись мою убрал в свой стол.
Подумал я, что даже лесоруб,
Наверное, не так в работе груб.

Но мне его благодарить пора,
Что обошелся он без топора.
Иначе б, видно, в щепки он разнес
То «дерево», что я ему принес.

АВТОРУ СКУЧНОЙ КНИГИ

Купил один читатель книжку,
Но с первых строчек стал дремать.
В ней, видно, зауми излишек:
Никак не мог он дочитать.

Другой с энтузиазмом взялся,
Но вскоре выронил из рук.
Как он осилить не старался,
Сон крепкий овладел им вдруг.

А я же, ваш слуга покорный,
Такой совет могу лишь дать:
В аптеках, чтоб взамен снотворного
Их стали людям продавать.

Перевод с кумыкского
Тагират ГАСАНОВОЙ

ЗДОРОВЬЕ

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

(Продолжение. Начало в №№ 2, 3 – 2002 г., 1, 2 – 2003 г.)

БАЛЬЗАМ

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РУК И ПЛЕЧЕВОГО ПОЯСА

Эти упражнения придают эластичность мышцам плечевого пояса, увеличивают подвижность плечевых суставов, быстроту движений и силу рук. Помните, что, выполняя упражнения, плечи необходимо опустить и расправить, а при круговом вращении руки не должны проходить слишком далеко от корпуса; пусть плечо будет осью вращения руки. Ноги обязательно должны быть выпрямлены. Следите за координацией движений рук, ног, корпуса и глаз.

1. **Упражнение для развития мышц плечевого пояса.** И. п.: встать, ноги вместе или на ширине плеч, руки на перекладине (расположенной на высоте пояса). Взяться руками за перекладину (руки прямые), прогнуться и в этом положении ритмично делать наклоны (спину и голову держать прямо).

2. **Круг рукой**. И. п.: встать в стойку «лучника», левую руку упереть в левое колено, правую прямую поднять вверх. Круговое вращение рукой в боковой плоскости выполнять попеременно вперед и назад с постепенным ускорением.

3. **Круг двумя руками**. И. п.: встать, ноги на ширине плеч, руки вдоль туловища. Поднять одну руку вверх и начать вращение сразу обеими руками попеременно вперед и назад с постепенным ускорением.

Затем обе руки одновременно отвести вправо, начать вращение в лицевой плоскости сверху влево, вернуть руки в и. п. .

Поднять руки вверх. Левую руку опустить до уровня плеч вперед, правую руку назад, одновременно руками делать скрестные вращения.

4. **«Ветряная мельница».** И. п.: встать, ноги шире плеч, руки вдоль туловища. Шаг левой ногой влево, принять стойку «лучника», туловище повернуть влево, правую руку вытянуть вперед, левую руку согнуть, кисть расположить под правым локтем и направить вниз, смотреть вниз.

Повернуть туловище вправо, сменить левостороннюю стойку «лучника» на правостороннюю. Одновременно руками сделать скрестное круговое движение в лицевой плоскости, смотреть на правую ладонь. Продолжая поворачивать туловище вправо, руками описать еще один круг. Когда правая рука окажется сзади, принять стойку «припавшего к земле» с упором на левую ногу, завершить круговое движение руками, ударив правой ладонью по земле возле правой ступни, левая рука – назад – вверх.

5. **Круг руками с поворотом туловища**. И. п.: встать, ноги вместе, руки вдоль туловища. Туловище повернуть влево, левой ногой сделать шаг вперед и слегка согнуть, одновременно правую руку вытянуть вперед, левую отвести назад (обе руки в положении «ладонь»). Скрестное движение руками в лицевой плоскости, одновременно поворачивая туловище вправо.

Не прекращая движения, туловище повернуть влево и одновременно руками описать полный круг в том же направлении и вернуться в и. п. Смотреть на правую руку.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЫШЦ НОГ

Эти упражнения в ушу имеют чрезвычайно важное значение. При выполнении движений необходимо ноги держать прямыми. Эластичными мышцы ног становятся постепенно. Даже если процесс покажется вам слишком медленным, не форсируйте его. Начинайте с малого: низкая перекладина, неглубокие наклоны, время выполнения упражнения – 10-15 секунд. Понемногу нагрузку можно увеличивать.

1. **Упражнения на гибкость**.

Наклоны вперед. И. п.: встать лицом к перекладине, ногу положить на опору (для начала перекладина располагается не очень высоко), носок оттянуть на себя, руки упираются в колено. Ритмичные наклоны вперед, стремясь достать подбородком носок ноги. Руки – на ступне. Выполнять попеременно то одной, то другой ногой.

Наклоны в сторону. И. п.: встать левым боком к опоре, положить на нее пятку левой ноги, носок оттянуть на себя. Левую руку согнуть и прижать ладонью к груди, правую ладонь завести за голову. Начать ритмичные наклоны корпуса влево, стремясь достать головой голень.

Наклоны назад. И. п.: встать спиной к опоре, положить на нее носок ноги, руки на поясе. Ритмичные наклоны назад.

2. **Упражнения из стойки «припавшего к земле».** И. п.: стойка «пубу», взяться руками за ступни ног. Начать ритмичные наклоны корпуса вперед и вбок, стремясь коснуться лицом ступни выпрямленной ноги.

3. **Махи ногой** (сопровождаются резким выдохом).

Прямой мах. И. п.: ноги вместе, руки в стороны в положении «ладонь», пальцы направлены вверх. Левой ногой сделать полшага вперед, правой – резкий мах вперед (нога прямая, носок оттянут на себя, ступня параллельно полу). Вернуть ноги в и. п.

Косой мах. И. п. то же. Правой ногой сделать полшага вперед, левой – резкий мах вперед и слегка вправо (нога прямая, носок направлен к правому виску).

Боковой мах. И. п. то же. Правой ногой сделать полшага вперед, носок правой ноги слегка развернут вправо, левая пятка немного приподнята, корпус слегка повернуть вправо, левую

руку вытянуть вперед, правую отвести назад. Сделать резкий мах левой ногой, носок оттянуть в направлении левого уха, одновременно согнуть правую руку и поднять ее в положение «блок ладонью», левую руку согнуть и прижать ладонь к груди, смотреть вперед.

Мах в стороны. Правой ногой сделать полшага вперед, носок левой ноги слегка повернуть внутрь, поднять левую ногу к правому плечу и резко взмахнуть ею, не опуская влево. Завершив движение, поставить левую ступню возле правой, смотреть вперед. Для того чтобы проконтролировать правильность выполнения, ударьте внешней стороной стопы левой ноги по ладони, отставленной в сторону левой руки.

Мах вперед. Правой ногой сделать полшага вперед, носок левой ноги слегка развернуть внутрь, поднять левую ногу вперед и резко взмахнуть ею вверх – вправо. Завершив движение, поставить левую ступню возле правой. Смотреть вперед. Во время выполнения движения можно ударить верхней частью стопы левой ноги по ладони, отставленной в сторону – вверх правой руки.

4. **Резкое выпрямление ноги**. И. п.: согнуть правую ногу в колене и поднять колено до уровня пояса, носок оттянуть вниз. Резко выпрямить ногу и так же резко вновь согнуть ее в колене. Левая нога прямая.

5. **«Толчок» ногой**. И. п.: согнуть правую ногу в колене и поднять колено до уровня пояса, носок оттянуть на себя. Резко выпрямить ногу, пятка вперед на уровне пояса, и так же резко согнуть ногу в колене. Левая нога прямая, смотреть вперед.

6. **Боковой выброс ноги**. И. п.: скрестить ноги, левая сзади, обе ноги слегка согнуть. Выпрямить правую ногу, перенести на нее центр тяжести, левую ногу согнуть, носок слегка повернуть внутрь, поднять колено и резко выпрямить ногу влево и кверху, пяткой вперед. Одновременно корпус немного наклонить вправо, смотреть на левую ступню.

Для начала можно выбрасывать ногу на небольшую высоту, скажем, на уровень пояса. Постепенно следует увеличивать высоту выброса. Старайтесь, чтобы ступня при этом располагалась параллельно земле.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ПОЯСНИЦЫ

Практически все движения в ушу выполняются при участии мышц брюшного пресса и поясницы. Вот почему тренировке этой группы мышц придается особенно важное значение. Упражнения в данном случае направлены на развитие гибкости талии и силы мышц, что позволит быстро и резко совершать повороты корпуса.

1. **Наклоны туловища**. И. п.: ноги чуть шире плеч, руки подняты вверх. Делать наклоны вперед и назад, спина прямая.

2. **Круговое движение туловищем**. И. п.: ноги шире плеч, руки опущены. Наклонить корпус вперед, руки опустить вниз и начать вращение, руки следуют за корпусом.

3. **Мостик**. И. п.: ноги шире плеч, руки опущены. Руки вверх, корпус медленно прогибать назад, возможно с поддержкой партнера, пока ладони не коснутся земли. После этого партнер начинает плавно и ритмично толкать колени от себя.

ПРЫЖКИ

В гимнастике ушу существует много разнообразных прыжков. Мы познакомим вас с двумя основными.

1. Прыжок «летящая нога». И. п.: ноги вместе, руки опущены. Правой ногой сделать шаг вперед, левой совершить взмах вперед, оттолкнуться правой ногой и подпрыгнуть. Одновременно соединить руки над головой и ударить тыльной стороной правой ладони по левой. Находясь в воздухе, резко вытянуть правую руку вперед так, чтобы подъемом стопы ударить по ладони. В момент удара левую руку отвести в сторону (кисть в положении «клюв журавля»). Одновременно левую ногу резко согнуть, подобрав ступню под себя. Носки обеих ног оттянуть, туловище слегка наклонить вперед. Смотреть вперед. Старайтесь выполнять все элементы прыжка настолько быстро, чтобы во время приземления сначала коснуться земли правой, то есть толчковой ногой. Приземляться следует на носок. Для того чтобы прыгнуть выше, можно сделать небольшой разбег.

2. Большой прыжок вперед. И. п. то же. Левой ногой сделать шаг вперед, центр тяжести перенести вперед. Левую руку отвести назад, правая у левого бедра, обе кисти в положении «ладонь».

Согнутую правую ногу поднять, левой резко оттолкнуться и подпрыгнуть. Руки совершают круговое движение в лицевой плоскости снизу — вперед — вверх, туловище повернуть вправо, руки назад. Смотреть на левую ладонь.

Приземлиться на правую ногу, левую вынести вперед, принять стойку «пубу». Одновременно правую кисть в положении «кулак» прижать к поясу, а левую ладонь выставить перед грудью.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧУВСТВА РАВНОВЕСИЯ

Из великого многообразия подобных упражнений мы выбрали три наиболее популярных.

1. Равновесие на одной ноге. И. п.: основная стойка. Левую ногу согнуть и поднять к груди (выше уровня пояса), носок оттянуть и повернуть к правому бедру. Правую руку поднять вверх в положение «блок ребром ладони», левую руку отвести назад — кисть в положении «клюв журавля» (пальцы направлены кверху). Спина прямая, плечи расправлены, дыхание ровное. Смотреть влево.

2. Равновесие «смотрящего на Луну». И. п. то же. Правая нога прямая или слегка согнута в колене, левую ногу согнуть и отвести назад, носок оттянуть, пятку направить вверх. Туловище слегка наклонить вперед и повернуть вправо. Обе руки прямые, кисти в положении «ладонь», левую руку поднять вперед — вверх, правую отвести назад. Смотреть вправо.

3. Ласточка. И. п. то же. Правую ногу согнуть до уровня талии, руки скрестить перед грудью, ладони раскрыты. Развести руки в стороны, туловище наклонить вперед, правую ногу отвести назад и выпрямить.

Старайтесь держать равновесие как можно дольше.

КВИНТЭССЕНЦИЯ ШКОЛЫ

Шаолиньский монастырь уже приближался к тридцатой годовщине своего основания, когда в его ворота постучал первый патриарх чань-буддизма, индийский вероучитель Бодхидхарма. Это событие предопределило дальнейшую судьбу Шаолиня как крупнейшего в Китае центра религии и «воинских искусств». Было это, согласно летописи, в 527 году новой эры.

Много славных страниц вписали шаолиньские монахи в летопись своей собственной и всей китайской истории. Немало и трагических эпизодов выпало на их долю. Взлеты сменялись па-

дениями, времена процветания чередовались с периодами запустения, не раз этот «первый монастырь в Поднебесной» погибал в пожарах феодальных междоусобиц и крестьянских бунтов, но затем вновь возрождался из пепла. Традиции Шаолиня и самобытная школа «воинских искусств», секреты которой передавались здесь из поколения в поколение, были неподвластны огню и мечу.

Как гласит легенда, создавая новую школу, Бодхидхарма и его ученики взяли за основу движения, при помощи которых народ издревле укреплял здоровье и поддерживал «спортивную форму». Внимательно изучая повадки диких животных, птиц, рыб и насекомых, они создали систему упражнений, которая помогала монахам сохранять бодрость и силы для многочасовых молитв и периодов самосозерцания; эта система была применима и для целей самообороны. Позднее, вобрав в себя элементы многих других разновидностей традиционной гимнастики, шаолиньский стиль отказался от всех лишних движений и стал делать упор не на внешнюю красоту и изящество, а на глубинную логику и эффективность приемов с ориентацией на требования практического единоборства. Это наложило отпечаток на основные черты, присущие шаолиньской школе, – ее отличают строгость, лаконичность, жесткость, простота. В комплексах упражнений движение совершается обычно вдоль одной прямой. Однако это нисколько не сковывает и не мешает свободно выполнять прыжки и развороты, наступать и обороняться. Говорят, что раскрыть себя до конца мастер способен, не выходя за пределы «пятачка, на котором могла бы улечься корова…». Символ школы — жесткость, но она всегда сочетается с мягкостью, резкость — с плавностью, внешняя ярость — с внутренним спокойствием. Какой бы молниеносной ни была цепочка приемов, ум остается холодным и рассудительным, а дух — чистым и светлым. Руки, ноги, корпус и глаза — главные участники действа — работают в высшей степени согласованно, сопровождая и дополняя друг друга. В движении они напоминают штормовой океан, но стоит им замереть — и это уже море в полный штиль. В наступательные действия вкладываются элементы обороны, и наоборот — в отступлении возникает начало очередной атаки.

В средневековом Китае Шаолиньская обитель была настоящим университетом «воинских искусств». Не один год, а зачастую не один десяток лет уходил на то, чтобы постичь их таинства. Это была беспощадная школа, готовившая железных бойцов, способных преодолеть любые преграды. Далеко не всякий выдерживал напряженные занятия. Слабые бесславно уходили, оставались лишь самые упорные, самые несгибаемые. Много воды утекло с тех давних пор. Нет больше напоминающих самобичевание изнурительных тренировок, как и нет потребности в нечеловеческой силе и ловкости, которые в них оттачивались. На смену реальным схваткам пришли заранее отработанные спарринги и комплексы упражнений, выполняемые одним человеком. И хотя каждый подобный комплекс можно при желании развернуть в яркую театрализованную батальную сцену, древнее искусство сегодня главным образом служит другим целям — здоровью людей и эстетическому наслаждению.

…Принц Сиддхартха Гаутама был готов, наконец, прервать мучительную цепь перерождений. Он познал истину. Но прежде чем уснуть навеки под огромной смоковницей, стать Буддой, то есть «просветленным», он созвал шестнадцать своих ближайших сподвижников и промолвил: «Дети мои, уходя, об одном прошу вас. Даже достигнув просветления, не покидайте этот мир. Будьте рядом с людьми и помогайте им избавиться от страданий и невежества». Ученики обещали. И превратились в архатов — милосердных земных полубогов. Позже к «лику святых» буддийского пантеона были причислены еще две легендарные личности. В таком составе и запечатлела архатов буддийская традиция.

«А при чем здесь какие-то буддийские святые?» — удивитесь вы. Сейчас узнаете. Мы познакомим вас с «Восемнадцатью приемами буддийских архатов» — комплексом упражнений, которые можно было бы назвать подлинной энциклопедией шаолиньской школы ушу. Он дает представление о наиболее типичных приемах Северного Шаолиня, о его колорите и близости к народной традиции.

Существует множество вариантов «Восемнадцати приемов». Очень часто они весьма разнятся между собой, но поклонники каждого из многочисленных вариантов настаивают, что именно их излюбленный комплекс своими корнями восходит к тем восемнадцати движениям, что были разработаны в свое время шаолиньским настоятелем Бодхидхармой.

Долгое время школа развивалась в стенах монастырей, под непосредственным влиянием буддизма, его философии, этики и атрибутики и особенностей монастырского быта. Обо всем этом напоминают традиционные названия движений. Главное действующее лицо упражнений — буддийский монах, а в названии комплекса присутствуют сами архаты. Многие позы и движения были подсмотрены в гуще народной жизни или же заимствованы из китайских мифов и легенд. В одних случаях это копирование, в других — лишь символы, условные аналогии. Но так или иначе, изобретенные однажды, эти движения уверенно кочуют из комплекса в комплекс, из столетия в столетие.

Предлагаемый вашему вниманию комплекс Цай Луньюня состоит из 28, а не 18 движений. Несколько элементов было добавлено с целью сделать более плавными и логичными переходы от одного приема к другому. Вы также увидите, что отдельные приемы повторяются по два раза. В комплекс включены все восемнадцать основных движений: 6 ударов кулаком, I удар локтем, 2 удара ребром ладони, 4 удара ногой и 5 захватов. Обращает на себя внимание оборонительный характер приемов: нападает воображаемый противник, большинство движений начинаются защитой и оканчиваются контратакой.

1. Исходное положение

Встать лицом на юг у западного края площадки, вытянутой с запада на восток. Ноги вместе, руки вытянуты вдоль туловища, пальцы прижаты к бедрам, спина прямая, плечи расправлены. Смотреть вперед прямо перед собой.

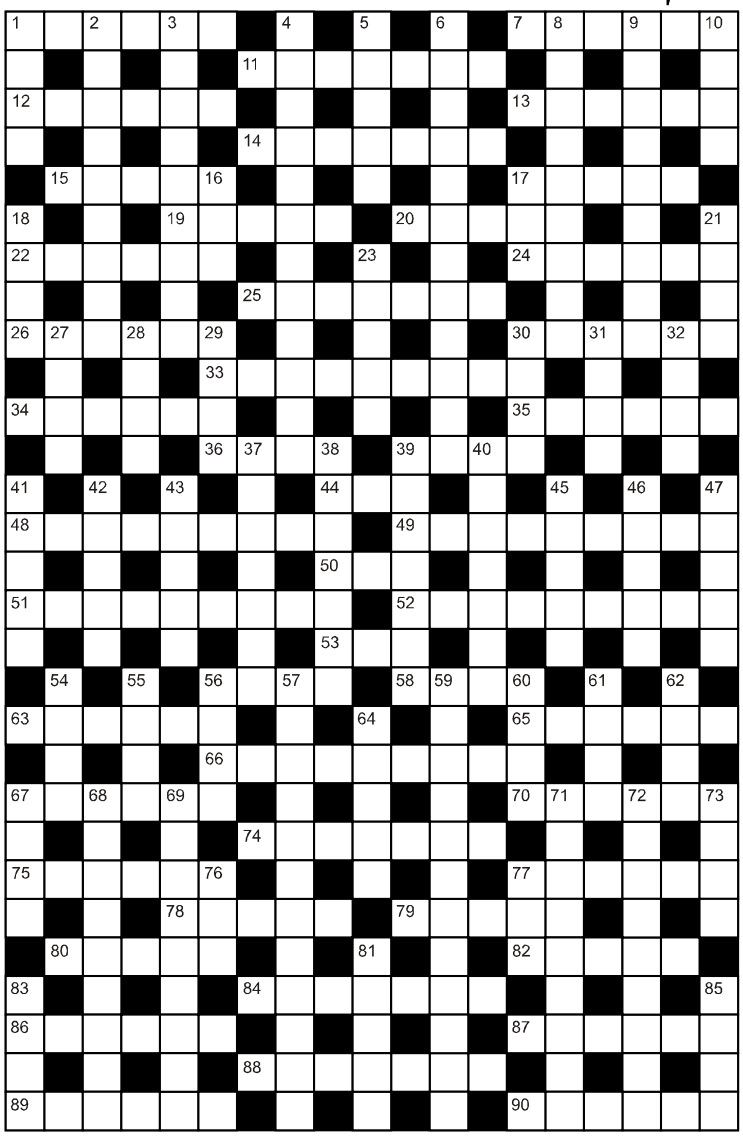
Примечание. Состояние спокойное, дыхание ровное, глубокое, мысли сосредоточены только на выполнении комплекса.

2. Ноги вместе, кулаки к поясу

Сжать руки в кулаки, поднять их и прижать к поясу. Повернуть голову влево, смотреть прямо перед собой.

Примечание. Движения рук и поворот головы выполняются быстро и синхронно. При этом корпус слегка подается вперед, центр тяжести переносится на носки ног. Предплечья плотно прижаты к туловищу. Все тело готово к началу выполнения упражнения.

КРОССВОРД



По горизонтали: 1. Бывает и греко-римской. Но у нас больше развита в вольном стиле. **7.** Город джентльменов и юмора. **11.** Применительно к населению Дагестана их два с лишком. **12.** Нас учили когда-то, что она начинается и с картинки в букваре. **13.** Египет знал трех фараонов с таким именем. Больше известен последний, расширивший государство до Евфрата. **14.** Писатель с мировым именем, автор повести об известном герое Кавказской войны. Его именем назван один дагестанский «юрт». **15.** Место, где нас учили тому, с чего начинается ответ на п. 12 по горизонтали. **17.** Отходы производства, которые имеют возможность обрести «вторую жизнь». **19.** Сейчас в Дагестане много страховых и рекламных, а раньше их больше знали как представителей контрразведки. **20.** Хан, уцмий, шамхал и бек как часть общества. **22.** Традиция православного праздника, аналогичная традиции праздника Уразабайрам. **24.** Поход в Дагестан для Надир-шаха был именно этим. **25.** Более чем необходима Каспийскому морю. **26.** Сотрудник дипломатического представительства. **30.** Крупная железа в организме человека и животных. **33.** Больше, чем неприязнь. **34.** В годы Великой Отечественной имело огромное значение. Сейчас получает распространение электронное. **35.** Горцы разливали бузу из бурдюка, а русичи вино из этого сосуда. **36.** С его помощью берут на буксир. **39.** Командарм 1-го ранга, командовал группой войск на Южном и Юго-западном фронтах в Гражданскую войну. Как и многие, репрессирован, а позже – реабилитирован. **44.** В маленьком ауле человек таких наклонностей – редкость. **48.** Вкусное во всех смыслах слово. **49.** И Большая, и Малая – ковшиками. **50.** Бытовой прибор. Последний писк моды интерьера махачкалинских квартир. **51.** Автор «Педагогической поэмы». **52.** Раньше всех это начали обещать народу во Франции. Обещали и нам. **53.** Сооружение для ремонта и постройки судов. **56.** Грузинский виноградный самогон. **58.** «Оперное имя», прижившееся в Дагестане. **63.** Попросту говоря – тунгусы. **65.** Что скрывается за буквами «у. е.»? **66.** Известная певица, исполнительница русских романсов. **67.** Любимое лакомство махачкалинской детворы. **70.** Один из «байрамов». Особенно популярен в Дербенте. **74.** Разновидность маймуна. **75.** Когда грудь в форме этого – здорово, когда ноги (что у нас чаще) – не очень. **77.** Бывает по росту, по размеру, по важности, но в Дагестане с давних времен – по возрасту. **78.** Ястреб. **79.** Любитель порезвиться. **80.** Далеко не редкость в общем дворе частных домов. **82.** Имя французского импрессиониста по фамилии Ренуар. **84.** Если два в одном – придаст объем. **86.** Левый рукав нижней Волги. **87.** Хороший корм для сельскохозяйственных животных и тучных людей. **88.** Самый известный «Балбес». **89.** Так греки когда-то называли и наших предков. **90.** 20-го числа этого месяца в 1921 году в составе РСФСР была образована ДАССР.

По вертикали: 1. Бывает в море, бывает в пустыне. Последние умеют создавать американцы. **2.** Болезнь аксакалов. **3.** Государство в Южной Азии. **4.** Российская актриса. **5.** Еще конкретнее: место, где нас учили тому, с чего начинается ответ на п. 12 по горизонтали. **6.** Город в Ростовской области, и ГРЭС при нем. **8.** Самое короткое из семейства виршей. **9.** Обостренное чувство собственного достоинства. **10.** «Козел отпущения» для родителей, которые обязаны объяснить ребенку, откуда взялся братик или сестренка. **16.** Аффикс сложных дагестанских имен. **17.** Говорят, бывают и у стен. (ед. ч.). **18.** Этим и богаты наши края. **21.** Во все времена самый главный человек для дагестанцев, как и для всех остальных. **23.** То же, что и п. 34 по горизонтали, но на воровском жаргоне. **27.** Пряность, любимая дагестанскими хозяйками. **28.** Гораздо меньше контрабаса, но больше скрипки. **29.** Хищное млекопитающее с ценным мехом, акклиматизированное в соседнем Азербайджане. **30.** Самый известный – Безухов. **31.** Дитя, ребенок. **32.** Это слово объединяет и марку автомобиля, предпочтительную для поездки в горы, и журнал, издававшийся до 1918 г. в России, и реку (и это не ошибка!). **37.** Беседка с претензией. **38.** Особенно мало ее у нас предоставлено слову. **39.** «Дагестан–Турэкспо» – кроме того, что выставка. **40.** Я, ты, он, она – каждый в отдельности. **41.** Азербайджанская станция на границе с Дагестаном. **42.** Зеленая и страшная. Порой даже смертельная. **43.** Атмосферный вихрь разрушительной силы в форме хобота. В Дагестане не наблюдался. **45.** Батырай за каждую платил быка. **46.** В переводе с греческого – «образ жизни». **47.** Самый лучший в Дагестане только на стадионе «Динамо». **54.** Незаменимый жарким летом напиток. **55.** Американцы, которые не нравятся. **56.** Известный по рекламе кофе. **57.** Редкая способность человека. **59.** С таким документом на страшном суде все с рук сойдет. Нам его получить не позволяет конфессия. **60.** Город в Йемене. **61.** Восточное блюдо, пришедшееся к столу и у нас. **62.** Искусство росписи по телу. **64.** Официальный язык «братского» всем мусульманам народа. **67.** Размер «М» на языке торговцев Восточного рынка. **68.** Волновая струя, идущая позади судна. **69.** Бытовая машинка. Полезна для мышц рук. **71.** Другая разновидность маймуна. **72.** Постановка действа. **73.** Слово, часто встречавшееся в названиях советских учреждений и организаций. **76.** Пища для ответа на п. 78 по горизонтали. **77.** Французский живописец. **81.** Популярный сравнительно недавно итальянский сериал о мафии. **83.** Чеховский персонаж. **85.** На махачкалинских улицах устанавливается около двух часов пополуночи. Исчезает с рассветом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2.

По горизонтали: 4. Одурь. **10.** Совесть. **11.** Бинокль. **12.** Курсы. **13.** Разброд. **15.** Дефицит. **16.** Гамбургер. **17.** Горюн. **19.** Болид. **20.** Дамка. **23.** Пижон. **26.** Абрикос. **29.** Окурок. **30.** Толмач. **31.** Артишок. **32.** Борода. **33.** Бордюр. **34.** Завиток. **37.** Вираж. **38.** Купер. **41.** Сырок. **44.** Цукат. **45.** Гарпунщик. **47.** Гонорар. **48.** Шарабан. **49.** Кисея. **50.** Пейджер. **51.** Шпионаж. **52.** Багаж.

По вертикали: 1. Подарок. **2.** Верблюд. **3.** Отрог. **5.** Дружба. **6.** Ресурс. **7.** Бисер. **8.** Полигон. **9.** Алхимик. **14.** Давка. **15.** Дефис. **18.** Намордник. **19.** Богомолец. **21.** Абордаж. **22.** Чигирик. **23.** Потомок. **24.** Торба. **25.** Луара. **27.** Имидж. **28.** Очерк. **34.** Загар. **35.** Кукиш. **36.** Выходец. **37.** Вологда. **39.** Рубанок. **40.** Балаган. **42.** Оптика. **43.** Анкета. **45.** Гарем. **46.** Кашпо.

Каспийск.
7 мая 2003 года.
Год после трагедии.

В Каспийске во Дворце спорта «Дагдизель» 25-27 апреля состоялся 34-й Международный турнир по вольной борьбе памяти Али Алиева. В турнире приняли участие более 100 вольников из девяти команд, представляющих Россию, страны ближнего и дальнего зарубежья. Впервые принимала участие сборная Испании. В семи весовых категориях наши спортсмены уверенно заняли четыре первых места, три — вторых, и три — третьих. На высшую ступень пьедестала поднялись Курамагомед Курамагомедов, Насыр Абдуллаев, Зелимхан Гусейнов и Рамазан Абдурахманов.